SERIES MINOR

А. А. БУЛЫЧЕВ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАМПАНИИ XVII века

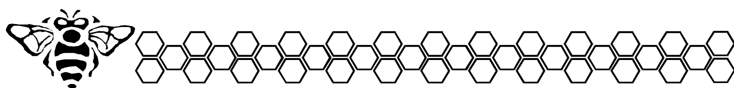
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1620-х ГОДОВ О ЗАПРЕТЕ СВОБОДНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ «ЛИТОВСКИХ» ПЕЧАТНЫХ И РУКОПИСНЫХ КНИГ В РОССИИ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Studia Historica

Series Minor

А. А. БУЛЫЧЕВ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАМПАНИИ XVII века

Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва
2004

ББК 63.3(2)46
Б 90

Булычев А. А.

Б 90 История одной политической кампании XVII века: Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 144 с. — (Studia historica. Малая сер.). *(Вклейка после с. 64)*

ISBN 5-9551-0014-8

Книга посвящена изучению кампании по законодательному запрещению свободного распространения «литовских» изданий и рукописей в России во второй половине 20-х — начале 30-х гг. XVII в. В результате исследования указов царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета, санкционировавших сначала запрет на ввоз и торговлю украинскими и белорусскими книгами на территории Московии, а затем и их тотальную конфискацию в приграничных с Речью Посполитой уездах, можно говорить о политических, а отнюдь не о вероохранительных целях этой тщательно спланированной акции. Жесткие и весьма оперативные меры российского правительства хронологически совпали с наиболее серьезной попыткой учреждения автономного униатско-православного патриархата в Литве в 1620-х гг. Негативная реакция царя и патриарха на угрозу основания в Речи Посполитой церковного престола, по своему статусу равного московскому, была предопределена не только ожиданиями радикального изменения геополитической ситуации в регионе, но и заочным соперничеством Филарета со своим предшественником Игнатием Греком, эмигрировавшим из России осенью 1611 г. Полная неосведомленность патриарха Филарета о реальном положении и судьбе Игнатия в Великом княжестве Литовском превращала его фигуру в грозный политический «призрак», беспокоивший отца Михаила Федоровича до последнего дня жизни.

Предназначается как для профессиональных историков, так и для всех интересующихся историей Отечества.

ББК 63.3(2)46

В оформлении обложки использованы изображения митрополичьего места в Архангельском соборе Московского Кремля и настольной грамоты иерусалимского патриарха Феофана Филарету Никитичу Романову, 1619/1629 г.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

ISBN 5-9551-0014-8

Светлой памяти моего учителя
профессора Александра Лазаревича Станиславского

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Выдающаяся роль украинской и белорусской книжности XVI—XVII столетий в процессе «европеизации» отечественной духовной жизни и в насаждении на российской почве ростков секуляризированной западноевропейской культуры общеизвестна[1]. Во второй половине 1620-х гг. московские светские и церковные власти развернули хорошо организованную кампанию по законодательному запрету свободного распространения в России «литовских» печатных и рукописных книг, в результате которой русское образованное население почти на целое пятилетие лишилось легального доступа к памятникам кириллической письменности Речи Посполитой.

По сию пору в историографии господствует мнение о прямом влиянии на царя и патриарха, неожиданно превратившихся в беспощадных гонителей православной польско-литовской книжности, неблагоприятных отзывов местных начетчиков, освидетельствовавших богословские писания двух украинских теологов, — Лаврентия Зизания Тустановского и Кирилла Транквиллиона Ставровецкого, соответственно в январе и в начале ноября 1627 г. Свои выводы большинство исследователей основывали на анализе содержания совместных указов

Михаила Федоровича и Филарета последних месяцев 1627 — февраля 1628 года. Первый был посвящен конфискации и сожжению сочинений Кирилла Транквиллиона с последующим запрещением торговать на территории страны любыми «литовскими» печатными изданиями и «письменными» кодексами, ввозимыми из-за рубежа. Историки датируют его обычно 1 декабря 1627 г. Второй, выпущенный в начале 1628 г., подробно описывал, по мнению ученых, процедуру изъятия произведений украинско-белорусской книжности не только из частных собраний городских и сельских жителей, но и из всех библиотек церквей и монастырей Московского государства[2]. При этом лишь немногие исследователи обратили внимание на существование еще более раннего, октябрьского, царского указа 1627 г. о воспрещении россиянам покупать «литовские» книги у иноземных «торговых людей»[3].

Новый свет на историю законодательного преследования властями Московии единоверной письменности Речи Посполитой во второй половине 20-х гг. XVII в. проливают делопроизводственные материалы средневековых архивов Оружейной палаты, Посольского, Разрядного и Сибирского приказов, изучению которых и посвящена настоящая книга.

Появление этого исследования не было бы возможно без благожелательного участия коллег «по цеху», сделавших немало ценных замечаний во время обсуждения отдельных его разделов на заседании семинара «Социально-политическая и культурная история России XII—XVIII веков» (РГАДА), а также в многочисленных личных беседах. Поэтому автор считает своей приятной обязанностью выразить искреннюю благодарность за помощь и поддержку А. А. Турилову, Б. Н. Флоре, В. Г. Ченцовой, Ю. М. Эскину, Б. Л. Фонкичу, В. В. Калугину, А. В. Лаврентьеву, С. Н. Кистереву, Л. А. Тимошиной, А. В. Антонову, А. В. Малову, О. А. Курбатову, протодиакону А. Агейкину (РПЦ). Отдельная благодарность моей жене А. К. Булычевой, на чью долю выпало быть первым нелицеприятным читателем данной работы.

Примечания

[1] См.: *Лаппо-Данилевский А. С.* История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. М., 1990. С. 123—126; *Еремин И. П.* Лекции и статьи по истории древнерусской литературы. 2-е изд., доп. Л., 1987. С. 208—209, и др.

[2] См.: *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 298—303; *Г-в А.* (*А. П. Голубцов*). Судьба «Евангелия учительного» Кирилла Транквиллиона Ставровецкого // ЧОЛДП. 1890. Вып. 1. С. 535—575; *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Париж, 1959. Т. 2. С. 101—102; *Маслов С. И.* Кирилл Транквиллион-Ставровецкий и его литературная деятельность: Опыт историко-литературной монографии. Киев, 1984. С. 172—177; *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. Мюнхен, 1970. С. 71; *Дзюба Е. Н.* Просвещение на Украине и его роль в укреплении связей украинского народа с русским и белорусским: Вторая половина XVI — первая половина XVII в. Киев, 1987. С. 96; *Голенченко Г. Я.* Идейные и культурные связи восточнославянских народов в XVI — середине XVII в. Мн., 1989. С. 92—93; *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 156—173; *Она же.* «Прения с Евангелием учительным» Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого в русской богословской полемике XVII века // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2000. С. 185—193; *Она же.* «Книги литовской печати» в «спецхране» Московского Кремля // Славяноведение. 2002. № 2. С. 140—148; *Лобачев С. В.* Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 45—46; *Bushkovitch P.* Religion & Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries. N.Y.; Oxford, 1992. P. 53, и др. Ср.: *Uspensky B. A.* The Schism and Cultural Conflict in the Seventeenth Century // Seeking God: The Recovery of Religious Indentity of Orthodox Russia, Ukraine, and Georgia. DeKalb, 1993. P. 110.

[3] См.: *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914. С. 103—113; *Исаевич Я. Д.* Преемники первопечатника. М., 1981. С. 144—145.

1. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ КОНЦА 20-х — НАЧАЛА 30-х гг. XVII в. О ЗАПРЕЩЕНИИ СВОБОДНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ УКРАИНСКИХ И БЕЛОРУССКИХ КНИГ В РОССИИ

В конце XVI — первой четверти XVII столетий «литовские» печатные издания и рукописные кодексы совершенно беспрепятственно распространялись на территории Московского государства[1]. Ситуация радикально изменилась осенью 1626 г., когда царский указ в Путивль воеводам стольнику Б. М. Нагово (Нагому) и П. Н. Бунакову фактически ввел практику принудительной высылки за пределы страны книготорговцев из Речи Посполитой после досмотра их книжного «скарба» в российской столице. Формальным поводом для его принятия послужил прецедент, созданный во второй половине августа — сентябре теми же путивльскими администраторами, которые сначала задержали, а затем препроводили в Москву киевлян Матюшку Григорьева и Сеньку Селиванова вместе со всеми обнаруженными у них книгами[2]. Среди отобранных у «торговых людей» изданий имелись экземпляры Анфологиона (1619 г.), «Слова на латинов» Максима Грека (около 1620 г.), «Бесед на 14 посланий святаго апостола Павла» (1623 г.) и «Бесед на „Деяния святых апостол“» (1624 г.) Иоанна Златоуста, Акафистов (1625 г.), отпечатанные в типографии Киево-Печерской

лавры. В их число входило и «Учительное Евангелие», изданное, вероятно, в Рохманове в 1619 г.[3]

Судя по перечню книг, изъятых у М. Григорьева и С. Селиванова, это была рядовая для тех лет торговая партия украинских изданий, часть из которых ранее не только подносилась киевским первоиерархом царю Михаилу и патриарху Филарету в подарок, но и охотно теми принималась без каких-либо явных «прещений»[4]. Тем не менее осенью 1626 г. все эти книги вызвали недоверие у столичных цензоров, отчего продавцам поневоле пришлось вернуться к себе на родину в Речь Посполитую со всем привезенным товаром, без барыша.

Осенний указ 1626 г. упоминался во вступлении к более поздней грамоте из Государева Разряда в Вязьму воеводам, стольнику князю В. П. Ахамашукову-Черкасскому и Д. А. Замыцкому, и дьяку М. Сомову, составленной, по-видимому, между сентябрем — началом октября 1627 г. (документ № 1)[5]. Такую датировку указной грамоты, от текста которой сохранилась лишь преамбула, можно аргументировать следующими соображениями. Во-первых, описание коллизии, сопровождавшей появление правительственного постановления осени 1626 г., снабжено пояснением: «в прошлом во 135-м году», что убедительно свидетельствует о времени составления самого документа после означенного года. А во-вторых, во введении к аналогичному приказному акту с изложением октябрьского царского указа 1627 г. сделана прямая ссылка на предшествующее распоряжение московского монарха, очевидно, близко совпадавшее с ним по содержанию: «И те книги из Киева и из иных из литовских городов мимо твой государев указ торговые люди привозят в Путивль и в ыные городы и продают для смуты всяким людем»[6]. Иными словами, выпущенный в конце августа — сентябре 1626 г. первый законодательный памятник с его относительно мягкими условиями депортации иноземных книготорговцев создал столь необходимый для начала полномасштабной кампании юридический прецедент. Изданный почти год спустя, в сентябре 1627 г., второй подобный акт, преамбулу которого со-

хранила грамота, отправленная из Разрядного приказа вяземским воеводам, представлял собой, скорее всего, документ более «общего» характера, запрещавший ввозить на территорию Московии какие бы то ни было украинско-белорусские издания и рукописи для сбыта их на внутреннем книжном рынке. Похоже, что именно его имели в виду авторы октябрьского постановления правительства, упоминая предшествующий «государев указ» о запрещении воеводам приграничных городов пропускать через рубежи Русского государства негоциантов с «литовскими» печатными изданиями и «письменными» кодексами.

Практика принудительной высылки иностранцев, привозивших на продажу в Россию украинские или белорусские книги, получила свое дальнейшее развитие в новом законодательном акте, выпущенном от имени московского самодержца, вероятно, в октябре того же 1627 г. По нему провинциальным администраторам вменялось в обязанность следить за строгим соблюдением вводимого для населения запрета покупать «заповедные» издания и кодексы у купцов из Литвы не только внутри страны, но и за ее рубежами. Понятно, что это постановление касалось главным образом русских «торговых людей», нередко доставлявших из-за границы партии книг «литовской печати», вполне сопоставимые по своим объемам с поставками их украинских и белорусских коллег. О том, как оно претворялось в жизнь, поведал один из пострадавших отечественных книготорговцев, посадский человек Кирилка Савостьянов: путивльские воеводы заставили его вывезти обратно в Речь Посполитую все приобретенные там издания, предложив организовать их продажу уже за пределами России[7]. Тех же иноземных негоциантов, кто осмелился бы нарушить царский указ прямо в его владениях, ожидала немедленная депортация со всем товаром назад в Польско-Литовскую державу.

Во вступительной части октябрьского указа жесткие ограничения торговли произведениями единоверной украинской и белорусской книжности мотивировались известием о

переходе в унию талантливого полемиста и богослова Кирилла Ставровецкого, который после своего отпадения от православия «в Учительные Евангилья и в ыные книги литовские печати… многие латынские ереси вводит тайно»[8]. Откровенно преувеличенные обвинения в его адрес появились в грамотах с текстом указа, очевидно, под воздействием резко отрицательного отзыва переяславского никитского игумена Афанасия Китайчича о личности автора и содержании рохмановского Учительного Евангелия, сделанного в специальном челобитье царю и патриарху в начале октября 1627 г.[9] Любопытно, что Афанасий, критикуя сочинение Транквиллиона, ссылался, в частности, на факт его осуждения священноначалием Киевской митрополии на Соборе 1625 г. Для выходца из Речи Посполитой, к коим принадлежал никитский настоятель, подобная апелляция была вполне естественной, однако вряд ли можно согласиться с широко распространенным в отечественной историографии мнением об авторитетности этого соборного постановления для справщиков Печатного двора в Москве[10]. В деяниях архиерейского собора, *созванного в одной из епархий Константинопольского патриархата*, сборник проповедей Кирилла Ставровецкого объявлялся неправославным произведением, которое «никому от… благочестивых християн ни в церквах, ни в домех не держати, не чести, ни покупати». Несмотря на всю прагматическую выгодность такой негативной оценки рохмановского Учительного Евангелия для патриарха Филарета Никитича или работников государственной типографии, оно не имело ни канонической, ни юридической силы не только для духовенства и мирян автокефальной Русской церкви, но и для епископата и паствы других епархий Цареградской патриархии. Иными словами, московские цензоры произведения Транквиллиона, безусловно, должны были оценить удобство вердикта Киевского архиерейского собора 1625 г., существенно упрощавшего поставленную перед ними задачу, однако они явно не воспринимали его решения для себя обязательными и, тем более, авторитетными.

Для иностранных «торговых людей» этот указ предусматривал совершенно другое, абсолютно деидеологизированное, объяснение вводимых санкций: воеводы порубежных городов обязаны были убеждать приезжих купцов, что в «Московском государстве всяких книг много московские печати» и именно поэтому предлагаемый ими товар в России ненадобен [11].

Обоснования учреждаемых октябрьским законодательным актом запретительных мер в обоих случаях не выдерживают сколько-нибудь беспристрастной научной критики. Так, религиозная измена заурядного иеромонаха, чье реальное влияние на дела киевской кафедры оставалось ничтожным вплоть до момента его присоединения к унии [12], вряд ли могла явиться действительной причиной введения столь строгих ограничений в торговле с соседней страной. Похоже, что и духовные и светские власти в Москве, отлично осведомленные обо всех по-настоящему авторитетных лидерах православной церкви в Литве, явно лукавили, наделяя Транквиллиона способностью «портить» издания целой митрополии, которая к тому же стала для него, униатского архимандрита, отныне совсем чужой. Наконец, не менее фантастической выглядела правительственная декларация о полном обеспечении внутреннего книжного рынка продукцией единственной в ту пору русской типографии — столичного Печатного двора [13].

Положения царского указа октября 1627 г. известны ныне только по его пересказам в отписках провинциальных воевод о получении на местах грамот из Разряда. Подробное изложение нормативной части этого памятника встречается в одной из самых ранних воеводских отписок об исполнении его предписаний, отправленной в Разрядный приказ из Великих Лук стольником В. А. Третьяковым-Головиным с местным сыном боярским С. Костюриным, которую тот и доставил в Москву 27 ноября 1627 г. (документ № 2) [14]. Текст преамбулы октябрьской указной грамоты, опущенный при составлении ответного документа в Великолуцкой приказной избе, читается в позднейшей отписке торопецкого воеводы стольника князя В. Г. Ромодановского и подьячего Д. Алексеева от 9 февраля 1628 г. [15]

Монарший указ октября 1627 г. предоставил в распоряжение правительства весьма эффективный правовой механизм полного прекращения легальных поставок на территорию Российской державы «литовских» книг из Речи Посполитой. В середине ноября августейшие соправители — Михаил Федорович и Филарет Никитич — приступили к созданию аналогичного законодательного инструмента для окончательного пресечения свободного распространения украинско-белорусских печатных изданий и «письменных» кодексов внутри страны. Причем проблема состояла не только в ликвидации торговли в Московии «заповедными» книгами, ввезенными на ее территорию до выхода осенних запретительных актов 1627 г., но и в подготовке массовой конфискации таких изданий и рукописей у населения и духовных корпораций. Наиболее подходящей юридической формой для проведения этой беспрецедентной акции стал совместный указ московских самодержца и первосвятителя[16], учитывавший нюансы средневекового права с его довольно широким судебным иммунитетом и, главное, имущественной независимостью Церкви от «градских» властей[17].

Первый по времени такой законодательный акт предписывал провести повсеместное изъятие и вслед за тем принародное сожжение сочинений Кирилла Ставровецкого с запрещением подданным впредь торговать «литовскими» книгами на всем пространстве обширного Русского царства. Нарушителей, утаивших издания «Кирилова слогу», а также замеченных в продаже или покупке украинско-белорусских книг, ожидало суровое «великое градцкое наказание» — бичевание кнутом и церковное проклятие. Отписки о получении на местах указных грамот с подробным описанием своих действий по их исполнению воеводы обязаны были направлять на Патриарший Двор (на самом деле — в Патриарший Разряд) боярину князю А. В. Хилкову и дьякам Ф. Рагозину и Г. Леонтьеву[18]. Туда же следовало отсылать и специальные именные росписи лиц, хранивших по домам произведения Транквиллиона.

Содержание первого совместного указа царя и первосвятителя знакомо большинству исследователей по его пересказу в грамоте из Приказа Казанского дворца верхотурскому воеводе князю С. Н. Гагарину и подьячему П. Максимову от 1 декабря 1627 г.[19] Единственная на сегодня публикация этого интересного документа, выполненная еще в 1820-х гг., к сожалению, изобилует погрешностями при передаче текста[20]. Более того, ошибочно приняв рядовой приказной акт за какую-то особую «окружную грамоту», археографы первой четверти XIX в. невольно способствовали неоднократным попыткам представить в позднейшей историографии его датировку в качестве даты судоговорения указа в Думе[21].

Уточнить время, когда было принято данное постановление царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета, определившее дальнейшую судьбу «литовской» православной книжности в России, позволяет находка в архиве Оружейной палаты комплекса делопроизводственных материалов Владимирской и Галицкой четвертей. Благодаря обнаруженным документам можно проследить изменения текстовой формы указа едва ли не с момента его записи со слов «великих государей» в Боярской думе и до дня отправки из территориальных приказов грамот по городам с лаконически точным изложением составленного в Разряде исходного текста[22].

Наиболее раннюю редакцию этого законодательного акта, явно восходившую к первоначальной записи судоговорения, отразила подлинная память[23] из Разрядного приказа дьяку Г. П. Золотареву во Владимирскую и Галицкую четверти о посылке в подведомственные города указных грамот с его пересказом. «Приписана» она была вторым дьяком Государева Разряда М. Ф. Даниловым 25 ноября 1627 г. (документ № 3)[24]. Судя по датировке приказного документа, непосредственное принятие самого указа могло состояться в Думе не позднее второй декады ноября[25].

Предписание разрядной памяти Г. П. Золотарев выполнил в конце ноября — декабре 1627 г., когда в подначальных ему учреждениях завершилась работа над указными грамота-

ми во Владимир и Коломну, тексты которых послужили образцом для аналогичных им актов, разосланных в провинцию. В них под пером столичных бюрократов исходная запись указа «великих государей», сделанная в Разряде, обрела законченную форму приказного документа, уже вполне пригодного для распространения по российским городам.

Черновой отпуск указной грамоты во Владимир воеводе К. Н. Волкову и подьячему С. Дохтурову «писан на Москве» в одноименном четвертном приказе 30 ноября 1627 г. (документ № 4)[26]. В делопроизводственной приписке к основному тексту памятника сообщалось, что подобные акты были отправлены из Владимирской чети еще в двенадцать других городов: «во Тверь, в Торжок, на Тулу, в Переславль, в Зараской, в Торусу, в Путивль, в Рылеск, Воротынеск, в Колугу, на Волуйки, в Боровеск». Позднее запись о посылке документа в Тарусу по неясной причине оказалась вычеркнута из этой приписки.

Второй черновой отпуск подобной грамоты, адресованной властям Коломны, приказные дельцы Галицкой четверти составили в декабре 1627 г.[27] В отличие от предыдущей рукописи, текст настоящего акта сохранился не полностью: в его начале утрачен примерно один столбцовый лист. Как следует из поздней делопроизводственной приписки к документу, сходные по содержанию указные грамоты направлялись из Галицкой чети, помимо Коломны, «во Брянеск, в Карачев, во Мценеск, в Белев»[28].

Воеводские отписки о выполнении на местах распоряжений ноябрьского указа ясно доказывают существование двух, отличных друг от друга, видов приказных актов, отсылавшихся из столичных приказов по городам в последней декаде ноября — декабре того же года.

В первом случае такой документ извещал местных администраторов о только что принятом совместном постановлении московских самодержца и патриарха середины ноября месяца. Кроме обнаруженных ныне указных грамот Владимирской и Галицкой четвертных приказов, аналогичный юридический

акт был направлен 30 ноября 1627 г. из Казанского Дворца в Тобольск воеводам князю А. А. Хованскому и И. В. Щепину-Волынскому, дьякам И. Федорову и С. Угоцкому[29]. Грамоты этого типа рассылались центральными ведомствами Российской державы в течение еще довольно продолжительного времени: одну из них великолуцкий воевода В. А. Третьяков-Головин получил из Государева Разряда лишь 25 декабря того же года[30].

Разрядные записи, наряду с воеводскими отписками с мест о получении грамот первого, вполне обычного, образца, сберегли для науки бесценные свидетельства практического применения положений ноябрьского указа 1627 г. в повседневной жизни обширной державы. Так, 4 декабря в Москве прошло показательное аутодафе сочинений Кирилла Ставровецкого: рукой столичного дворянина Г. И. Горихвостова[31] были сожжены «на пожаре» шестьдесят экземпляров рохмановского Учительного Евангелия за обнаруженные в нем «хульные и мерзские слова» и «еретичество» самого автора[32]. В том же месяце все найденные книги «Кирилова слогу» предали огню у себя в городах воеводы Верхотурья[33] и Тобольска[34]. Костры из писаний «крамольного» украинского теолога, несомненно, пылали в ту пору в каждом уездном центре России, где только местным властям удавалось отыскать его произведения[35].

В другом случае городовым воеводам присылались из столицы грамоты несколько иного содержания: изложение ноябрьского указа в них было дополнено подробным пересказом предшествовавшего ему правительственного распоряжения, выпущенного в октябре того же года. Причем одно из главных требований законодательного акта середины ноября 1627 г. — проведение повальной конфискации исключительно книг Транквиллиона — в «объединенных» указных грамотах уже распространялось на все украинско-белорусские печатные издания безотносительно времени их выхода. Отныне провинциальным администраторам надлежало «заказ крепкой учинити, чтоб однолично литовские

печати никаких книг Кирилова слогу нихто у себя не держал, опричь московские печати»[36]. Столь очевидное расширение сферы применения ноябрьского постановления «великих государей» позволяет говорить о введении совершенно новой юридической нормы, которая могла быть принята лишь в следующем совместном указе. Его текст и передавали грамоты такого нетрадиционного вида. Предназначалось данное постановление, вероятно, для рассылки воеводам порубежных с Речью Посполитой городов, где издавна велась крупная приграничная торговля. Помимо Москвы, это был, пожалуй, единственный регион страны, куда местные и иноземные купцы регулярно привозили на продажу весьма значительные партии украинских и белорусских печатных изданий, отчего опыт проведения их массового изъятия у тамошних владельцев заведомо предполагал его завершение с ощутимым положительным результатом. Неудивительно, что в декабре судьи Разрядного приказа направили «объединенные» указные грамоты с текстом нового законодательного постановления именно в Путивль и Торопец[37]. Этот второй совместный указ Михаила Федоровича и Филарета, по-видимому, следует датировать концом ноября — самым началом декабря 1627 г.

Отписку торопецкого воеводы князя В. Г. Ромодановского и подьячего Д. Алексеева о мерах, предпринятых ими по получении приказного акта с его изложением, местный сын боярский П. Башеев доставил в Разряд 9 февраля 1628 г. В ней администрация Торопца извещала столичные власти о тщетности своих поисков в книжных собраниях городских жителей, а также церковных и монастырских библиотеках не только сочинений Кирилла Ставровецкого, но и любых других «литовских» изданий. Текст документа, напечатанный в 1890 г. сотрудниками Н. А. Попова с множеством произвольных купюр и серьезным поновлением языка, переиздан в настоящей работе в полном согласии с требованиями современной актовой археографии к публикации законодательных памятников второй половины XVI—XVII столетий (документ № 6)[38].

Совсем иными оказались последствия посылки «объединенной» указной грамоты в Путивль. В отписке, присланной оттуда в Разрядный приказ 9 января 1628 г., воеводы князь С. В. Прозоровский и А. И. Толбузин доносили в Москву о сожжении обнаруженных в городе нескольких экземпляров рохмановского Учительного Евангелия Транквиллиона [39]. Кроме того, они уведомили судей Государева Разряда об успешно проведенной на посаде, в церквах и монашеских обителях Путивля массовой конфискации всех иных «сысканных» украинско-белорусских печатных книг, вне зависимости от их авторства, места или времени выхода.

Только в библиотеке единственного городского монастыря — Молчанской (Молчевской) Печерской обители — князь Прозоровский «с товарищи» нашли и изъяли приблизительно одиннадцать экземпляров таких изданий [40]. В представленном в Разрядный приказ списке конфискованных книг путивльские воеводы особо выделили издания «виленской», «киевской» и «старой» печати. Так, «Евангилье напрестольное виленской печати в десть», очевидно, представляло собой последнюю перед 1627 г. публикацию Евангелия-тетр «литовских» типографов Луки и Козьмы Мамоничей (Вильно, 1600 г.) [41]. Поэтому логично было бы предположить, что составители воеводского перечня отнесли к изданиям «старой печати» исключительно украинские и белорусские «стародруки» XVI в., выпущенные до 1600 г. В таком случае, получив второй совместный указ царя и патриарха в декабре 1627 г., власти Путивля изъяли из книгохранилища Молчанского монастыря изданное первопечатниками Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем Учительное Евангелие Иоанна Агапита (Заблудов, 1569 г.) [42], а также Служебник (Вильно, либо 1583 г., либо около 1598 г.) [43], Анфологион (Киев, 1619 г.), «На Отче наш выклад» Иоанна Златоуста (Вильно, 1620 г.), Псалтирь (Киев, 1624 г.), Псалтирь учебную (Вильно, 1627 г.) и неизвестно где, когда и кем опубликованные «два Апостола печатные ветхие в десть» [44].

Правительство, лишив библиотеку Молчанского монастыря «заповедных» иноземных изданий в конце 1627 г., между тем не спешило заменить их продукцией московской государственной типографии. По свидетельству памяти, отправленной из Разряда в Приказ Большого дворца в сентябре 1638 г., российские самодержец и первосвятитель пожаловали туда напечатанные в столице «Евангилье напрестольное, Евангилье толковое, два Апостола, Псалтырь, Служебник», специально отметив при этом, что «в Трефолоя место книги… не послано», поскольку «в то лето на книжном на Печатном Дворе Трефолуев не было». Как видно из текста приказного документа, снабжение путивльской обители отечественными изданиями произошло в виде единовременной акции властей не ранее 4 мая 1629 г., когда столичные типографы окончили работу над Учительным Евангелием константинопольского патриарха Иоанна IX Агапита[45]. Столь длительную задержку с рассылкой московских книг взамен изъятых «литовских» можно объяснить двояко. С одной стороны, во втором общем указе Михаила Федоровича и Филарета отсутствовало положение об обязательной компенсации церквам и монастырям их книжных потерь за казенный счет изданиями государственной типографии. С другой — чрезвычайно долгой подготовкой на Печатном дворе первой русской публикации Учительного Евангелия цареградского первоиерарха, необходимой для замены экземпляров этого популярного произведения православной гомилетики, отпечатанных в «друкарнях» Речи Посполитой.

Третье совместное постановление «великих государей» явилось, по сути, своеобразным «техническим» дополнением к предыдущим их общим указам и было очевидной попыткой смягчить удар, наносимый повальной конфискацией украинских и белорусских книг интересам российского купечества. Данный акт вводил практику денежного возмещения убытков книготорговцам за отобранные у них «литовские» издания. Изложение его содержания в самом сжатом виде сохранил черновой отпуск памяти из Разрядного приказа

дьяку Устюжской четверти М. Смывалову с требованием переслать оттуда через Государев Разряд в одноименное патриаршее ведомство сто шестьдесят восемь рублей и десять денег для уплаты за «заповедные» книги, «которые взяты у торговых людей по росписи, что переписываны з Земского двора», от 9 декабря 1627 г. (документ № 5)[46]. На следующий день подьячими Денежного стола Разрядного приказа М. Култыковым и Патриаршего Разряда Т. Сергеевым вся эта сумма была отнесена их коллеге С. Сергееву в Земский приказ для непосредственной раздачи купцам[47]. Третий совместный указ царя и предстоятеля Русской церкви мог быть принят во второй половине ноября — начале декабря того же года.

В историографии четвертое постановление самодержца и патриарха, принятое в феврале 1628 г., традиционно рассматривается в качестве основного юридического инструмента проведения предполагаемой сплошной конфискации «литовских» изданий в России. При этом исследователи особо подчеркивали его фискальный характер, ссылаясь на содержавшееся в нем предписание организовать на местах массовую перепись украинско-белорусских книг, хранящихся у населения и духовных корпораций. Между тем в преамбуле февральского совместного указа прямо говорится о вторичности этого законодательного акта: «Писано от нас <великих государей.— *А. Б.*> к вам <путивльским воеводам.— *А. Б.*> наперед сего, а велено вам литовские книги не Кирилова слогу Транквилина Ставровецкаго у всяких людей переписать». Действительно, как теперь удалось выяснить, реальное начало конфискации всех без исключения украинских и белорусских печатных книг в порубежных с Речью Посполитой уездах положил еще второй общий указ Михаила Федоровича и Филарета декабря 1627 г.[48] В данном же контексте термин «переписать» означал составление перечней уже изъятых у владельцев изданий: отправки в Москву именно таких росписей требовали от местных вла-

стей два предшествующих совместных постановления монарха и первосвятителя.

По сравнению с предыдущими законодательными актами четвертый общий указ царя и патриарха придал проводимой акции по-настоящему тотальный характер: по нему безусловной конфискации у населения и духовных корпораций подлежали не только старопечатные книги, но и «письменные» кодексы иноземного происхождения[49]. В остальном он лишь детализировал процедуру изъятия «литовских» изданий и рукописей на местах, что позволяло впредь избегать серьезных издержек от чрезмерно усердного исполнения провинциальными администраторами предписаний совместного постановления «великих государей» последней декады ноября — первых чисел декабря 1627 г. Достаточно вспомнить действия воевод в Путивле, забравших в декабре того же 1627 г. из Молчанской обители необходимые при ежедневном богослужении напрестольное Евангелие, Апостолы, Анфологион, Служебник, два Часослова и Псалтирь. Вероятно, под влиянием подобных инцидентов февральским указом 1628 г. градоправителям вменялось в обязанность специально позаботиться о том, чтобы по окончании этой кампании храмы и монастыри не остались «без пения». При этом государство гарантировало восполнение книжных утрат духовных корпораций московскими изданиями.

Содержание четвертого совместного постановления Михаила Федоровича и Филарета ныне известно из текста указной грамоты из Разрядного приказа путивльским воеводам князю С. В. Прозоровскому и А. И. Толбузину от 26 февраля 1628 г., реконструируемой по трем не вполне исправным спискам, что сохранились в составе так называемых «Дворцовых разрядов» (документ № 7). Судоговорение данного указа в Думе произошло, очевидно, во второй или в самом начале третьей декады февраля того же года.

Последним своим законодательным актом августейшие соправители завершили создание универсального механизма

конфискации «заповедных» печатных и рукописных книг, вполне пригодного для применения как в отдельно взятой области России, так и на территории всей страны в целом. Февральское постановление не предполагало в будущем выпуск новых совместных указов царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета. Дальнейшую судьбу изъятых украинско-белорусских изданий или рукописей, собранных к тому времени городовыми воеводами в приказных избах, должны были определять принимаемые в каждом конкретном случае специальные правительственные вердикты. Примечательно, что надписывались они уже именем только одного самодержца[50].

В настоящее время в научный оборот введены по меньшей мере два подобных юридических акта о дальнейшей судьбе книг «литовской печати», конфискованных в городах южной «украины» Московии в 1630 г.

30 июля того года при досмотре «заповедных» товаров целовальники путивльской таможни нашли и тотчас отобрали у местного «торгового человека» Ивашки Кобылякова Молитвенник, выпущенный типографией киевского Богоявленского Братского монастыря[51]. На допросе в приказной избе незадачливый коммерсант заявил городовым воеводам князю А. Ф. Литвинову-Мосальскому и И. А. Уварову, что по своей неграмотности он пребывал в полнейшем неведении о «литовском» происхождении книги, купленной им в Новгороде-Северском[52]. Однако столь хитроумное объяснение нисколько не помогло И. Кобылякову избежать обвинения в нарушении второго совместного постановления царя и патриарха, запрещавшего отечественным негоциантам привозить из-за рубежа украинско-белорусские издания и рукописи на продажу в Путивль[53]. Сразу же после дознания в съезжей избе князь А. Ф. Литвинов-Мосальский «с товарищи» приказали его задержать и «велели дать на поруку с записью до… государева указа».

История изъятия печатного киевского Молитвенника и все последующие действия путивльских властей подробно

изложены ими в отписке, полученной в Разрядном приказе 13 августа 1630 г. В ответной указной грамоте, отправленной в Путивль спустя шесть дней, приказные судьи известили воевод о монаршем повелении отпустить арестованного книготорговца на свободу, а конфискованное «литовское» издание прислать в Государев Разряд. Через месяц, 22 сентября, путивльский сын боярский Петр Щекин доставил в Москву изъятый Молитвенник вместе с воеводской отпиской об исполнении полученных из столицы инструкций. В тот же день думный дьяк Ф. Лихачев отнес книгу и депешу из Путивля патриарху Филарету, который издание опальной «литовской печати» оставил у себя, а отписку вернул обратно в архив Разрядного приказа[54]. Столь пристальный интерес главы Русской церкви к этим событиям можно объяснить только его непосредственным участием в их разрешении[55].

Сложные жизненные перипетии, предшествовавшие конфискации двух украинских изданий в Рыльске осенью 1630 г., воспроизведены в мельчайших подробностях в отписке тамошнего воеводы князя О. И. Щербатова от 12 декабря того же года[56]. Как следует из текста документа, массовая конфискация «литовских печатных и письменных книг» проводилась в местных храмах и на посаде на основании последнего, февральского, общего указа самодержца и патриарха 1628 г. В описи архива Разрядного приказа 1668 г. упоминались «две книги переписные, что прислано с Москвы в Рылеск московские печати книг к церквам вместо литовских книг, и что у ково взято от церквей и прислано к Москве, и какие книги литовские печати и писменные сысканы и оставлены у церквей и у мирских людей (?!), 137-го (1628/29) году»[57]. Между тем, по свидетельству князя О. И. Щербатова, изъятые в городе издания были отосланы под охраной кормового казака Афоньки Сухова и церковного дьячка Тихонки Иконника в столицу лишь 19 сентября 1630 г. По-видимому, столь долгое хранение в съезжей избе ранее конфискованных «заповедных» книг отнюдь не было простой случайностью или проявлением воеводской нерасторопности. На такой шаг

рыльский градоправитель мог решиться из-за вполне понятного желания сначала пополнить их число украинско-белорусскими изданиями богослужебного характера, которые в ту пору продолжали находиться в местных храмовых библиотеках. В этом случае ему пришлось бы заниматься подготовкой к отправке в Москву только одного большого транспорта с весьма дорогим грузом — печатными книгами.

Действительно, по четвертому совместному постановлению Михаила Федоровича и Филарета середины февраля 1628 г. городовым воеводам надлежало строго следить за тем, чтобы в ходе повального изъятия «литовских» изданий и рукописей в церквах не прекращалось бы регулярное литургисание. Именно поэтому властям Рыльска пришлось отказаться от конфискации из ризниц и книгохранительных палат используемых за богослужением «Евангильев толковых и Апостолов, и Псалтырей, и Триодей постных и цветных». Отобрать все перечисленные книги они имели право лишь после доставки из столицы им на замену потребного количества одноименных изданий «московской печати». Между тем, судя по сообщению князя Щербатова, книги литургического назначения, выпущенные в типографиях Великого княжества Литовского, оставались в храмовых библиотеках города еще в декабре 1630 г. Правительство оказалось не в состоянии в сжатые сроки провести массовую замену «опальных» украинско-белорусских изданий, явно переоценив мощности единственной русской типографии[58]. В результате царь и патриарх были вынуждены сначала отложить на неопределенный срок, а потом и совсем отказаться от проведения в порубежных с Речью Посполитой городах кампании по тотальному изъятию у духовных корпораций «заповедных» книг.

Спустя всего два дня после отправки партии «литовских» изданий в столицу, 21 сентября 1630 г., рыльский кабацкий голова, путивлец Кирилко Савостьянов, добровольно принес в приказную избу и выдал воеводе скандально известное в те годы Учительное Евангелие Транквиллиона (Рохманово, 1619 г.)

и «Маргарит» — сборник гомилий константинопольского патриарха Иоанна I Хризостома, именуемого в славянской традиции Златоустом (Острог, 1595 г.)[59].

На допросе К. Савостьянов показал, что обе книги он приобрел в Польско-Литовском государстве для последующей перепродажи их в России еще до вступления в силу октябрьского указа 1627 г. Как уже отмечалось выше, по этому постановлению все украинские и белорусские печатные издания, привезенные в ту пору русскими купцами в пограничные города из-за рубежа, подлежали обязательному вывозу самими негоциантами обратно за пределы Московии. Для отечественных «торговых людей», поставлявших иноземные книги на внутренний рынок страны, подобное распоряжение правительства было равносильно утонченному, но оттого не ставшему менее жестоким наказанию. Организация распродажи «литовских» изданий непосредственно на территории Украины или Белоруссии любому из них могла принести одни только убытки и разорение. Так, например, украинский коммерсант Софронко Киянин более двух лет безуспешно пытался сбыть в Новгород-Северском повете и, возможно, в других землях Великого княжества Литовского переданные ему К. Савостьяновым для реализации книги — Учительное Евангелие Кирилла Ставровецкого и острожский «Маргарит» Иоанна Златоуста. Потеряв всякую надежду отыскать покупателя на эти издания в Речи Посполитой, он возвратил их прежнему владельцу в очередной свой приезд «с торгом» в Путивль в 1629/30 г. Таким образом, затеянная еще в 1627 г. торговая операция, сулившая ее организатору немалую прибыль, закончилась безвозмездной выдачей не проданных за рубежом книг рыльскому воеводе в сентябре 1630 г.

Князь О. И. Щербатов распорядился оба отданные ему К. Савостьяновым издания оставить в съезжей избе до получения в Рыльске специального монаршего указа, определявшего их дальнейшую судьбу. Однако лишь в начале декабря 1630 г. он направил в Москву отписку с подробным

описанием случившегося. При этом воевода ни единым словом не обмолвился о ноябрьском постановлении царя и первосвятителя 1627 г., которое, в частности, предписывало неукоснительно сжигать все без исключения экземпляры произведений Кирилла Транквиллиона, где бы те ни были найдены. Через три дня после доставки отписки рыльского воеводы в Разряд, 15 декабря 1630 г., российский самодержец и патриарх повелели прислать конфискованные «Маргарит» и Учительное Евангелие разрядным дьякам в столицу. Весьма примечательно, что приговор «великих государей» был оформлен приказными дельцами в виде указной грамоты, надписанной именем одного царя. Составлен этот документ мог быть в Разряде между 15 и 31 декабря того же года (документ № 8)[60].

Настоящим законодательным актом Михаил Федорович и Филарет фактически отменили собственное совместное постановление ноября 1627 г. в части непременного истребления любых книг Кирилла Транквиллиона Ставровецкого непосредственно в провинциальных городах на месте их обнаружения. Более того, его знаменитое Учительное Евангелие, похоже, перестало восприниматься московскими властями как некая «знаковая» публикация — символ развернутой ими кампании юридического преследования «литовской» православной книжности внутри страны. В посланной князю О. И. Щербатову указной грамоте они уже не делали никакого принципиального различия между сочинением Транквиллиона и острожским изданием «Маргарита» Златоуста. Очевидное смягчение откровенно конфронтационной позиции царя и первосвятителя по отношению к украинско-белорусским книгам не замедлило отразиться на характере смысловой «справы», которой судьи Государева Разряда подвергли текст документа накануне его отсылки рыльскому воеводе. Так, в исходной черновой редакции указной грамоты тому предлагалось оба отобранных у К. Савостьянова издания отправить в Москву только по опечатывании их своей личной печатью. Однако в окончательном «беловом» варианте

приказного отпуска это весьма существенное условие переправки книг в столицу, вполне естественное при транспортировке любого «заповедного» товара, было опущено[61].

Грамота, направленная из Разрядного приказа в Рыльск во второй половине декабря 1630 г., по не известной сегодня причине не оказала на воеводу необходимого воздействия: получив ее, князь О. И. Щербатов по-прежнему продолжал хранить издания, выданные местным кабацким головой, у себя в съезжей избе. Еще три года тому назад подобное поведение привело бы к его смещению с должности или, по меньшей мере, к весьма серьезному внушению со стороны правительства. Но в конце 1630 — начале 1631 г. неисполнение градоправителем предписания царского указа нисколько не обеспокоило столичных бюрократов. Казалось, что они сами потеряли всякий интерес к проводимой в стране конфискации памятников «литовской» кириллической книжности. Иначе трудно объяснить, почему повторную указную грамоту из Разряда с предписанием доставить изъятые издания в Москву рыльский воевода получил лишь почти пять месяцев спустя, 25 мая 1631 г. При этом ему не было выражено от имени самодержца даже формального неудовольствия за невыполнение предшествующего декабрьского указа[62]. Наконец, 21 июня того же года местный сын боярский Петр Воропонов привез конфискованные острожский «Маргарит» и рохмановское Учительное Евангелие вместе с отпиской князя Щербатова в Разрядный приказ[63].

В конце 1641 — начале 1642 г. судьи Государева Разряда расследовали дело по обвинению «белорусским» попом Андреем[64] воеводы пограничного городка Усерда стольника Е. И. Соплина-Бутурлина[65] в присвоении двух принадлежавших истцу книг: предположительно «Полуустава, или Требника» (Вильно, 1622 г.) и Учительного Евангелия Иоанна IX Агапита (Евье, 1616 г.)[66]. Сегодня из всех следственных материалов этого дела сохранился единственный документ — оправдательная отписка главы усердской администрации от 31 января 1642 г., из которой явствует, что иноземный священник ли-

шился своего имущества во время Смоленской войны между Россией и Речью Посполитой 1632—1634 годов (документ № 10). В ней стольник Е. И. Бутурлин, категорически настаивая на личной непричастности к грабежу иерея-единоверца, писал: те печатные издания ему отдали «всем войском ратные люди розных городов» в пору, когда они «громили» земли Великого княжества Литовского. По-видимому, обе книги достались Бутурлину при дележе трофеев после удачного штурма одного из многочисленных северских и смоленских городков, захваченных русской армией в самом начале боевых действий [67]. Еще совсем недавно такое приобретение доставило бы новому владельцу немало хлопот и, может быть, даже серьезные неприятности, однако в 1632—1634 гг. собственнику украинских или белорусских изданий явно уже не грозили ни царская опала, ни их принудительное изъятие. Поэтому стольник Е. И. Соплин-Бутурлин без всякого опасения «сослал» [68] полученные в качестве доли военной добычи Требник и Учительное Евангелие к себе в галицкую деревню «к церковному строенью».

Режим конфискации памятников польско-литовской православной кириллической книжности, безусловно, предполагал соблюдение строгого запрета на их свободное перемещение по территории Русского государства на весь период проведения акции. Между тем введенные в настоящее время в научный оборот владельческие записи на украинско-белорусских «стародруках» XVI — первой половины XVII в. свидетельствуют о возобновлении подданными московского царя регулярных торговых операций с «литовскими» изданиями внутри страны еще летом 1632 г. [69] В июле того года некий поп Иван Макаров продал неустановленному лицу Новый Завет с Псалтирью (Вильно, 1596 г.) [70]. В том же 1632 г. некто «Володимер» (фамильное прозвище неизвестно) приобрел виленское Евангелие 1595 г. в Холмогорском уезде. Спустя несколько лет, в 1635 г., Ивашко Луков уступил одноименное издание крестьянам Тошинской волости Вологодского уезда, а в Курмыше иеромонах Леонид купил у

Корнилы Маркелова Евангелие (Вильно, ок. 1580 г.). В следующем году, 27 августа 1636 г., этот же черный поп перепродал ранее приобретенный экземпляр курмышцу Ивану Пазухину. 28 мая того же года царский сытник Косков успешно реализовал в Москве «Грамматики Славенския правилное Синтагма» Мелетия Смотрицкого (Евье, 1619 г.)[71]. В 30-х годах XVII в. виленский Октоих 1582 г. продавался на Вятке за тридцать алтын, а в 1641 г. Максим Михайлов сын Зонов заплатил кому-то из тамошних жителей за «Апостол с привилеем» (Вильно, не ранее 1595 г.) сорок пять алтын[72]. Таким образом, к июлю 1632 г. царь Михаил Федорович и патриарх Филарет фактически полностью отменили свой первый совместный указ середины ноября 1627 г. о сожжении сочинений Кирилла Транквиллиона Ставровецкого и о запрещении торговли «литовскими» книгами на всей территории Московии.

По окончании Смоленской войны правительство упразднило все прежние ограничения на ввоз в Россию произведений единоверной украинско-белорусской кириллической книжности. Первыми почувствовало перемену московских властей к некогда «заповедным» изданиям и рукописям православное духовенство Речи Посполитой, переселявшееся в Русскую державу «на государево имя». Отныне воеводы приграничных российских городов беспрепятственно пропускали в глубь страны и выходца-одиночку, как иеродиакон Паисий Киевлянин (1636 г.)[73], и насельников целого монастыря, подобно инокам густынской Прилуцкой обители (1638 г.), со всеми без исключения книгами, привозимыми на новую родину.

В июне 1638 г. густынские монахи вывезли в Московию среди прочих изданий «литовской печати» и «Евангелье учителное Кирилово слогу» — книгу, которую еще десять лет назад надлежало при обнаружении незамедлительно отобрать у владельца и публично сжечь «на пожаре» за содержавшиеся в ней «тайные ереси» и неправославие автора. Однако в конце 1630-х гг. это издание почиталось уже вполне

ортодоксальным не только путивльскими таможенниками и воеводой Н. Ф. Плещеевым, но и самим московским самодержцем[74].

По Поляновскому мирному договору и «по нашему государскому <царя Михаила Федоровича.— *А. Б.*> утвержденью» лета 1635 г. украинским и белорусским негоциантам позволено было приезжать в российские порубежные и окраинные города для торговли различными товарами, кроме «вина горячего» и табаку. В то же время им категорически воспрещалось посещать «с торгом» столицу и любые замосковные города: законным образом «литовские» купцы могли вести коммерческие дела в Москве лишь под патронатом дипломатов Речи Посполитой, чье присутствие являлось необходимым условием их свободного проезда в «царствующий град» соседней державы. Причем в этом случае русское правительство предоставляло иноземным «торговым людям» весьма ощутимую льготу: они освобождались от уплаты всех таможенных пошлин и сборов[75]. Таким образом, непосредственный надзор за торговлей украинско-белорусских коммерсантов в столице России, возобновленной по окончании Смоленской войны, оказался, по воле обстоятельств, в ведении руководителей Посольского приказа.

Во второй половине 30-х гг. XVII в. прославленный украинско-белорусский печатник Спиридон Соболь неоднократно привозил продукцию своей собственной типографии на продажу в Москву, получая каждый раз заново специальное разрешение посольских дьяков[76]. Однако в апреле 1639 г. он был неожиданно задержан с очередной партией книг на границе в Вязьме, а затем выслан назад в Польско-Литовское государство. Столь резкая перемена к Соболю со стороны правительственных чиновников произошла из-за успеха интриги, затеянной против него знаменитым московским типографом Василием Федоровым Бурцовым-Протопоповым, обвинившим его в сочувствии к унии[77]. Враждебность Бурцова к своему могилевскому коллеге объясняется не только уклонением последнего от уплаты ему денег по «кабаль-

ному» обязательству, но и простой логикой конкурентной борьбы двух предпринимателей. Дело в том, что весной 1639 г. С. М. Соболь, помимо продажи напечатанных им изданий, предложил царю услуги одновременно в качестве переводчика «книг греческих в руский язык», издателя и педагога, способного организовать в Москве нечто вроде типографской школы, где российские юноши могли бы обучаться словолитному мастерству, славянскому и иностранным языкам [78]. Идея заведения в столице Русского царства еще одной полугосударственной книгопечатни, безусловно, затрагивала коммерческие интересы В. Ф. Бурцова, в 1634—1642 гг. арендовавшего два стана на столичном Печатном дворе [79]. Нежелание испытывать судьбу в конкуренции с опытным белорусским типографом, по-видимому, явилось для него главным побудительным мотивом в стремлении любыми средствами расстроить планы Спиридона Соболя осесть в Москве. Василий Бурцов воспользовался наиболее верным способом уничтожить своего противника — представил того в глазах верховной светской и духовной власти ренегатом, изменившим православию. Впрочем, едва ли царь Михаил Федорович и новый патриарх Иоасаф I были готовы в ту пору открыть в России общедоступное училище (наподобие братского) с преподаванием греческого, латинского и даже польского языков, во главе которого стоял бы иноземный «дидаскал», отнюдь не торопившийся отрекаться от подданства своему «природному» государю Владиславу IV. Поэтому неудивительно, что в указной грамоте о выдворении С. Соболя за пределы Московской державы, отправленной из Посольского приказа вяземским воеводам 22 апреля 1639 г. [80], русское правительство самым решительным образом отказалось от использования его познаний в педагогике и типографском искусстве: «а к Москве ево <Соболя.— *А. Б.*> отпускати не велели <самодержец и, вероятно, первосвятитель.— *А. Б.*>, чтоб в ево ученье, и в книгах смуты не было, да и для того, что он служил киевскому митрополиту Петре Могиле, а Петр Могила от православные крестьянские веры отстал и при-

стал к римской вере» [81]. В 1639 г. власти Московии охотнее пропускали в страну из-за рубежа обычных негоциантов, нежели книгоиздателей и школьных учителей.

Депортация С. М. Соболя никоим образом не повлияла на в целом благожелательное отношение царя и патриарха к самому факту торговли иноземными купцами украинско-белорусскими изданиями и рукописями в России. «Купецкие люди» из Речи Посполитой вполне свободно привозили партии «литовских» книг на Свенскую (Свинскую) ярмарку в окрестностях Брянска: в 1642 г. там их продавал могилевский мещанин Овхим Тараканов, а в 1651 г. — его земляк Андрей Тимошкевич, представляя интересы священника Максима Ивановича [82]. Приблизительно в 1646—1649 гг. не названные по имени негоцианты из Литвы приезжали в Тулу, где предлагали покупателям «сукна и попоны, и достаканы [83], и опояски, и *Азбуки печатные*» [84].

Отрывочные и крайне скудные известия исторических источников о поставках украинских и белорусских изданий в Российское царство из-за рубежа в конце 30-х — 40-х гг. XVII в., безусловно, не могут быть признаны в качестве абсолютных показателей межгосударственной книжной торговли тех лет. Впрочем, даже они позволяют сделать осторожный вывод о весьма скромном ее масштабе после отмены запретительных указов второй половины 1620-х гг.: вероятно, понесенные из-за них немалые убытки надолго запомнились всем «купецким людям», кто занимался тогда ввозом продукции польско-литовских «друкарен» в Московию. К тому же на исходе 30 — 40-х гг. заметно расширился репертуар изданий столичного Печатного двора. Вслед за публикацией Минеи праздничной (Трефологиона) в 1637—1638 гг., иноческого и мирского требников 1639 г., где впервые были напечатаны тексты византийских и русских памятников церковного законодательства, московские типографы выпустили в свет целый ряд «великих соборников» уставного чтения (Пролог [1641, 1642—1643 гг.], «Маргарит» Иоанна Златоуста [1641 г.], «Паренесис» Ефрема Сирина [1647 г.],

«Лествицу райскую» Иоанна Синайского [1647 г.] и др.), «Патриаршее поучение», надписанное именем московского первосвятителя Иосифа (1643 г.), полемические сборники («Многосложный свиток» о почитании святых икон [1642 г.], «Кириллову книгу» [1644 г.], «Книгу о вере» [1648 г.]), богослужебно-агиографические «соборники» (Службы и жития святителя Николая Мирликийского [1640, 1641, 1643 гг.], преподобных Сергия и Никона Радонежских [1646 г.], Саввы Сторожевского [1649 г.] и проч.), которые явственно должны были «потеснить» на внутреннем рынке книги «литовской печати» [85]. Примечательно, что некоторые из них представляли собой либо переиздания, либо местные обработки украинско-белорусских «стародруков» или рукописных сборников XVI — первой трети XVII в. [86]

Итак, разрешив по окончании Смоленской войны купцам из Речи Посполитой продавать «литовские» издания непосредственно на российской территории, правительство фактически отказалось от продолжения кампании против единоверной украинско-белорусской кириллической книжности, проводимой в стране с конца 1620-х гг. Отныне книги, напечатанные или переписанные в Литве, уже больше не воспринимались официальными властями как сочинения, полные соблазнительных «еретических» лжеучений и оскорбительных для слуха благочестивого читателя «хульных словес» на Христа и Его Церковь. Новая ситуация породила у части черного духовенства иллюзорную надежду на ревизию итогов конфискации украинских и белорусских изданий из библиотек духовных корпораций зимой 1627—1628 гг. В середине лета 1638 г. игумен путивльского Молчанского монастыря Варлаам, например, предлагал царю Михаилу Федоровичу вернуть в книгохранилище обители изъятые оттуда в декабре 1627 г. книги «печати киевской», утрата которых не была компенсирована аналогичными по содержанию московскими изданиями [87].

Примечания

[1] См.: *Исаевич Я. Д.* Преемники первопечатника... С. 142—143; *Голенченко Г. Я.* Идейные и культурные связи... С. 88—89. Ср.: *Опарина Т. А.* Иван Наседка... С. 36.

[2] Я. Д. Исаевич, датировавший почему-то это событие 1625 г., описал его как казус, отражавший настороженность московских властей к украинско-белорусской книжности во второй половине 1620-х гг. Причину появления таких настроений у правящей элиты исследователь предлагал искать во внутренних социальных противоречиях русского общества (*Исаевич Я. Д.* Преемники первопечатника... С. 144).

[3] В сентябре 1626 г. имя автора рохмановского Учительного Евангелия, Кирилла Транквиллиона Ставровецкого, еще не приобрело в России громкой скандальной известности. Кроме того, книготорговцы вполне могли привезти и другое одноименное произведение (Евье, 1616 г.), принадлежавшее перу константинопольского патриарха Иоанна IX Агапита (*Гонис Д.* Цариградският патриарх Калист I и «Учителното Евангелие» // Palaeobulgarica. 1982. № 2. С. 52—53).

[4] См.: *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние... С. 102; *Опарина Т. А.* Иван Наседка... С. 156.

[5] Кн. В. П. Ахамашуков-Черкасский и Д. А. Замыцкий находились на воеводстве в Вязьме с 1626 по 1627/28 гг., а дьяк М. Сомов получил назначение в местную приказную избу 17 ноября 1626 г. Упоминаемые в указной грамоте Б. М. Нагой и П. Н. Бунаков служили воеводами в Путивле в 1626—1627 гг. (*Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 188).

[6] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 589. Л. 279; Там же. Д. 38. Л. 126.

[7] Краткое изложение показаний К. Савостьянова сохранилось в тексте позднейшей указной грамоты рыльскому воеводе кн. О. И. Щербатову, отправленной из Разряда в декабре 1630 г. и опубликованной в настоящей работе (документ № 8).

[8] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 38. Л. 126. Примечательно, что ни в октябрьском, ни в последующих указах «великих государей», выпущенных в ходе «антилитовской» кампании, совсем не упоминалось имя автора Большого Катехизиса Лаврентия Зизания Тустановского. Подобную сдержанность московских властей по отношению к украинскому книжнику, чье сочинение вызвало резко негативный отзыв цензоров, очевидно, можно объяснить сугубо прагматическими соображениями. Поскольку его Катехизис был напечатан в Москве, но так и не покинул стен государственной типографии, правительство не испытывало практической надобности в издании каких-либо специальных публичных

актов для запрещения свободного распространения этой «опальной» книги или уничтожения всего ее тиража. Подробнее о публикации Большого Катехизиса Лаврентия Зизания на Печатном дворе 29 января 1627 г. см.: *Поздеева И. В.* Новые материалы для описания изданий московского Печатного двора. Первая половина XVII в. // В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Метод. рекомендации. М., 1986. № 32. С. 27.

[9] См.: *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние... С. 111.

[10] Ср., например: *Опарина Т. А.* Иван Наседка... С. 163—167; *Она же.* «Книги литовской печати»... С. 141, и др.

[11] РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 9. Столпик 4. Л. 93. Ср.: Там же. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 38. Л. 127.

[12] Несмотря на репутацию талантливого проповедника и писателя, и даже некоторую известность в весьма узком кругу украинских интеллектуалов той поры. Ср.: *Маслов С. И.* Кирилл Транквиллион Ставровецкий... С. 65—66, 69.

[13] Подробнее о репертуаре изданий московского Печатного двора с 1614 по 1627 г. включительно см.: *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках: Сводный каталог. М., 1958. С. 26—35; *Лукьянова Е. В., Горбунова Л. Н.* Московские кирилловские издания XVI—XVII вв. в собраниях РГАДА: Каталог. Вып. 1. М., 1996. С. 94—154; *Лукьянова Е. В., Горбунова Л. Н., Булычев А. А.* Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА: Каталог. Вып. 2. М., 2002. С. 10—21, 297, 313—314. Ср.: *Поздеева И. В.* Новые материалы... С. 21—28.

[14] Стольник В. А. Третьяков-Головин был на воеводстве в Великих Луках в 1626—1628 гг. По-видимому, дата 4 июня 1626 г., указанная в отписке В. А. Третьякова, сообщает точное время вступления его в должность главы великолуцкой администрации по прибытии к месту службы и приема города от своего предшественника (*Барсуков А. П.* Списки городовых воевод... С. 129).

[15] См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 38. Л. 126. Кн. В. Г. Ромодановский был на воеводстве в Торопце с 1626 по 11 февраля 1628 г.; Д. Алексеев служил в местной приказной избе сначала подьячим, а затем дьяком в 1625—1629 гг. (*Барсуков А. П.* Списки городовых воевод... С. 247; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 16).

[16] В период фактического соправления в Московском государстве царя Михаила и его отца «по плоти», патриарха Филарета, все законодательные акты выпускались ими сообща, отчего деление их на монаршие и совместные в известном смысле условно и относится скорее к формуляру указных грамот, рассылаемых на места из столичных прика-

зов. Если царские указы адресовались, как правило, исключительно светским подданным, то совместные постановления обычно направлялись также и духовенству или же содержали угрозу применения, помимо гражданского, еще и церковного наказания за его неисполнение. (Выражаю искреннюю признательность С. Н. Кистереву и Л. А. Тимошиной за подробную консультацию по данной проблеме.)

[17] См., например: «От свитка божественых новых заповедей, иже в божественом наследии царя Иустиниана различны заповеди...» (ст. 13; 56) // Кормчая. М., 1653. Л. 301 об., 303 об., 311—312 об., 325 об. (2-й фолиации); Стоглав // *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. М., 2000. С. 343—356. Ср.: *Зызыкин М. В.* Патриарх Никон: его государственные и канонические идеи. [Ч. 1]. Варшава, 1931. С. 262. По каноническому праву прерогатива свободно распоряжаться церковным имуществом присваивалась исключительно епископам, а отнюдь не гражданским властям, не исключая и самого венценосца. Ср.: 38-е и 41-е Апостольские правила, 12-й канон VII Никейского Вселенского собора, а также 2-е правило из Канонического послания Кирилла, архиепископа Александрийского, к Домну, патриарху Антиохийскому, и др. (Правила святых Апостол, святых Соборов Вселенских и Поместных, и святых Отец с толкованиями. М., 1876. С. 72—75, 79—81, 832—853; Правила святых Отец с толкованиями. М., 1884. С. 567—569).

[18] О совместной службе в 1627/28 г. кн. А. В. Хилкова, дьяков Ф. Рагозина и Г. Леонтьева в Патриаршем Разряде см.: *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 102.

[19] Ср.: *Гурьянова Н. С., Элерт А. Х., Резун Д. Я.* Актовые источники по истории России и Сибири XVI—XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: Описи копийных книг. Новосибирск, 1993. Т. 1. № 126. С. 26. Скрепил грамоту с текстом указа дьяк И. И. Болотников, «сидевший» в Приказе Казанского дворца с 1621 по 1631/32 г. (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 62).

[20] См.: СГГД. М., 1822. Ч. 3. № 77. С. 298—299.

[21] См., например: *Исаевич Я. Д.* Преемники первопечатника... С. 145.

[22] См.: РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1468. Л. 1—9. Подробнее об использовании русскими самодержцами Разряда в качестве своеобразной канцелярии-посредника между собой и другими центральными приказами в делах общегосударственного значения см.: *Ключевский В. О.* Боярская Дума Древней Руси. 5-е изд. Пг., 1919. С. 410.

[23] Память — вид делопроизводственного документа, использовавшегося центральными приказами XVI—XVII вв. для официальной переписки между собой.

[24] Дьяк Г. П. Золотарев служил одновременно во Владимирском и Галицком четвертных приказах в 1626—1631 гг., а его коллега М. Ф. Данилов состоял в разрядных дьяках с 1615 по 1634 г. (*Веселовский С. Б.*

Дьяки и подьячие... С. 142, 198; *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века... С. 145).

[25] Ср.: *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние... С. 111. Примеч. 4.

[26] К. Н. Волков находился на воеводстве во Владимире с февраля 1626 г., а подьячий С. Дохтуров возглавлял местную приказную избу с октября того же года (*Барсуков А. П.* Списки городских воевод... С. 45).

[27] В черновом тексте коломенской грамоты не указан день ее написания в приказе (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1468. Л. 7—9).

[28] Там же. Л. 9.

[29] См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Столбцы Сибирского приказа. Д. 13. Л. 37—40. «Приписал» грамоту в Тобольск дьяк Приказа Казанского дворца И. И. Болотников. Кн. А. А. Хованский вместе с дьяками И. Федоровым и С. Угоцким были на воеводстве в Тобольске в 1626—1628 гг.; И. В. Щепин-Волынский отправлял там должность воеводы с января 1627 по 1628 г. (*Барсуков А. П.* Списки городовых воевод... С. 236).

[30] Содержание приказного акта, посланного из Разряда в Великие Луки, известно по отписке стольника Головина от 28 января 1628 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 38. Л. 132—137).

[31] См.: Боярская книга 1627 года. М., 1986. С. 81. Вызывает недоумение попытка Т. А. Опариной отождествить его с дьяком Патриаршего Дворцового приказа Г. Ивановым (*Опарина Т. А.* Иван Наседка... С. 167, 316. Примеч. 79).

[32] См.: Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II Отделением собственной Е. И. В. Канцелярии. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 821—822. По-видимому, в Москве обязательной конфискации из церковных и частных библиотек подлежали лишь сочинения Кирилла Транквиллиона, напечатанные в «друкарнях» Литвы. Все другие украинско-белорусские издания, судя по перечню выморочного движимого имущества казначея П. И. Волынского (†1641 г.), оставались в полном распоряжении своих владельцев-москвичей на протяжении всего периода гонений на кириллическую книжность Речи Посполитой (РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Вологде. Д. 38194. Лл. без фолиации. Напечатан: Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века / Сост. *А. В. Антонов*. М., 2003. Т. 3. № 568. С. 497—498. Выражаю признательность А. В. Антонову, любезно указавшему на этот документ еще до его публикации).

[33] См.: *Шишонко В.* Пермская летопись: Второй период 1613 по 1645 г. Пермь, 1882. С. 276.

[34] См.: *Ромодановская Е. К.* Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 27. Ср. примеч. 21.

[35] Ср.: *Исаевич Я. Д.* Преемники первопечатника... С. 145. Об указных грамотах с текстом первого совместного постановления «вели-

ких государей», отправленных в другие города, см.: *Опарина Т. А.* «Книги литовской печати»... С. 147. Примеч. 7.

[36] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 38. Л. 129. В данном контексте под изданиями «Кирилова слогу» следует понимать все без исключения книги «литовской печати»: использование столь необычного эвфемизма было явно навеяно преамбулой царского указа первой половины октября — ноября 1627 г., в которой Кирилл Ставровецкий обвинялся в тайной «порче» едва ли не абсолютно всех памятников украинско-белорусской кириллической книжности (документ № 6).

[37] Характерно, что кроме «объединенной» указной грамоты торопецким властям был прислан из Государева Разряда в октябре еще и обычный приказной акт с пересказом положений последнего на то время распоряжения правительства о запрете внешней торговли украинско-белорусскими книгами (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 38. Л. 126).

[38] См.: АМГ. СПб., 1890. Т. 1. № 201. С. 224—225.

[39] Содержание отписки путивльских воевод от 9 января 1628 г. известно ныне лишь по ее краткому пересказу в поздней памяти из Государева Разряда в Приказ Большого дворца о судьбе изъятых в Молчанском монастыре «литовских» книг, составленной в сентябре 1638 г. (документ № 9). Кн. С. В. Прозоровский и А. И. Толбузин служили воеводами в Путивле с августа 1627 по 1629 г. (*Барсуков А. П.* Списки городовых воевод... С. 188—189).

[40] Молчанский игумен Варлаам в челобитье, поданном в Приказ Большого дворца летом 1638 г., настаивал на факте конфискации из книгохранилища своей обители в декабре 1627 г. вместе с Минеей общей, выпущенной в 1628 г. (?!), не одного, а двух Анфологионов 1619 г. «киевской печати» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Д. 460. Л. 19. Подробнее о возобновлении Молчанского Печерского монастыря после Смуты см.: Там же. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 27. Л. 392—408; *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2. № 933—934. С. 207—208).

[41] См.: *Галенчанка Г. Я. і інш.* Кніга Беларусі 1517—1917: Зводны каталог. Мн., 1986. С. 79—99.

[42] В библиографии известны три виленских издания XVI в. Учительного Евангелия Иоанна Агапита: ок. 1580 и два 1595 гг. Упоминаемое же в путивльской росписи «Евангилье толковое старой литовской печати» было, скорее всего, опубликовано не в Вильно, а в каком-нибудь другом городе или местечке Великого княжества Литовского. В XVI столетии, помимо Вильно, оно вышло лишь из-под станка первопечатников

Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца в Заблудове в 1569 г. (Там же. № 6, 11, 30—31. С. 57, 60, 69—70).

[43] См.: Там же. № 14, 52. С. 62, 78. Самый ранний украинский печатный Служебник был выпущен стрятинской типографией львовского епископа Гедеона Балабана в 1604 г. (*Запаско Я. П.*, *Ісаєвич Я. Д.* Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків, виданих на Україні. Львів, 1981. Кн. 1. № 65. С. 33).

[44] Кроме того, в том же монастыре были конфискованы «два Часослова киевской печати», которые могли оказаться как изданиями, выпущенными лаврской типографией ок. 1616 г., так и одноименными книгами, напечатанными в частной «друкарне» Тимофея Вербицкого в 1625 и в 1626 гг. (Там же. Кн. 1. № 122, 148, 151. С. 39—40, 43—44).

[45] Подробнее о первой московской публикации Учительного Евангелия см.: *Лукьянова Е. В.*, *Горбунова Л. Н.*, *Булычев А. А.* Московские кирилловские издания… Вып 2. № 11. С. 25—26. Думается, отнюдь не случайно начало работы столичных типографов над Учительным Евангелием патриарха Иоанна Агапита, 15 января 1628 г., совпало по времени с доставкой в Москву первых конфискованных экземпляров украинско-белорусских изданий этого популярного византийского сочинения.

[46] Любопытно, что отрывок фразы «по росписи, что переписываны з Земского двора» добавлен в основной текст документа в процессе его «справы» и явно отражает конкретный прецедент применения этого указа на практике. М. С. Смывалов состоял в дьяках Устюжской чети в 1621—1631 гг. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 80. Л. 23. Ср.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие… С. 479).

[47] См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 80. Л. 24. М. Култыков служил подьячим Денежного стола Государева Разряда еще в 1644/45 г. Т. Сергеев был подьячим Патриаршего (Разрядного) приказа в сентябре 1627—1638 гг. С. Сергеев отправлял должность подьячего в Земском приказе в 1623—1646 гг. (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие… С. 277, 474).

[48] Ныне нет никаких оснований распространять действие четвертого «совместного» указа царя и патриарха на территорию всей страны. Скорее всего, это был еще один юридический акт сугубо регионального характера наподобие их второго «общего» постановления.

[49] По-видимому, «великие государи» всерьез рассчитывали на добровольную выдачу владельцами хранящихся у них «литовских» рукописных кодексов. В противном случае городовые воеводы были бы обречены организовывать на местах немыслимую в то время палеографическую экспертизу всякой обнаруженной рукописи. (Любезно указано А. А. Туриловым.)

[50] В указной грамоте путивльским воеводам четвертое «совместное» постановление завершает фраза: «И мы о тех <отобранных.— *А. Б.*> о

литовских книгах велим наш указ учинить». Как известно, личное местоимение «мы» использовалось для обозначения особы монарха в аналогичных приказных документах еще со времени правления Василия Шуйского. К тому же, с формальной точки зрения, для решения судьбы конфискованных книг, уже свезенных в съезжие избы, вполне достаточно было одного только распоряжения самодержца. При этом такая формула юридического акта отнюдь не препятствовала патриарху Филарету самым деятельным образом участвовать в его принятии.

[51] По сию пору это издание по-настоящему не отражено в библиографии. Я. Д. Исаевич, датировавший вслед за И. М. Каманиным события на путивльской таможне 1633 г., полагал, что на границе был конфискован Молитвенник (Кутеино, 1632 г.), напечатанный в типографии С. Соболя. При этом, очевидно, сознавая всю искусственность такой атрибуции, исследователь одновременно допускал возможность изъятия властями Путивля и киевского прототипа кутеинского издания. Впрочем, ошибка в дате конфискации у И. Кобылякова «заповедной» книги вынуждает усомниться в правдоподобии обоих вариантов гипотезы, предложенной маститым украинским книговедом (см. *Исаевич Я. Д.* Преемники первопечатника... С. 72).

[52] Кн. А. Ф. Литвинов-Мосальский и И. А. Уваров были воеводами в Путивле с мая 1630 по февраль 1633 г. (*Барсуков А. П.* Списки городовых воевод... С. 189).

[53] Сходное по содержанию положение царского указа октября 1627 г. не предусматривало конфискации «литовских» изданий у книготорговцев.

[54] Как удалось обнаружить Т. А. Опариной, привозимые на патриаршее подворье конфискованные издания Филарет Никитич повелел складывать в специально отведенных для этих целей «каменных палатах» Казенного двора, двери в которые потом были замурованы (*Опарина Т. А.* «Книги литовской печати»... С. 142).

[55] См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 54. Столпик 2. Л. 343—347. Отписка путивльских воевод от 13 августа 1630 г. с произвольными купюрами и искажением языка документа опубликована в кн.: АМГ. Т. 1. № 279. С. 311.

[56] См.: Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. Т. 1. М., 1953. № 53. С. 90, 92. Кн. О. И. Щербатов (Щербатый) отправлял должность воеводы в Рыльске с февраля 1630 по декабрь 1631 г. (*Барсуков А. П.* Списки городовых воевод... С. 196).

[57] Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. текста и вступит. ст. К. В. Петрова. СПб., 2001. С. 358. (Любезно указано Б. Н. Флорей.) Текст отписки воеводы кн. О. И. Щербатова в Государев Разряд от 12 декабря 1630 г. не оставляет и тени сомнения в том, что заголовок рыльских «книг переписных» в архивной описи XVII в. не столько отражал их реальное содержание, сколько повторял формуляр

февральского указа «великих государей», предписывавшего заведение подобных документов на местах. Иными словами, в Рыльске отдельные издания «литовской печати» сохранились только в библиотеках духовных корпораций, а из всех частных собраний они подлежали тотальному изъятию. Лишним доказательством тому служит дело о *добровольной* выдаче рыльскому воеводе кабацким головой К. Савостьяновым, возвращенных ему иноземным негоциантом двух «опальных» книг — рохмановского Учительного Евангелия и острожского «Маргарита». Точно так же вряд ли есть серьезные основания говорить об отправке конфискованных изданий из Рыльска в Москву ранее 19 сентября 1630 г. Ср.: Воссоединение Украины с Россией... Т. 1. № 53. С. 92.

58 Ср. весьма длительную по времени задержку с посылкой отечественных книг в путивльский Молчанский Печерский монастырь (подробнее см. выше).

59 Острожский «Маргарит» 1595 г. оставался единственной восточнославянской публикацией этого популярного сборника гомилий Иоанна Хризостома вплоть до его переиздания в Москве в 1641 г. (*Запаско Я. П.*, *Ісаєвич Я. Д.* Пам'ятки книжкового мистецтва... Кн. 1. № 32. С. 31; *Исаевич Я. Д.* Преемники первопечатника... С. 150—151. Подробнее о сборнике «Маргарит» и его первом печатном издании см.: *Ангелов Б.* Търновският книжовник Дионисий Дивний // *Същ.* Старобългарско книжовно наследство. Кн. 1. София, 1983. С. 47—51. Ср.: *Гранстрем Е. Э.*, *Творогов О. В.*, *Валевичюс А.* Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI—XVI веков: Каталог гомилий. СПб., 1998. С. 9 и сл.).

60 На обороте отписки рыльского воеводы от 12 декабря 1630 г. сделана делопроизводственная помета: «139-го декабря в 15 день указали государь и святейший патриарх те книги переслать к Москве и отдать в Розряде» (Воссоединение Украины с Россией... Т. 1. С. 92. Чтение текста пометы уточнено по подлиннику: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 325. Л. 524 об.).

61 Указная грамота, посланная в декабре 1630 г. из Разрядного приказа рыльскому воеводе кн. О. И. Щербатову, не обязательно была самым первым по времени документом, отменявшим практику публичного сожжения произведений Кирилла Ставровецкого в России. Впрочем, нельзя исключить теоретическую возможность существования более ранних актов аналогичного содержания, отправленных в другие пограничные города.

62 Между тем, по наблюдению Т. А. Опариной, в 1631 г. (!) продолжалась практика замуровывания конфискованных «литовских» книг в помещениях Казенного двора (*Опарина Т. А.* «Книги литовской печати»... С. 142).

[63] См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 325. Л. 529—531.

[64] Упоминаемый в документе в качестве истца «белорусский» поп Андрей с осторожностью может быть отождествлен со своим тезкой — священником, вышедшим из Киевского повета «на государево имя» в 1640 г. В том же году московские самодержец и патриарх определили «литовского» иерея к духовному окормлению нововыезжих костенских «черкас», поселенных близ Усерда. Спустя два года, в 1642 г., поп Андрей вместе с прихожанами, захватив «церковное строение», попытался бежать назад в Литву, однако был пойман усердскими служилыми людьми. После обычного в таких случаях скорого следствия его сослали на «черные работы» в вологодский Спасо-Прилуцкий монастырь. Ср.: *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние… С. 71—72.

[65] Стольник Е. И. Соплин-Бутурлин находился на воеводстве в Усерде с 1641 по сентябрь 1642 гг. (*Барсуков А. П.* Списки городовых воевод… С. 258).

[66] См.: *Галенчанка Г. Я. і інш.* Кніга Беларусі 1517—1917… № 78, 99. С. 87, 96.

[67] См.: Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные с Высочайшего соизволения II Отделением собственной Е. И. В. Канцелярии. СПб., 1855. Т. 2. Стб. 452—468. Ср.: *Вайнштейн О. Л.* Россия и Тридцатилетняя война 1618—1648 гг.: Очерки внешней политики Московского государства в первой половине XVII в. М., 1947. С. 168—169; *Kupisz D.* Smolecsk 1632—1634. Warszawa, 2001. S. 94—98; *Кулаковський П.* Смоленська війна 1632—1634 років і Чернігово-Сіверщина // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 2002. Т. 248. С. 30—60.

[68] «Сослал» — отослал, выслал (*Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 836).

[69] На сегодня известен едва ли не единственный случай продажи «литовского» издания в России между декабрем 1627 и июлем 1632 г.: 23 мая 1628 г. калужскому попу Тимофею (?) удалось успешно продать в родном городе Евангелие (Вильно, ок. 1580 г.). Такая торговая операция представляла собой очевидное прямое нарушение первого совместного указа царя и патриарха, о котором воевода и местные жители были извещены специальной указной грамотой, посланной из Владимирской четверти в Калугу в самом конце ноября — декабре 1627 г. Единичный случай несоблюдения этого постановления может служить косвенным подтверждением весьма действенного контроля государственной власти за его точным неукоснительным исполнением на местах (*Голенченко Г. Я.* Идейные и культурные связи… С. 89, 267. Ср. документ № 4).

[70] См.: *Поздеева И. В.* Коллекция старопечатных книг XVI—XVII вв. из собрания М. И. Чуванова: Каталог. М., 1981. № 15. С. 43.

[71] См.: *Голенченко Г. Я.* Идейные и культурные связи... С. 89, 267, 273, 279.

[72] См.: *Мосин А. Г.* Кирилловские издания литовских, украинских и белорусских типографий XVI в. в Вятской земле // Федоровские чтения. 1982. М., 1987. С. 92.

[73] Подробнее о приезде Паисия Киевлянина в Россию в 1636 г. см.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. Д. 105. Л. 239—243, 263—273, 324—328, 359.

[74] См.: АЮЗР. СПб., 1861. Т. 3. № 2. С. 6. Наиболее подробное и точное описание в научной литературе обстоятельств выезда «на государево имя» черного диакона Паисия Киевлянина и густынских монахов см. в: *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние... С. 48, 51, 53—55.

[75] См.: Русско-белорусские связи: Сб. документов (1570—1667 гг.). Мн., 1963. № 111, 113, 116, 213. С. 136, 138, 139, 234; Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. Т. 2. М., 1953. № 33. С. 66. Ср., например: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Сочинения. Кн. 5. М., 1990. С. 171—172, 177.

[76] См.: *Голенченко Г. Я.* Идейные и культурные связи... С. 56.

[77] См.: Русско-белорусские связи... № 138. С. 160.

[78] См.: Там же. № 135, 136. С. 157, 158. Ср.: *Зернова А. С.* Белорусский печатник Спиридон Соболь // Книга: Исследования и материалы. Сб. 10. М., 1965. С. 143—144; *Дзюба Е. Н.* Просвещение на Украине... С. 49; *Голенченко Г. Я.* Идейные и культурные связи... С. 57.

[79] Подробнее см.: *Иванова Ж. Н.* Василий Бурцов и его роль в развитии печатного дела в России // Труды ГИМ. Вып. 75. Памятники русской народной культуры XVII—XIX веков. М., 1990. С. 14—28.

[80] В 1639—1640 гг. Вязьмой управляли воеводы: стольник кн. Ю. П. Буйносов-Ростовский и Б. Г. Сулемшин-Пушкин (*Барсуков А. П.* Списки городовых воевод... С. 55).

[81] РГАДА. Ф. 141. 1638 г. Д. 35. Л. 70—71.

[82] См.: *Голенченко Г. Я.* Идейные и культурные связи... С. 89.

[83] «Достаканъ» — сосуд для питья, стакан (Словарь русского языка XI — XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 338).

[84] Русско-белорусские связи... № 242. С. 262. Те «литовские люди на Тулу приезжали при воеводех при Василью Месном да при Лукьяну Москотильеву, им являвались». Тульский городовой дворянин В. В. Мясной служил воеводой в родном городе с октября 1646 по октябрь 1648 г., а Л. Н. Москотиньев отправлял там должность осадного воеводы в октябре 1648—1649 г. (*Барсуков А. П.* Списки городовых воевод... С. 250).

[85] Подробнее об этом см.: *Вознесенский А. В.* Об издательской программе московского Печатного двора // Рукописные собрания цер-

ковного происхождения в библиотеках и музеях России: Сб. докладов конференции 17—21 ноября 1998 года, Москва. М., 1999. С. 35—41. Ср.: *Булычев А. А.* О публикации постановлений Церковного собора 1620 г. в мирском и иноческом «Потребниках» (М., 1639) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2. М., 1989. С. 35—62; *Опарина Т. А.* Иван Наседка... С. 102—142, 212—284, и др.

[86] Ср.: *Исаевич Я. Д.* Преемники первопечатника... С. 149—154.

[87] См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Д. 460. Л. 19. Настоятель Молчанской обители попытался ввести в заблуждение столичных бюрократов относительно тех «киевских» изданий, что были конфискованы из монастырской библиотеки в декабре 1627 г. Как уже говорилось выше, игумен Варлаам настаивал на изъятии тогда путивльскими воеводами у монахов не одного, а целых двух экземпляров Анфологиона, отпечатанного в лаврской типографии в 1619 г.; кроме того, он предлагал вернуть обратно в обитель и якобы изъятую ими Минею общую, выпущенную С. Соболем в Киеве в 1628 г. (!), т. е. уже после проведения сплошного изъятия «литовских» печатных книг в Молчанском монастыре. Несмотря на откровенную авантюрность челобитья молчанского игумена, сам факт обращения к правительственным чиновникам с подобными требованиями в 1638 г. весьма показателен.

2. «АНТИЛИТОВСКАЯ» КАМПАНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1620-х гг. И ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ УНИАТСКО-ПРАВОСЛАВНОГО ПАТРИАРХАТА В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Кампанию юридического преследования польско-литовской православной книжности, проведенную московскими «великими государями» во второй половине 20-х гг. XVII в., открывал сентябрьский указ 1626 г. о принудительной высылке украинских книготорговцев М. Григорьева и С. Селиванова со всем товаром из Путивля в Речь Посполитую. Спустя год новое правительственное постановление, по-видимому, распространило санкции, ранее введенные против конкретных киевских негоциантов, уже на всех купцов из Литвы: текст преамбулы этого указа сохранила грамота, отправленная из Разряда вяземским воеводам князю В. П. Ахамашукову-Черкасскому и Д. А. Замыцкому и дьяку М. Сомову. Весьма примечательно, что в обоих законодательных актах совершенно отсутствовали какие-либо «прещения» по поводу богословских писаний Лаврентия Зизания или Кирилла Транквиллиона Ставровецкого. Вопреки господствующему в историографии мнению, гонения в Российской державе на украинско-белорусские издания и рукописные кодексы в 1620-х гг. отнюдь не были воздвигнуты властями под воздействием жесткой критики, которой отечественные

начетчики подвергли теологические штудии этих украинских книжников в январе и октябре — ноябре 1627 г.

Более того, именно царские указы, впервые ограничившие на территории Московии свободное хождение произведений кириллической книжности соседнего государства, могли самым существенным образом повлиять как на характер, так и на тональность обвинений, предъявленных столичными цензорами Зизанию и, заочно, Транквиллиону. В таком случае реальные достоинства или недостатки рецензируемых книг или особенности конфессиональной позиции их авторов не имели большого значения. Исход освидетельствования сочинений украинских богословов был заранее предрешен очевидной необходимостью найти сколько-нибудь правдоподобную идеологическую мотивацию начавшейся «антилитовской» кампании. Поэтому неудивительно, что один из российских оппонентов Кирилла Ставровецкого, Иван Васильев Шевелев-Наседка, публично признавая его проповеди вредными и даже еретическими, использовал их в своей литературной полемике с протестантами[1].

Демонизация имени и творчества украинского богослова позволила царю и патриарху представить доселе необъяснимое неприятие ими всех без исключения печатных изданий единоверной Киевской митрополии как вполне понятную акцию по защите православия от чужеродных духовных влияний. Думается, в октябре 1627 г. они в полной мере сознавали всю выгоду немедленного использования доноса игумена Афанасия Китайчича о неортодоксальности Транквиллиона и его Учительного Евангелия для идейного обоснования запрещения легальной торговли любыми украинскими и белорусскими книгами, ввозимыми из-за рубежа. А через месяц «великие государи» столь же оперативно воспользовались материалами освидетельствования рохмановского издания, проведенного официальными цензорами Иваном Наседкой и настоятелем столичного Богоявленского монастыря Ильей, при подготовке совместного указа о конфискации и сожжении всех сочинений Кирилла Ставровецкого

и, самое главное, о полном прекращении торговых операций с «литовскими» изданиями и рукописями внутри страны. Наконец, Михаил Федорович и Филарет объединили оба идеологических «клише» в тексте второго общего постановления о тотальном изъятии у владельцев «заповедных» иноземных книг в приграничных с Речью Посполитой областях.

Наиболее раннюю массовую конфискацию таких изданий воеводы порубежных русских городов организовали на подначальных им территориях уже в декабре 1627 — первой декаде января 1628 г. По ее завершении правительство столкнулось с целым рядом очень серьезных проблем. В ходе повальной реквизиции памятников украинско-белорусской кириллической письменности из библиотек духовных корпораций, отдельные градоправители забирали даже те книги, что требовались для совершения ежедневного богослужения. В результате множество церквей и монашеских обителей южной «украины» Московии неожиданно осталось «без пения». В других же приграничных городах, напротив, эта кампания либо по какой-то причине еще не проводилась, либо ее итоги могли показаться царю и патриарху сравнительно скромными и потому не вполне удовлетворительными. Устранить подобные «упущения» должен был их последний совместный указ конца февраля 1628 г., который, в частности, распространял действие конфискационных санкций на рукописные кодексы, а также впервые предусматривал замену изъятых «литовских» литургических изданий аналогичной по содержанию продукцией единственной государственной типографии России — Печатного двора. Впрочем, из-за весьма длительных задержек с рассылкой из столицы в провинциальные города книг «московского заводу» многие русские храмы и монастыри сумели сохранить в своих собраниях украинские и белорусские публикации богослужебных текстов даже в годы самых яростных гонений на православную книжность Речи Посполитой.

Фактическое исключение «литовских» изданий литургического назначения из числа книг, подлежащих обязательной

конфискации, привело к прекращению массовых реквизиций в приграничных областях страны. Отныне официальные власти могли рассчитывать лишь на единичные экземпляры «заповедных» иноземных изданий, случайно оставшиеся на руках у населения после повального их изъятия зимой 1627—1628 гг. Между тем при тщательном «досмотре» именно украинских богослужебных книг столичные цензоры действительно смогли бы обнаружить в них весьма сомнительные «новины», совершенно неприемлемые в русской литургической практике. Так, в лаврской Триоди постной, напечатанной Тарасием Земкой в декабре 1626 — начале февраля 1627 г., некоторые церковные молитвы и отдельные части богослужения оказались переведенными с церковнославянского языка на «российскую беседу общую» [2]. Такой перевод на «простую мову» не только синаксарей, но и части молитвословий, безусловно, представлял собой скандальный прецедент, немыслимый в отечественных публикациях. Подобные языковые нововведения таили в себе гораздо бóльшую угрозу для «московского благочестия», нежели все писания Кирилла Транквиллиона вместе взятые, отчего легко могли стать поводом для вполне оправданного запрета на ввоз в Россию «литовских» богослужебных и прочих книг. Однако никто из правящей элиты Московии (включая и самих «великих государей»), похоже, не интересовался реальным содержанием зарубежных изданий, публично объявленных «еретическими». Иначе трудно объяснить, почему во второй половине 1620-х — начале 1630-х гг. самодержец и патриарх относили к числу «вредных» книг тексты Священного Писания, творения Иоанна Златоуста и Максима Грека (а также и другие широко известные и авторитетные памятники восточнохристианской патристики и гомилетики), антикатолические и антипротестантские сочинения, выпущенные выдающимися типографами-просветителями Иваном Федоровым и Петром Тимофеевым Мстиславцем, «друкарнями» Острожской академии, Виленского и Киевского православных братств, Киево-Печерской лавры и др. Складывается впе-

чатление, что организаторы законодательного преследования единоверной украинско-белорусской книжности вообще не проводили сколько-нибудь серьезного освидетельствования «опальных» изданий ни в сентябре 1626 г., ни позже [3].

В тех регионах страны, где местные власти ограничились конфискацией одних только произведений Кирилла Транквиллиона, все другие печатные и рукописные книги, привезенные из Литвы, по-прежнему оставались в полном распоряжении своих последних владельцев. Отныне возбранялось лишь покупать или продавать их на «торжищах». Впрочем, это запрещение отнюдь не повлияло на привычное использование украинских и белорусских «стародруков» второй половины XVI — первой четверти XVII столетия в качестве поминальных вкладов или своеобразных памятных книжек с записями о наиболее важных событиях в семейной жизни даже в 1628—1631 гг. [4] Примечательно, что в 1627/28 г. сам российский монарх послал как «поминок» в один из сибирских острогов — «заповедное» Учительное Евангелие (Вильно, ок. 1580 г.) — книгу, которая в тот год, по его же собственному указу, в пограничных с Речью Посполитой городах подлежала безусловной конфискации не только из частных, но и из монастырских и церковных библиотек [5]. Таким образом, на рубеже 20-х — 30-х гг. XVII в. жители Замосковного края, Русского Севера и Сибири сохраняли относительную свободу в обращении с «заповедными» изданиями.

В то же время предположение Т. А. Опариной о существовании непосредственной связи кампании начала 1668 г. по изъятию у населения Верхотурского уезда «полских и литовских… книг и писем, и колоколов» с законодательными актами конца 20-х гг. основано на явном недоразумении [6]. В грамоте, полученной на Верхотурье воеводой стольником И. Я. Колтовским и подьячим В. Богдановым 31 января 1668 г., в частности, сообщалось: «великий государь <царь Алексей Михайлович.— *А. Б.*> указал на Москве и в городех у всяких чинов людей» те книги, «письма» и колокола,

«у кого что есть, имать и присылать к Москве и *отдавать полским и литовским людем*»[7]. Иначе говоря, самодержец предписывал верхотурским администраторам исполнить одно из условий Андрусовского перемирия с Речью Посполитой (30 января 1667 г.) о возвращении культурных ценностей, захваченных в ходе боевых действий, а затем вывезенных в качестве трофеев в Россию[8]. Естественно, что реституции, которые происходили по окончании Русско-польской войны 1654—1667 гг., никак не могли быть связаны с реквизициями украинско-белорусских изданий и рукописей в приграничных с Литвой уездах за сорок лет до описываемых событий.

Более чем пятилетние гонения, воздвигнутые российским правительством на единоверную кириллическую письменность соседней державы, существенно не изменили количество «литовских» изданий «старого привозу» в собраниях церковных и частновладельческих библиотек большинства областей Московского царства. Ведь помимо рохмановского Учительного Евангелия, городовые воеводы имели право изъять лишь другое опубликованное в ту пору сочинение Кирилла Ставровецкого — «Зерцало богословия» (Почаев, 1618 г.)[9]. Все остальные украинские и белорусские книги подлежали безусловной конфискации только на весьма ограниченной территории русско-литовского порубежья в течение очень короткого периода времени. Поэтому говорить о значительном и, главное, резком сокращении их числа в книгохранилищах местных жителей и духовных корпораций можно лишь применительно к относительно небольшому региону страны.

В связи с этим нуждается в уточнении гипотеза Б. В. Сапунова о едва ли не прямом воздействии повальных реквизиций конца 1620-х гг. на довольно малый процент украинских (4%) и белорусских (от 4,6% до 6,4%) печатных книг, обнаруженных им в отечественных библиотеках XVII в.[10] Причем серьезные сомнения в достоверности вызывает сама методика, которой пользовался ученый при их подсчете. Так, по версии Б. В. Сапунова, в Описи «книжной казны» хлынов-

ского Успенского монастыря 1601 г. только каждое седьмое издание было иноземного происхождения. Между тем, проанализировав данный источник заново, А. Г. Мосин убедительно доказал, что около половины всех старопечатных книг, хранившихся в ризнице монашеской обители на тот год, вышли из-под станка «литовских» типографов[11]. Вероятно, похожую картину можно будет наблюдать при тщательном обследовании собраний других средневековых русских библиотек.

Отказавшись к декабрю 1630 г. от практики публичного сожжения произведений Транквиллиона, царь и патриарх продемонстрировали явное намерение развеять демонический ореол, созданный ими вокруг писаний украинского теолога. На деле это означало, что власти Московии приступили к поэтапной отмене запретительных мер против повсеместной свободной торговли (а в приграничных с Речью Посполитой уездах и легального обладания) изданиями единоверной Киевской митрополии. В таком контексте становится понятной та удивительная снисходительность Михаила Федоровича и Филарета к рыльскому воеводе князю О. И. Щербатову, который в 1631 г. без каких-либо вразумительных объяснений почти на полгода задержал отправку в столицу двух конфискованных у себя в городе «заповедных» книг (включая и «Евангилья учительного Кирилова слогу»). Юридическое преследование польско-литовской кириллической письменности в России прекратилось столь же неожиданно, как и началось пятью годами ранее, когда мало кто из образованных подданных московского самодержца мог предвидеть будущие суровые санкции в отношении хорошо знакомых и авторитетных украинско-белорусских «стародруков» XVI — первой четверти XVII столетий. Отчего возникает вполне естественный вопрос: каковы были истинные причины, побудившие «великих государей» устроить в стране между 1626 и 1630 гг. самую настоящую травлю православной культуры соседних славянских народов?

Думается, непосредственной причиной такой агрессивной «антилитовской» кампании, изначальной целью которой было энергичное воздействие на духовную жизнь русского общества, явились неоднократные попытки учредить на землях Украины и Белоруссии автономный униатско-православный патриархат, по образцу государственного устройства Речи Посполитой. Известные ныне факты переговоров греко-католических эмиссаров со священноначалием православной Киевской митрополии о возможной реализации этого весьма экзотического экклесиологического проекта поразительным образом совпадают по времени с «антилитовскими» акциями царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета.

Формально инициатива создания в Литве особого, совместного, патриаршества для униатов и православных принадлежала сенаторам Речи Посполитой [12]. Между тем идея «новой унии» имела немало влиятельных приверженцев и среди восточных христиан Украины и Белоруссии. Некоторые иерархи «феофанова поставления» [13], недовольные отсутствием у возрожденной Киевской митрополии официального статуса в Польско-Литовской державе, с одной стороны, и внутрицерковной обстановкой с ее чересчур независимым положением православных «ставропигиальных» братств и бесцеремонным вмешательством казачества в дела веры, с другой, были готовы вступить в переговоры с греко-католиками о соединении двух христианских деноминаций [14]. Впервые проблема образования на территории Литвы нового патриаршества, объединяющего в единой церковной организации и униатов и православных, обсуждалась на собеседованиях базилианского монаха Яна Дубовича с митрополитом Иовом Борецким и полоцким архиепископом Мелетием Смотрицким во второй половине 1623 — январе 1624 гг.[15] После безрезультатных переговоров о переводе цареградской кафедры из Стамбула в один из городов Великого княжества Литовского в конце 80-х гг. XVI в. [16] это обсуждение стало, по сути, первой реальной попыткой учредить в Речи Посполитой церковную иерархию столь высокого уровня с участием

православных. Перспектива основания патриаршего престола в Киеве позволяла не только надеяться на примирение всех без исключения подданных польского короля, исповедовавших «вяру грецку», но и чуть ли не на равных вступить в соперничество с недавно созданным Московским патриархатом за влияние на умы и души украинской и белорусской православной паствы. Несмотря на секретный характер собеседований, информация о них с небольшим запозданием, по-видимому, достигла российского двора.

Осенью 1624 г. царь и патриарх учинили подлинный дипломатический афронт посланцу митрополита Иова Борецкого, лаврскому иеромонаху Памве Берынде, привезшему в подарок несколько экземпляров «Бесед на Деяния святых апостол» Иоанна Златоуста. В письме от 1 сентября киевский владыка просил Михаила Федоровича и Филарета благосклонно принять книги, изданные под личным наблюдением Берынды, а его самого без задержек отпустить на Афон[17]. Однако в Москве знаменитого украинского типографа ожидал необычайно холодный прием: без малого пять месяцев он дожидался августейшей аудиенции, чтобы вручить приготовленные «подносные» экземпляры самодержцу и его могущественному родителю, святейшему патриарху. Только 4 января 1625 г. Памва Берында смог исполнить возложенную на него миссию[18]. Притом совсем не исключено, что московские власти отнюдь не ограничились одним лишь дипломатическим демаршем, сорвавшим, между прочим, поездку эмиссара киевского первоиерарха на Святую Гору.

Весьма показательно, что «литовский» церковный дипломат был принят «великими государями» лишь после того, как им стало известно содержание грамоты Иова Борецкого от 24 августа 1624 г., доставленной в российскую столицу его новым посланцем, луцким епископом Исаакием Борисковичем[19]. Текст этого документа, полный туманных намеков на желательность воссоединения православных украинцев и белорусов со своими единоверцами-великороссами, представлял митрополита Иова в роли едва ли не главного поборника

восточнославянской интеграции под скипетром московского самодержца. Очевидно, оттого переговоры, которые вел луцкий архипастырь в Москве осенью — зимой 1624 г., отечественные исследователи интерпретируют не иначе как убедительное доказательство промосковской ориентации священноначалия Киевской митрополии и лично ее первоиерарха[20]. Между тем факт совсем недавних контактов Иова Борецкого и Мелетия Смотрицкого с греко-католиками, а также явная неудача, постигшая на этом фоне «посольство» Памвы Берынды в Москве, вынуждают с особенным вниманием отнестись к истинным целям миссии Борисковича. Весьма вероятно, что и сами переговоры, и привезенная митрополичья грамота были призваны всего лишь восстановить в глазах Михаила Федоровича и Филарета пошатнувшуюся репутацию владыки Иова и его «соратников» по диалогу с униатами. Не случайно просьбу о щедрой милостыне Борецкий сопроводил откровенной политической риторикой — призывом к русскому монарху спасти «единоутробных» украинцев и белорусов, страждущих под гнетом католического государства. Однако в ожидании царского «промысла о свободе» православного населения Литвы он отнюдь не спешил связывать ни себя, ни, тем более, подначальное ему духовенство или паству какими-либо конкретными обязательствами перед самодержцем и патриархом в деле будущего объединения земель Великого княжества Литовского с Российской державой. Грамота Иова Борецкого от 24 августа 1624 г. представляла собой, в сущности, обычное прошение о материальном вспомоществовании, по недоразумению воспринятое «великими государями» в качестве важного внешнеполитического документа — соглашения с украинско-белорусским епископатом о реальном сотрудничестве[21].

В январе 1624 г. киевский униатский митрополит Иосиф Вельямин Рутский собрал в своей резиденции в Новогрудке архиерейский собор, на котором были подведены итоги состоявшихся собеседований с православными иерархами. Его участники признали необходимым продолжить межцерковный

диалог, постановив направить в Киев новую делегацию для дальнейших переговоров[22]. Центральное место на них, разумеется, предполагалось отвести дискуссии по проблемам, связанным с образованием совместного патриаршества. По мысли съехавшихся на собор епископов, обеим сторонам надлежало добиваться того, чтобы «новофундованый в наших краях, яко и в московских, патриярха на добрых певных духовных… вси потомные часы пребывал и по благословение нигде не посылал»[23]. Однако, несмотря на столь заманчивые предложения греко-католических архиереев, Иов Борецкий уклонился от последующих обсуждений этой весьма щекотливой темы. Думается, такую осторожно-выжидательную позицию «литовский» православный митрополит занял по сугубо прагматическим соображениям. В первую очередь, ему приходилось вполне обоснованно опасаться гнева антиуниатски настроенного украинского казачества. В связи с этим уместно вспомнить трагическую смерть греко-католика Антония Грековича, посланного в качестве митрополичьего официала насаждать унию в Киеве. 22 февраля 1618 г. толпа запорожских «лицарей» и киевских обывателей схватила его в Выдубецком монастыре, где он тогда игуменствовал, и, после прилюдных надругательств, связанного утопила в проруби на Днепре. Причем убийцы официального представителя Иосифа Рутского не понесли никакого наказания[24]. Наконец, владыка Иов мог просто усомниться в искренности деклараций священноначалия униатской церкви, готового на словах уступить первенство в будущем патриархате сторонникам греческой ортодоксии[25]. К тому же архиепископ Мелетий Смотрицкий, главный апологет объединения двух христианских деноминаций, в ту пору покинул Украину, отправившись в Стамбул ко двору вселенского патриарха Кирилла I Лукариса, откуда возвратился лишь к началу 1626 г.[26]

31 марта 1626 г. в варшавском замке король Сигизмунд III Ваза (Васа) подписал универсал о разрешении Иосифу Вельямину Рутскому созвать поместный собор Униатской Церкви в Кобрине 6 сентября того же года[27]. Все попытки

греко-католического первосвятителя пригласить на собор делегацию Киевской митрополии для продолжения переговоров об учреждении на территории Речи Посполитой единого униатско-православного патриаршества потерпели, в конечном счете, неудачу. С одной стороны, против любого, даже формального союза греко-католиков со «схизматиками» резко выступила Конгрегация пропаганды веры, а с другой, Иов Борецкий, после некоторых колебаний, также отказался от направления своих посланцев в Кобрин. Между тем есть основания предполагать, что изначально позиция не только Мелетия Смотрицкого, но и главы православной митрополии относительно неучастия «литовских» восточных христиан в заседаниях униатского Кобринского собора была совершенно иной[28]. Вернуться к прерванным переговорам о соединении церквей в рамках своеобразной экклесиологической конфедерации обоим архипастырям, скорее всего, помешали весьма тяжкие и притом публичные обвинения в апостасии, выдвинутые против них весной 1626 г. В специально составленной брошюре анонимный ревнитель православия изобразил собеседования митрополита Иова и полоцкого владыки с униатами настоящим церковным преступлением, а их самих — предателями интересов своей паствы[29].

Естественно, что в такой ситуации Иову Борецкому пришлось защищать себя и архиепископа Мелетия от столь серьезных обвинений: уже 9 мая он обратился к духовенству и мирянам собственной епархии с особым «оправдательным» окружным посланием[30]. А 31 июля Иов направил грамоту аналогичного содержания к «великим государям» в Москву: в ней он попытался убедить российского самодержца и патриарха как в своей личной приверженности к ортодоксии в ее наиболее строгой форме, так и в категорическом нежелании кого-либо из священноначалия Киевской митрополии вступать в контакты с греко-католиками, собравшимися в Кобрине[31]. Однако усилия украинского первоиерарха обелить себя в глазах Михаила Федоровича и Филарета, по-видимому, оказались не совсем успешны: судя по реакции

августейших соправителей, слухи о вероотступничестве Иова Борецкого достигли Кремля и были восприняты там вполне серьезно. Именно в сентябре 1626 г., когда заседал Кобринский «синод», на котором, кстати, до последнего дня его работы ожидали эмиссаров из Киева, царь своим указом запретил «литовским» книготорговцам ввозить и продавать на территории Московии издания, напечатанные в типографиях Речи Посполитой.

В 1627—1629 гг. православные и грекокатолические епископы возобновили диалог по проблеме соединения Церквей и образования совместного патриархата. Причем на сей раз агитация Мелетия Смотрицкого в пользу заключения «новой унии» и учреждения в Киеве патриаршего престола нашла у архипастырей «феофанова поставления» и, отчасти, даже членов православных братств гораздо больше сочувствия, нежели раньше.

По его инициативе 8 сентября 1627 г. митрополит Иов Борецкий созвал «малый» церковный собор в Киеве, где Мелетий надеялся, в частности, убедить своих слушателей в необходимости достижения немедленного соглашения с греко-католиками об объединении в едином «Руськом» патриаршестве. Ныне, к сожалению, нельзя точно сказать, насколько представительным был этот «синод». Сохранились лишь документальные свидетельства об участии в его заседаниях самого киевского владыки, полоцкого архиепископа Мелетия Смотрицкого, уже тайно принявшего к тому времени унию, и «нареченного» печерского архимандрита Петра Могилы. Не исключено, что на нем присутствовали и другие украинско-белорусские епископы, санкционировавшие труды Смотрицкого по подготовке межцерковного союза[32]. Впрочем, отнюдь не все они разделяли проуниатские симпатии Мелетия, получившего после присоединения к греко-католикам взамен чисто номинального архипастырского достоинства в Православной Церкви, не сулившего его владельцу большого материального достатка, богатейшую Дерманскую архимандритию. Например, перемышльский владыка Исаия Копинский посвятил об-

личению идеи конкордата с униатами и созданию совместного с ними патриаршества специальное окружное послание, которое разослал по всем епархиям Киевской митрополии[33].

Стремление любыми средствами увеличить число сторонников экклесиологического союза с греко-католиками подвигло Мелетия Смотрицкого на сочинение знаменитой эпистолии святодуховским братчикам в Вильно, обычно датируемой в историографии концом октября — началом ноября 1627 г.[34] Мелетий весьма искусно пытался убедить своих корреспондентов в необходимости тесных контактов с униатами в преддверии их якобы скорого возвращения в лоно православия и вполне реальной перспективы образования в Литве отдельного *православного* (!), как следует из контекста письма, патриархата, по примеру московского[35].

Накануне Пасхи 1628 г. в лаврском имении Гродке на Волыни собрался новый «малый» собор во главе с митрополитом Иовом Борецким, где Мелетий Смотрицкий выступил с пространными рассуждениями о непринципиальном характере догматических расхождений, существовавших в то время между Римско-католической и Греческой церквями. В заключение он сделал единственно возможный вывод из этого богословского тезиса — о желательности и даже полезности соединения униатской и православных киевских митрополий под эгидой Рима. На совещании в Гродке Мелетию удалось, в сущности, добиться столь необходимой для успеха затеянных собеседований с греко-католиками поддержки со стороны собравшихся епископов и монашествующих. Те признали теологические штудии Смотрицкого не лишенными некоторой основательности, но при этом уклонились от вынесения окончательного вердикта по такому важному и весьма непростому экклесиологическому вопросу, отложив его решение до созыва полноценного епархиального «синода» в Киеве[36].

На Киевском соборе, состоявшемся в августе того же года, наступила драматическая развязка проуниатской интриги дерманского архимандрита, который по-прежнему использо-

вал титул полоцкого архиепископа при общении с бывшими единоверцами. Под явным давлением партии приверженцев строгой ортодоксии и прежде всего грозных своей бескомпромиссностью запорожских казаков, на одном из соборных заседаний Мелетий был обвинен в публичном поношении Православной Церкви, из-за чего ему пришлось принести формальное покаяние в вероотступничестве. Митрополит же Иов Борецкий, сам чудом избежав расправы разгневанной паствы, поспешил не только лишить своего былого конфидента доверия и покровительства, но и решительно отказаться от проекта образования совместной патриархии с греко-католиками. Однако по-настоящему сокрушительный удар по идее создания в Речи Посполитой «Руського» патриаршества, по иронии судьбы, нанесли не отцы церковного собора в Киеве, а кардиналы из папской Конгрегации пропаганды веры, категорически воспретившие ее обсуждение на объединенном униатско-православном «синоде», что планировалось созвать во Львове в следующем, 1629 г.[37]

Реакция московских властей на попытки священноначалия Киевской митрополии заключить соглашение с греко-католическими иерархами о соединении церквей и об учреждении особого патриаршего престола для обеих деноминаций, как уже говорилось выше, последовала незамедлительно и отличалась невероятной жесткостью. При этом резко негативное отношение царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета к распространению в России «литовской» кириллической книжности во второй половине 20-х гг. XVII в. удивительно легко уступило место равнодушной терпимости к любым украинско-белорусским изданиям в начале нового десятилетия. По-видимому, не случайно столь разительная перемена во взглядах «великих государей» произошла, как только минула угроза претворения в жизнь подобного изощренного экклесиологического замысла. Естественно, что их не могла не раздражать перспектива превращения одной из периферийных епархий Константинопольского патриархата в самостоятельную Церковь с кафедрой почти равночестной по

статусу московской. Это был бы ощутимый и весьма болезненный удар по престижу сравнительно недавно образованной российской патриархии, лишавший ее исключительного положения первенствующего церковного престола в восточнославянских землях. Помимо неизбежного умаления достоинства патриаршей кафедры «царствующего града» Москвы, изменение статуса Киевской митрополии привело бы к полному провалу планов русского правительства присоединить в будущем к своей обширной державе территории Левобережной Украины и Белоруссии (за исключением ее западных областей). Между тем уже в начале 1630-х гг. фактический руководитель отечественной дипломатии, патриарх Филарет, рассматривал аннексию этих регионов Речи Посполитой в качестве едва ли не основной геополитической сверхзадачи подготавливаемой военной кампании против Польско-Литовского государства. Свои территориальные претензии на бóльшую часть земель Великого княжества Литовского августейшие соправители юридически оформили в статьях проекта союзного договора со Швецией, выработанного в Москве в 1632 г. Как известно, данный дипломатический документ, хотя и не подписанный из-за смерти короля Густава-Адольфа, был в каком-то смысле программным для российской внешней политики тех лет[38].

С другой стороны, в условиях крайне нестабильных межгосударственных отношений Речи Посполитой и Московии в первой трети XVII в. становится понятной заинтересованность Сигизмунда III Вазы в успехе «новой унии», то есть в создании автономного греко-католическо-православного патриаршества в Литве. Ревностный католик, он тем не менее вполне сознавал все политические преимущества реализации такого экклесиологического замысла, справедливо усматривая в нем надежное средство для ослабления сепаратистских промосковских настроений у его подданных — православных украинцев и белорусов[39]. Впрочем, из-за прямого противодействия Римской курии, отвергавшей в принципе самую возможность конкордата со «схизматиками» об учреждении особой Киевской

патриархии, польскому королю и униатскому епископату так и не удалось добиться заключения новой церковной унии на территории Речи Посполитой ни в 1620-х гг., ни позже.

Примечания

[1] См.: *Г-в А.* (*А. П. Голубцов*). Судьба «Евангелия учительного» Кирилла Транквиллиона Ставровецкого... С. 566.

[2] См.: *Голубев С. Т.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники: (Опыт исторического исследования). Т. 1. Киев, 1883. С. 399; *Успенский Б. А.* Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка // IX Международный съезд славистов: Доклады. М., 1983. С. 79—80. Ср.: *Он же.* История русского литературного языка (XI—XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 400—403.

[3] Косвенным подтверждением справедливости данного предположения служит та легкость, с которой накануне Смоленской войны августейшие соправители вновь посчитали памятники «литовской» книжности вполне ортодоксальными сочинениями.

[4] См.: *Левочкин И. В.* Виленские издания Петра Мстиславца в собраниях Государственного Исторического музея // Федоровские чтения. 1982. М., 1987. С. 42; *Голенченко Г. Я.* Идейные и культурные связи... С. 265, 267, 273; *Лукьяненко В. И.* Издания кириллической печати XV—XVI вв. (1491—1600 г.): Каталог книг из собрания ГПБ. СПб., 1993. № 65. С. 144, и др. Ср.: *Исаевич Я. Д.* Преемники первопечатника... С. 142.

[5] См.: *Беляева О. К. и др.* Рукописные и старопечатные книги Зауралья XVI—XX вв. // Памятники литературы и письменности крестьян Зауралья. Вып. 1. Екатеринбург, 1991. № 291. С. 207—208. Искренне благодарю А. А. Турилова, указавшего на данный факт.

[6] См.: *Опарина Т. А.* Иван Наседка... С. 317. Примеч. 85.

[7] РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 27. Л. 149.

[8] См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Сочинения. Кн. 6. М., 1991. С. 174. Документы РГАДА ясно свидетельствуют о практическом исполнении русским правительством принятых на себя по Андрусовскому перемирию реституционных обязательств, тем самым полностью опровергая околонаучные националистические спекуляции некоторых современных белорусских исследователей (РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 399. Столпик 1. Л. 1—109, и др. Ср., например: *Сагановіч Г. М.* Нявядомая вайна, 1654—1667. Мн., 1995. С. 126).

[9] См.: *Запаско Я. П., Ісаєвич Я. Д.* Пам'ятки книжкового мистецтва… Кн. 1. № 115. С. 38—39. Как уже говорилось выше, в настоящее время нет никаких оснований распространять действие второго и четвертого совместных указов «великих государей» на территории центральных и северных регионов Европейской России, а также Сибири.

[10] См.: *Сапунов Б. В.* Украинские книги в России XVII в. // История книги и издательского дела. Л., 1977. С. 5; *Он же.* Старопечатные белорусские книги в русских библиотеках XVII в. // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. М., 1979. С. 167; *Он же.* Печатные белорусские книги в русских библиотеках второй половины XVI—XVII вв. // Белорусский сборник: Статьи и материалы по истории и культуре Белоруссии. Вып. 1. СПб., 1998. С. 24—26. Ср.: *Исаевич Я. Д.* Преемники первопечатника… С. 146; *Голенченко Г. Я.* Идейные и культурные связи… С. 92; *Опарина Т. А.* Иван Наседка… С. 173.

[11] См.: *Мосин А. Г.* Кирилловские издания литовских, украинских и белорусских типографий XVI в. в Вятской земле… С. 88—89.

[12] См.: *Флоря Б. Н.* Вопрос о «новой унии» в украинско-белорусском обществе 20-х—40-х гг. XVII в. // *Дмитриев М. В., Заборовский Л. В., Турилов А. А., Флоря Б. Н.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — первой половине XVII в. Ч. 2. М., 1999. С. 127.

[13] Имеются в виду «литовские» православные архиереи, рукоположенные в епископское достоинство иерусалимским патриархом Феофаном в 1620 г.

[14] Ср., например: *Грушевський М. С.* Історія української літератури. Т. 6. Кн. 2. Київ, 1996. С. 25—26.

[15] См.: *Шмурло Е. Ф.* Римская курия на русском православном Востоке (1609—1654). Прага, 1929. С. 53—57, 305—306, приложение: № 4 (20). С. 35—40. Ср.: *Жуковський А.* Петро Могила й питання єдности Церков. [2-е вид.]. Київ, 1997. С. 113—114.

[16] Ср.: *Яковенко С. Г.* Проекты перенесения патриаршего престола в пределы Речи Посполитой (80-е гг. XVI в.) // Римско-Константинопольское наследие на Руси: Идея власти и политическая практика: (Семинар «От Рима к Третьему Риму»). М., 1995. С. 318—321.

[17] Текст послания Иова Борецкого «великим государям» об отправке Памвы Берынды с «подносными» экземплярами «Бесед на Деяния святых апостол» Златоуста в Москву был опубликован дважды (Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов, Высочайше утвержденной при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1883. Ч. 1. Т. 6. № 215. С. 542—543; Воссоединение Украины с Россией… Т. 1. № 23. С. 48—49).

[18] См.: *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние… С. 102.

[19] Грамота Иова Борецкого «великим государям» от 24 августа 1624 г. опубликована: Воссоединение Украины с Россией... Т. 1. № 22. С. 46—48.

[20] См., например: *Флоря Б. Н.* Древнерусские традиции и борьба восточнославянских народов за воссоединение // *Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л.* Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 208—209; *Fłoria B.* Nowe materiaiy do dziejyw Powstania kozackiego 1625 roku // Przeglnod Wschodni. 1998. T. 5. Zw. 1 (17). S. 33—42; *Опарина Т. А.* Иван Наседка... С. 156; *Булатовский О. Ю.* Отношения Киевской православной митрополии и России (1620—1633 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 19 и пр. Ср.: *Флоря Б. Н.* Киевская митрополия, Россия и Казацкое восстание 1625 года // Славяне и их соседи. Вып. 7. М., 1999. С. 143—144 и сл.

[21] Ср. похожую ситуацию, когда в 1604 г. первый всероссийский патриарх Иов столь же серьезно отнесся к весьма далеким от реальности и деловой конкретики рассуждениям кн. К.-В. К. Острожского о перспективе восстановления православной церкви в Литве под омофором московского патриарха (*Турилов А. А.* К истории проектов ликвидации Брестской унии: (Неизвестное послание кн. К. К. Острожского патриарху Иову) // Славяне и их соседи: Католицизм и Православие в средние века. Вып. 3. М., 1991. С. 131).

[22] См.: *Плохий С. Н.* Папство и Украина: Политика Римской курии на украинских землях в XVI—XVII вв. Киев, 1989. С. 131; *Флоря Б. Н.* Вопрос о «новой унии» в украинско-белорусском обществе... С. 128. Ср.: *Саверчанка І.* Апостал яднання і веры: Язэп Руцкі. Мн., 1994. С. 48—62.

[23] АЗР. СПб., 1851. Т. 4. № 224. С. 513—514.

[24] Подробнее об обстоятельствах гибели Антония Грековича и начатом затем официальном следствии см.: Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов 1470—1700 / [Сост. С. Г. Рункевич. Изд. А. Ф. Бычков]. Т. 1. СПб., 1897. № 412, 431, 432. С. 164, 169—170.

[25] Истинные цели переговоров со священноначалием православной Киевской митрополии Иосиф Рутский, например, недвусмысленно изложил в письмах к кардиналу Бандино от 27 января 1624 г. и в Конгрегацию пропаганды веры от 12 мая 1627 г. (Epistolae Josephi Velamin Rutskyj, metropolitae Kioviensis catholici (1613—1637) / Ed. T. T. Haluscynskyj, A. G. Welykyj. Romae, 1956. № 42, 88. P. 98—99, 193—194. Подробные комментарии к содержанию обеих эпистолий униатского первосвятителя см. в: [*Дмитриев М. В.*] Комментарии // *Макарий* (*Булгаков*), *митрополит*. История Русской церкви... Кн. 6. С. 671, 673. Коммент. 185, 192).

[26] Подробнее о проуниатских симпатиях Мелетия Смотрицкого и его усилиях по учреждению Киевского патриаршества см. в: *Голубев С. Т.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники: (Опыт исторического исследования). Т. 1. Киев, 1883. С. 92—146; *Яременко П. К.* Мелетій Смотрицький: Життя і творчість. Київ, 1986. С. 115—117, 130—132; *Frik D. A.* Meletij Smotryckyj. Cambridge, 1995. P. 89—101. Ср.: *Кралюк П. М.* Духовні пошуки Мелетія Смотрицького. Київ, 1997. С. 144—170, и др.

[27] Текст королевского универсала от 31 марта 1626 г. опубликован в кн.: АЗР. Т. 4. № 226. С. 515—516. Сигизмунд III подписал этот документ вскоре после завершения работы Сейма, на заседаниях которого он дважды вносил предложения созвать совместный собор униатов и православных Речи Посполитой (*Жукович П. Н.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (с 1609 г.). Вып. 5. СПб., 1910. С. 53—69).

[28] См., например: *Голубев С. Т.* Киевский митрополит Петр Могила... Т. 1. С. 91—92. Примеч. 16.

[29] См.: *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской церкви... Кн. 6. С. 440—441.

[30] Текст «оправдательной» грамоты митрополита Иова Борецкого к пастве напечатан в кн.: *Голубев С. Т.* Киевский митрополит Петр Могила... Т. 1. Приложения. № 43. С. 279—281. Предположение М. В. Дмитриева о косвенной адресованности документа самому королю Сигизмунду Вазе, безусловно, остроумно, но при этом кажется весьма искусственным и оттого маловероятным ([*Дмитриев М. В.*] Комментарии // *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской Церкви... Кн. 6. С. 674. Коммент. 198).

[31] Текст послания киевского митрополита царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету от 31 июля 1626 г. опубликован в кн.: Архив Юго-Западной России... Ч. 1. Т. 6. № 223. С. 580.

[32] См.: *Голубев С. Т.* Киевский митрополит Петр Могила... Т. 1. С. 67, 158—160; [*Дмитриев М. В.*] Комментарии // *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской церкви... Кн. 6. С. 675—676. Коммент. 204. Ср., например: *Кралюк П. М.* Духовні пошуки Мелетія Смотрицького... С. 151.

[33] См.: *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской церкви... Кн. 6. С. 446—447. Горячий поборник чистоты православного исповедания, Исаия Копинский не остановился даже перед откровенным нарушением норм канонического права, категорически воспрещавшего правящим епархиальным архиереям проповедовать на территориях, находящихся вне их юрисдикции (20 канон VI Вселенского Константинопольского собора // Правила святых Апостол, святых соборов, Вселенских и Поместных, и святых Отец с толкованиями. М., 1884. С. 511—514).

[34] См., например: *Голубев С. Т.* Киевский митрополит Петр Могила... Т. 1. С. 160.

[35] См.: Архив Юго-Западной России... Ч. 1. Т. 6. № 244. С. 605—607.

[36] См.: *Голубев С. Т.* Киевский митрополит Петр Могила... Т. 1. С. 165—171; *Жуковський А.* Петро Могила й питання єдности Церков... С. 116—117.

[37] См.: *Голубев С. Т.* Киевский митрополит Петр Могила... Т. 1. С. 200—225; *Плохий С. Н.* Папство и Украина... С. 131—132; *Флоря Б. Н.* Вопрос о «новой унии» в украинско-белорусском обществе... С. 137—138. Ср.: *Frik D. A.* Meletij Smotryckyj... P. 127—138; *Кралюк П. М.* Духовні пошуки Мелетія Смотрицького... С. 157—163, и др. Любопытно, что и триста пятьдесят лет спустя идея учреждения на Украине автономного униатского патриаршества (даже без объединения со «схизматиками») вызывала крайне негативную реакцию у римских первосвященников. В мае 1975 г. папа Павел VI осудил и не признал легитимным провозглашение кардиналом Иосифом Слипим особого Киевско-Галицийского греко-католического патриархата (*Нагаєвський І.* Патріархати, їх початок і значення в Церкві, та український патріархат. Лондон, 1976. С. 178).

[38] См.: *Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 259—260, 320—322.

[39] См.: *Коялович М. О.* Литовская церковная уния. Т. 2. СПб., 1861. С. 119—120; *Плохий С. Н.* Папство и Украина... С. 131.

3. ПРЕОДОЛЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ЦЕРКОВНОЙ «СМУТЫ» НАЧАЛА XVII в.

(патриарх Филарет versus Игнатий Грек)

«Великих государей», безусловно, должна была беспокоить перспектива основания патриаршего престола в Киеве, обладатель которого получал бы неограниченную духовную власть над православным населением Польско-Литовской державы. Однако, по-видимому, не меньше их тревожил вопрос о персональной кандидатуре главы «Руського» патриархата в случае его образования. С осторожностью можно предположить, что более всего Филарет Никитич опасался возведения на этот престол его недавнего предшественника на московской кафедре — патриарха Игнатия Грека, бежавшего в Смуту в Литву. В Речи Посполитой Игнатий, как ныне хорошо известно, жил на покое в униатском Троицком монастыре в Вильно — обители, при которой в начале XVII столетия создано одноименное братство для борьбы с православием[1]. Впрочем, необходимо сразу оговориться: ни король, ни греко-католические или, тем паче, православные иерархи Великого княжества Литовского никогда всерьез не рассматривали Игнатия Грека в качестве действительного кандидата на роль киевского патриарха. Если бы этот экклесиологический проект воплотился в жизнь, то столь высокий церковный престол занял бы единственно реальный претен-

дент на него — печерский архимандрит Петр Могила, возведенный в сан православного митрополита в 1633 г.[2]

В сознании же российских «великих государей», находившихся в полном неведении относительно занятий и ближайших намерений бывшего главы Русской церкви, Игнатий превратился в грозный политический призрак. По-видимому, в 1620-е гг. они не только не подозревали о переходе Игнатия в унию[3], но даже не имели достоверных известий о том, жив ли он[4]. Злополучный преемник святителя Иова по-прежнему оставался для многих жителей Московии опальным православным архипастырем, лишенным исключительно патриаршей кафедры, а отнюдь не первосвященнического достоинства. Дело в том, что по распоряжению Василия Шуйского, захватившего после убийства Лжедмитрия I власть в стране, он был насильно сведен с престола всероссийских патриархов и заточен в кремлевском Чудове монастыре 26 мая 1606 г., без обязательного в таких случаях расследования его деятельности судом епископов[5]. Столь явное нарушение канонического права отечественные архиереи попытались устранить на соборе, созванном для выборов нового московского первосвятителя в конце июня того же года. По свидетельству автора Хронографа 1617 г., «повелением государя царя и великого князя Василия Ивановича… и советом всего Священнаго собора Игнатия патриарха, его же без священных рукоположений возведе на престол Розстрига, сего в Чюдов монастырь послаша под начало, яко да совершенно навыкнет благочестия веры, иже во Христа Бога»[6]. Иными словами, участникам собора не оставалось ничего другого, как санкционировать уже состоявшееся отстранение Игнатия Грека от высшей духовной власти. При этом они не предъявили низверженному патриарху никаких конкретных обвинений в нарушении догматов или в отступлении от принятой в ту пору обрядовой практики, объявив недействительной самую церемонию его интронизации. По весьма распространенному в историографии мнению, патриаршая хиротония Игнатия происходила по греческому чину, в котором,

по сравнению с аналогичным русским чинопоследованием 1589 г., были опущены несколько обязательных с точки зрения отечественного духовенства элементов процедуры поставления[7].

На Церковном соборе 1620 г. Филарет Никитич категорически настаивал на том, что судебное определение 1606 г. предусматривало лишение Игнатия Грека первосвятительского достоинства: «Его же Игнатия за таковую вину священноначалницы Великия святыя Церкви росийския, яко презревшаго правила святых Апостол и святых Отец, от престола и от *святительства* по правилом святым изринуша в лето 7114»[8]. Между тем в древнерусском языке термин «святительство» (так же как и «сан») применительно к архипастырскому служению обозначал не только само епископское достоинство, но и собственно отправление иерархом своей должности по управлению отдельной епархией или целой поместной Церковью[9]. Именно в последнем значении это понятие использовал составитель Краткой редакции «Сказания и повести» о Гришке Отрепьеве, датируемой маем — самым началом июня 1606 г.[10], при описании «царской» опалы на архиереев, открыто выступивших против брака Самозванца с Мариной Мнишек без перекрещивания невесты-католички накануне венчания[11]. По его словам, «...и повеле <Лжедмитрий I.— *А. Б.*> митрополита <Гермогена.— *А. Б.*> сослати в Казань, и тамо повелевает с него святительский сан сняти и в монастырь заточити». Точно такую же участь подложный московский самодержец уготовил и другому активному противнику его брачного союза с «латынянкой», коломенскому епископу Иосифу[12]. Совершенно ясно, что в обоих случаях Расстрига отставил опальных владык от управления своими епархиями, но при этом он даже не предполагал покуситься на их епископское достоинство.

Похожим образом действовал и князь В. И. Шуйский: насильственно лишив Игнатия Грека патриаршей кафедры, он отнюдь не стремился отобрать у него «святительство». Автор так называемой Рукописи Филарета, созданной около

1626 г.[13], упомянул в рассказе о коронации нового монарха, Василия IV, о прискорбном отсутствии на этом торжестве предстоятеля Русской церкви, «понеже Игнатий потриарх» к тому времени уже был «извержен от своего сану, и дан бысть под начал в Чюдов монастырь»[14]. Выяснить истинный статус низложенного первосвятителя после Освященного собора 1606 г. помогает чтение позднейшей Второй редакции «Сказания известна» о возведении на патриаршество Филарета Никитича, составленной не ранее осени 1658 г.[15]: «И сей <Василий Шуйский.— *А. Б.*> убо Игнатия, поставленнаго от неправеднаго царя <Лжедмитрия I.— *А. Б.*>, от *власти* измещет, яко неправе приимша престол и в монастыри... быти повелевает»[16]. Предложенному толкованию данного отрывка не противоречит наблюдение тонкого знатока средневекового церковного судопроизводства, митрополита Николая (Ярушевича), о том, что за всю первую половину XVII в. в России архиерейский суд низверг из епископского достоинства всего лишь одного человека — суздальского и тарусского архиепископа Иосифа Курцевича, осенью 1634 г.[17]

Перед тюремным заключением в Чудовской обители Игнатий Грек был облачен, как самый обыкновенный рядовой монах, в простое «черное платье»[18]. К такому дополнительному наказанию опальных иерархов светские правители прибегали еще в XIV столетии: в декабре 1381 г. московский великий князь Дмитрий Иванович Донской подверг ему киевского митрополита Пимена. Он приказал арестовать неугодного главу Великорусской церкви, отобрать у него знаки епископского сана и только потом бросить в темницу. Однако осенью следующего 1382 г., когда непримиримый соперник Пимена, святитель Киприан, оставил свой кафедральный город и «отъехал» в Литву, Дмитрий Донской освободил того из заточения, возвратив «с честью и любовию» митрополичий престол вчерашнему ссыльному «чернецу»[19].

Два века спустя, в июне 1605 г., после захвата самозванным сыном Ивана Грозного царского трона, столь же суровая опала постигла верного сторонника династии Годуновых,

патриарха Иова. Накануне торжественного въезда Расстриги в столицу толпа его приверженцев, возглавляемая князьями В. В. Голицыным и В. М. Рубцом-Мосальским, выволокла Иова из кремлевского Успенского собора, силой сорвала с него архиерейские одежды, облачив в иноческое «черное платье». Мучители посадили избитого, обесчещенного первоиерарха на крестьянскую телегу и отправили «на обещание» в старицкий Успенский монастырь[20]. Впрочем, святитель Иов до последнего дня своей жизни продолжал формально считаться московским патриархом. Церковный собор, созванный по инициативе Лжедмитрия для избрания на опустевший патриарший престол вполне преданного новому государю рязанского архиепископа Игнатия, сохранил за Иовом высокое архипастырское достоинство, удалив его «на покой» по старческой дряхлости[21].

На статус опального иерарха, заключенного в монастырской тюрьме, проливает новый свет дело о запрещении архиепископа Нектария Грека в священнослужении. Около 1616 г. патриарший местоблюститель, крутицкий митрополит Иона Архангельский, получил донос протопопа вологодского Софийского собора Василия на своего владыку Нектария, который был посвящен в епископский сан еще на Христианском Востоке, где занимал кафедру древней Охридской архиепископии[22]. По не совсем понятной ныне причине Иона не стал проводить положенного в таких случаях расследования, осудив Нектария на лишение «святительства» и заточение рядовым черноризцем в Кирилло-Белозерскую обитель. Весьма показательно отношение к сосланному вологодскому архиерею кирилловских игуменов Флавиана и Савватия, управлявших монастырем во время его пребывания «под началом». Если первый разрешал Нектарию приступать к таинству Евхаристии в епитрахили, признавая тем самым у него благодать священства, то второй категорически противился этому, полагая, что тот находился в обители на положении обыкновенного калугера, а не архиепископа[23]. Патриарх Филарет оправдал святителя Нектария, как наказанного

«без сыску и неповинно», на соборе епископов в 1621 г., причем восстановление его в архипастырском достоинстве произошло *автоматически* сразу после заседания церковного суда [24].

Известная двусмысленность положения опального первосвятителя возникала из-за отсутствия в законодательстве древней Церкви сколько-нибудь подробного и вразумительного описания процедуры патриаршей детронизации. На практике это означало, что проведение процесса против любого из пяти православных патриархов без согласия или даже без непосредственного участия в судебном разбирательстве остальных его коллег неизбежно наталкивалось на серьезные трудности. Так, например, отцы московского Освященного собора 1660 г., более полугода обсуждавшие перспективы лишения Никона патриаршего сана, не смогли не только договориться о необходимости отобрать у него «святительство» в случае принятия соответствующего соборного постановления, но и выяснить, полномочно ли их собрание решать подобного рода проблему [25]. В такой ситуации становится понятным, почему в низложении патриархов Иова и Игнатия фактически не участвовал епископат Российской церкви. Правители государства, будь то Лжедмитрий I или Василий Шуйский, явно предпочитали расправляться с неугодными первоиерархами исключительно силами гражданской власти. Местным же архиереям они оставляли весьма сомнительную, с точки зрения церковного права, возможность утверждать их отставку post factum на соборах, созываемых для избрания нового предстоятеля Московского патриархата. При этом никого, по-видимому, не смущала канонически недопустимая заочная форма суда над опальными святителями, а между тем соборные определения о судьбе Иова и Игнатия принимались в отсутствие обоих ответчиков [26].

По распространенному в русском средневековье обычаю монаршая опала Игнатия Грека наложила запрет на упоминание его имени во всех официальных документах царствования

Шуйского[27]. Более того, деяния, совершенные вторым всероссийским патриархом по обязанности его священнического и епископского посвящения,— миропомазание Марины Мнишек, ее коронация и браковенчание с Самозванцем без предварительного перекрещивания — инкриминировались в них вообще светскому лицу, Григорию Отрепьеву. Так, в одной из самых ранних грамот царицы-иноки Марфы Нагой туринскому воеводе И. Н. Годунову о восшествии на престол нового государя Василия IV от 21 мая 1606 г. Расстрига всерьез обвинялся в незаконном помазании собственной невесты, «девки из Польши латинския веры», святым миром. Аналогичное обвинение ему было предъявлено и в составленном позднее «прощальном» акте церковно-земского Собора 1607 г., разрешавшем население Русской державы от греха клятвопреступления дому Годуновых[28]. Отсутствие имени Игнатия в грамоте, посланной в Туринский острог, ясно свидетельствует о том, что он подпал под царскую опалу сразу после вынужденного оставления первосвятительской кафедры 19 мая 1606 г.[29] Очевидно, самодержец считал себя вправе наказать высшего церковного иерарха как обыкновенного подданного, не дожидаясь его формального отрешения от патриаршей власти на Освященном соборе, созванном в столице в конце следующего месяца.

Этикетное запрещение упоминать имя опального московского первосвященника, строго соблюдаемое в приказной делопроизводственной практике, естественно, не имело никакого значения для авторов агитационных историко-публицистических сочинений, посвященных кратковременному царствованию фальшивого сына Грозного. Тональность и содержание характеристик ближайших сподвижников Лжедмитрия I в таких произведениях всецело подчинялись главной политической задаче, поставленной новой властью перед их создателями: тотальная критика правления Самозванца была призвана убедить читателей в спасительной необходимости воцарения князя В. И. Шуйского на троне Московии. Неудивительно поэтому, что составитель Краткой редакции

«Сказания и повести» о Гришке Отрепьеве изображал Игнатия Грека в крайне невыгодном для него свете, как «мужа глупа и пьяницу, и срамословца, и кощунника», повинного в браковенчании Расстриги с Мариной Мнишек без ее обязательного повторного крещения перед совершением таинства [30].

Заведомая надуманность официального предлога отстранения Игнатия от патриаршества — интронизация по сокращенному, греческому, чинопоследованию — поставила его преемников в ложное положение [31]. Первыми, кто попытался использовать канонически некорректное постановление июньского Собора 1607 г. в собственных политических целях, были польская оккупационная администрация и полностью зависимое от нее боярское правительство. В марте 1611 г., после ареста одного из самых авторитетных духовных вождей «русской» партии, святителя Гермогена, «седмочисленные» бояре возвратили Игнатию Греку патриаршество, освободив его из пятилетнего заточения в Чудовской обители [32]. В тот момент он представлялся приверженцам «нареченного» московского царя Владислава Вазы наиболее естественным, а в условиях военной блокады столицы «таборами» Первого ополчения — и единственным кандидатом на вакантный престол российских первоиерархов. Причем очевидная политическая лояльность недавнего тюремного «сидельца» здесь играла, несомненно, важную, но далеко не первенствующую роль: все другие возможные претенденты на высшую церковную кафедру, в отличие от него, не имели законного соборного поставления, необходимого для полноценной инвеституры.

Вступление Игнатия на патриарший престол при еще живом предшественнике, брошенном к тому же в узилище в сущем первосвятительском сане без санкции суда епископов, являлось грубейшим нарушением законодательства Православной Церкви. 16 канон Двукратного Константинопольского собора категорически воспрещал хиротонисать архиереев в те епархии, священноначальники которых находились в здравии и сохраняли при этом за собой епископское

достоинство[33]. Подавляющее большинство русских иерархов и мирян никогда не признавали легитимность второго патриаршества Игнатия Грека. Столь единодушную негативную реакцию церковного народа на его возвращение к власти, по-видимому, следует объяснить не столько осознанием «канонической фальшивости» самого деяния, сколько отсутствием у первосвятителя-чужестранца широкой популярности и поддержки[34]. Ведь низложение Гермогена едва ли не полностью повторяло «сценарий» насильственного свержения Игнатия с московской кафедры пятью годами ранее, отчего весной 1611 г. им, в известном смысле, пришлось только поменяться местами. Тот факт, что мартовская опала Гермогена не была позже подтверждена определением очередного освященного собора, по-видимому, объясняется понятными затруднениями с созывом последнего в осажденном Кремле.

В конце того же года Игнатий Грек забрал из патриаршей домовой казны «многие драгоценнейшие предметы, золото, серебро и весьма много жемчуга» и покинул русскую столицу, присоединившись к весьма многочисленному, хорошо вооруженному отряду великого гетмана Литовского Я.-К. Ходкевича. Российского первосвященника сопровождали стольник М. А. Кантакузин и некий «Димитрий, македонец из Сидерокавсии», к которым еще в Москве пристали печатник И. Т. Грамотин, дьяк Е. Титов и иные тамошние жители, спасавшиеся от неминуемой голодной смерти в блокированном городе[35].

По словам Арсения Елассонского, отъезд Игнатия и его спутников из Кремля состоялся 27 декабря 1611 г., вместе с жолнерами Ходкевича, которые перед этим доставили в столицу обоз с продовольствием для польского гарнизона. Однако сообщению владыки Арсения прямо противоречит свидетельство челобитной московских бояр и членов Освященного собора, отправленной королю Сигизмунду III 5 октября. В ней старшим по сану церковным иерархом, находившимся в ту пору в городе, был назван он сам, а не правящий патриарх:

«Наияснейшему великому государю Жигимонту Третьему... ваши господарские богомольцы: Арсений, хиепископ Архангельской <Елассонский.— *А. Б.*>, и архимариты <архимандриты.— *А. Б.*>, и игумены, и весь Освященный собор; и ваши государские верные подданные: бояре и окольничие, и дворяне, дьяки думные — Федор Мстиславской с товарыщи,— дворяне ж, и дети боярские из городов, и гости, и всех чинов люди.., *которые ныне на Москве*, челом бьют»[36]. Видный историк церкви, митрополит Макарий (Булгаков), справедливо рассматривал этот текст как доказательство явного отсутствия Игнатия Грека в столице уже в начале октября месяца (по юлианскому летосчислению)[37]. Русский первосвятитель вполне свободно мог оставить Москву с жолнерами Я.-К. Ходкевича в конце сентября — начале октября 1611 г., когда великий гетман увел оттуда весь свой отряд на зимовку. Между тем приблизительно две тысячи жолнеров великого гетмана действительно прибыли в Кремль в декабре 1611 г.: около 14 декабря они с большими потерями пробились в осажденный город, конвоируя транспорт с провиантом, собранным по распоряжению Ходкевича в окрестностях Дмитрова. В Москве к людям литовского военачальника присоединилась часть польского гарнизона, взбунтовавшаяся против своих командиров из-за невыплаты жалованья. В конце декабря конфедераты, покинув русскую столицу, направились на зимние квартиры в Дмитровском уезде, куда прибыли 8 января 1612 г.[38]

Весьма вероятно, что архиепископ Арсений, завершивший свои мемуары о Смуте лишь в 1619 г., допустил мнемоническую ошибку, обычную при ретроспективном описании событий. Отчего в его воспоминаниях поездка патриарха Игнатия в Литву оказалась приурочена к уходу из Кремля мятежных конфедератов в декабре 1611 г., а не к осеннему выступлению из столицы войска под водительством самого Ходкевича. Отсутствие же имени первосвятителя в челобитье московских «осадных сидельцев» Сигизмунду от 5 октября 1611 г. порождает серьезные сомнения в достоверности

даты отъезда Игнатия в Речь Посполитую, предложенной Арсением Елассонским. В связи с этим кажутся не совсем оправданными попытки отдельных современных исследователей, основываясь исключительно на показаниях наблюдательного грека, перенести время выезда злосчастного преемника Иова из России с осени 1611 на зиму 1612 г.[39]

Патриарх Игнатий и его немногочисленная свита, скорее всего, расстались с «ратными людьми» великого гетмана, как только они миновали «таборы» Подмосковного ополчения. Первосвятитель спешил к западной границе Русской державы, а Я.-К. Ходкевич, напротив, не собирался покидать ее пределы, дожидаясь подходящего случая одним своим отрядом освободить польский гарнизон, запертый в столице. Осенью его жолнеры двигались в поисках удобной зимовки на северо-запад от Москвы, пока 4 ноября (по григорианскому календарю) не заняли село Рогачево в двадцати четырех верстах от Дмитрова[40]. Попытка Игнатия Грека самостоятельно, без какой-либо охраны, достичь литовских рубежей окончилась трагически: на первосвященника напали «станичники»-«шиши», разграбили все имущество, убив при этом некоторых из его попутчиков.

Архиепископ Арсений Елассонский находился в полной уверенности, что патриарх отправился к Сигизмунду в Речь Посполитую, выполняя некую специальную миссию[41]. Однако Игнатий вряд ли бы путешествовал без надежной вооруженной охраны по стране, охваченной гражданской войной, будь он при исполнении официального дипломатического поручения, сопряженного к тому же с доставкой польскому королю многочисленных драгоценных подарков. На приватный характер поездки русского первоиерарха указывает, в частности, весьма необычный выбор приближенных, составивших его свиту. С собой он взял лишь двоих соотечественников-греков, один из которых принадлежал к Государеву, то есть царскому, двору, а социальный статус второго невозможно установить даже приблизительно. Между тем перед любым дальним путешествием московский патриарх

обязательно включал в число своих спутников лиц «духовного чина», что предполагало непременное присутствие среди них клириков его домашнего «крестового» храма [42]. Очевидно, похитив значительные ценности из патриаршей домовой казны, Игнатий попросту бежал из России, где ему пришлось испытать и тяготы тюремного заключения, и голод в осажденной столице.

Ныне можно только догадываться, насколько постоянное пребывание в Речи Посполитой соответствовало изначальным намерениям Игнатия Грека. Думается, решение поселиться в Великом княжестве Литовском православный архипастырь принял не совсем добровольно после аудиенции у Сигизмунда III в королевской ставке под Смоленском, куда его привели польские жолнеры, случайно задержав «едва нагого и лишенного всего» в окрестностях города. Именно там Игнатий узнал, что ему не будет разрешено проехать по территории Речи Посполитой не только во враждебную Оттоманскую Порту, но и в другие европейские христианские государства. Сигизмунд предложил русскому первосвятителю на выбор: либо немедленно вернуться в разоренное Московское царство, либо на неопределенный срок остаться в Литве на положении политического эмигранта [43]. Монарший ультиматум, в сущности, не предоставлял Игнатию Греку никакой реальной альтернативы: возвращение в Россию обернулось бы для него неминуемой личной катастрофой, в результате которой он мог вновь стать узником монастырской тюрьмы и даже лишиться самой жизни.

Однако возникает закономерный вопрос: был ли переход Игнатия в униатство одним из условий получения убежища в Польско-Литовской державе или же актом банального религиозного предательства, лишь подтверждающим обвинения историков Русской церкви в «давнем тайном сговоре» между ним и католиками? Совершенно очевидно, что агрессивная прозелитическая политика короля Сигизмунда Вазы, направленная, в частности, на всеобщее окатоличивание восточных христиан Украины и Белоруссии, не имела

ни малейшего шанса на успех после восстановления церковной организации Киевской православной митрополии, разрушенной Брестским конкордатом с Римом 1596 г.[44] В этой ситуации конфессиональная принадлежность второго московского патриарха, теоретически способного провести такую реставрацию и к тому же принужденного остаться в Речи Посполитой на продолжительное время, несомненно приобретала весьма актуальное значение. Требование к Игнатию Греку присоединиться к унии, скорее всего, выдвинул сам Сигизмунд III на первой их встрече под Смоленском, а будущий греко-католический митрополит Иосиф Вельямин Рутский был лишь «техническим» исполнителем августейшей воли[45].

Настоятельно увещевая российского первосвятителя перейти в униатство, и католический монарх, и униат Иосиф Рутский в полной мере учитывали правовые последствия соглашения, заключенного между священноначалием Киевской митрополии и Римским престолом в 1596 г. Как известно, после вступления его в силу Православная Церковь в Польско-Литовском государстве прекратила свое существование в качестве легального общественного института и формально самоупразднилась. Иными словами, с 1596 г. единственной официально признанной церковной организацией, представлявшей интересы приверженцев «вяры грецкой» в Речи Посполитой, стала униатская митрополия с центром в Новогрудке[46]. 15 декабря того года король Сигизмунд специальным универсалом утвердил постановление Брестского «синода» греко-католического духовенства о низвержении из епископского достоинства Михаила Копыстенского и Гедеона Балабана — последних западнорусских архиереев, сохранивших верность строгой ортодоксии и вселенскому патриарху[47]. А спустя чуть больше трех лет, 16 марта 1600 г., другим своим законодательным актом он «навечно» закрепил за униатскими иерархами права и привилегии, ранее дарованные его предшественниками православному епископату[48]. Таким образом, ко времени бегства Игнатия из Московии восточные христиане представлялись

польскому монарху весьма опасными религиозными мятежниками, которых, после формальной ликвидации их Церкви, следовало считать участниками незаконного «самочинного сборища» [49], всеми доступными средствами препятствовавшими победе унии в Литве.

Широко не афишируемое, но при этом публичное отречение Игнатия Грека от православия превратило его в вынужденного союзника или даже сотрудника Сигизмунда III и его старшего сына Владислава. Отныне имя и высокий духовный сан новообращенного эмигранта из России открывали им широкие перспективы для проведения активной «восточной» внешней политики. Не случайно король официально признал Игнатия не просто русским первосвятителем на покое, сохранявшим возможность в будущем снова претендовать на патриаршую кафедру, а вполне легитимным главой Российской церкви в изгнании, не нуждавшимся по возвращении на родину ни в новом соборном избрании, ни в повторном поставлении. Уже в 1615 г. в универсале о пожаловании Игнатию Греку магнатерии — дворца Папинского с приселками и всеми угодьями — Сигизмунд называл его «патриархом Московским на сесь час в Вильне будучим», где «успокоенья нашого с Москвою дожидается» [50]. Только в таком качестве Игнатий имел канонические полномочия удовлетворить притязания польской отрасли династии Ваза на царский скипетр Русской державы без каких-либо процедурных проволочек и, тем более, предварительных условий. Общеизвестно, что в 1610—1611 гг. честолюбивым планам короля Сигизмунда III воцариться самому или посадить на трон Московии своего малолетнего сына помешало явное сопротивление правящего патриарха Гермогена. Неуступчивый архипастырь соглашался подписать утвержденную грамоту о венчании королевича Владислава короной российских самодержцев — шапкой Мономаха — лишь после выполнения польской стороной крайне жестких и заведомо неприемлемых для нее требований. Он категорически настаивал на непременном присоединении старшего сына

Сигизмунда к православию через перекрещивание с одновременным началом эвакуации из страны всех оккупационных войск Речи Посполитой[51]. Связанный обязательствами перед королевской семьей и греко-католиками, Игнатий не посмел бы в сходных обстоятельствах предъявлять повзрослевшему Владиславу подобный ультиматум.

Неудивительно поэтому, что всякий раз, когда польские Вазы собирались в поход на соседнее государство, они везли в обозе Игнатия Грека, поневоле готового вступить в свое третье патриаршество на Москве. Именно так в ноябре 1612 г. (по григорианскому календарю) поступил Сигизмунд III, отправляясь в военную экспедицию по деблокаде остатков польско-литовского гарнизона, осажденного в русской столице силами двух земских ополчений[52]. Четырьмя годами позже аналогичным образом предполагал действовать и королевич Владислав, вознамерившийся силой отвоевать для себя царский венец Московии у Михаила Федоровича Романова. В универсале от 15 декабря 1616 г., изданном по случаю собственного совершеннолетия, он прямо объявил о безоговорочной поддержке своих амбициозных намерений «Игнатеем патреярхом», который вместе с пленным смоленским архиепископом Сергием изъявлял согласие непосредственно участвовать в планируемом походе в Россию[53].

Слухи о провозглашении в Речи Посполитой беглого первоиерарха законным главой Русской церкви, по-видимому, весьма скоро распространились среди населения Московского царства. Так, автор начальных статей Бельского летописца (по 1632/33 г.), чья осведомленность о внутриполитической и религиозной жизни Польско-Литовского государства ныне не вызывает сомнений, особо подчеркивал, что «той патриарх Игнатей утече в Литву и там патреархию держа». При этом он ни словом не обмолвился о его измене православию и переходе в униатство[54].

В самой Российской державе, как уже отмечалось выше, ни местное черное и белое духовенство, ни церковный народ не считали Игнатия Грека легитимным преемником арестован-

ного святителя Гермогена, отчего вряд ли признавали за ним статус действующего русского патриарха в изгнании[55]. Между тем очевидная каноническая некорректность детронизации Игнатия в 1606 г., безусловно, оставляла ему формальную возможность оспорить право на архипастырский престол у потенциальных соперников, например, в случае победы «нареченного» московским самодержцем королевича Владислава. Более того, трудно говорить о сколько-нибудь выраженном неприязненном отношении к личности Игнатия даже российских епископов вплоть до возвращения из польского плена ростовского митрополита Филарета Никитича 14 июня 1619 г. Его имя, наравне с другими первоиерархами, поминал патриарший местоблюститель, крутицкий митрополит Иона Архангельский, в настольной грамоте рязанскому архиепископу Иосифу от 10 января того же 1619 г.: «в преименитом и царьствующем граде Москве великие господа наши и отцы, преосвященные митрополиты всеа Русии, святейший Иев патриарх, и Игнатей патриарх, и святейший Ермоген патриарх, Московские и всеа Русии, поставляли в Московское государьство митрополитов, и архиепископов, и епископов, яко то изначала Божественная Соборная Апостольская Церковь предала»[56]. Почему же, несмотря на общий благожелательный тон этого текста, подтверждавший полномочия сарского и подонского владыки ссылкой на авторитет первых трех русских патриархов, в титуле Игнатия Грека оказалось опущенным традиционное определение «святейший»?[57] Думается, столь примечательная особенность титулования отразила общераспространенный взгляд современников на истинный статус опального архипастыря после его отстранения от власти на Церковном соборе 1606 г. Весьма показательно, что титул Игнатия в таком необычном, «усеченном», виде встречается также в некоторых разрядных записях за Смутное время[58].

История вступления на патриарший престол ростовского митрополита Филарета, самого беспощадного и последовательного гонителя Игнатия после бегства того из России,

была едва ли не по дням и часам описана отечественными исследователями еще в XIX столетии[59]. Чрезвычайно важная роль в этой торжественной церемонии, как известно, отводилась гостю русского правительства, иерусалимскому патриарху Феофану IV, на чью долю выпало не только руководить заседанием избирательного собора, но и непосредственно совершить первосвященническую интронизацию Филарета Никитича 24 июня 1619 г. Отказ патриаршего местоблюстителя от председательства на архиерейском «синоде», где произошло официальное утверждение кандидатуры нового главы Русской церкви, с одной стороны, и от роли главного распорядителя на его хиротонии — с другой, в пользу владыки с Востока, случайно оказавшегося в ту пору в Москве, было не только законным, но и, строго говоря, обязательным актом. Неизбежность развития событий именно по такому «сценарию» предопределялась сразу несколькими обстоятельствами: во-первых, безусловным иерархическим старшинством патриарха Феофана по сравнению с Ионой Крутицким, занимавшим всего лишь митрополичью кафедру, а во-вторых, первенствующим положением иерусалимского престола по отношению к московскому, засвидетельствованным в обновленной «пентархии» православных вселенских церквей еще в 1589 г.[60]

Патриаршее достоинство Феофана позволило ему номинально возглавить местных епископов на выборах Филарета Никитича, однако, несмотря на очевидный авторитет древней палестинской кафедры, он не имел никакой, даже теоретической, возможности провести избирательную кампанию без их согласия и активного участия. В противном случае святитель Феофан превратился бы в формального нарушителя 8 правила III Ефесского Вселенского собора, возбранявшего всякому священноначальнику простирать свою власть на Церковь, не находившуюся прежде под юрисдикцией его предшественников[61].

Поставление Филарета на патриаршество одними только русскими архипастырями являлось, без сомнения, канонически

полноценным деянием, для совершения которого не требовалось привлечение кого-то из вселенских первоиерархов[62]. Сознательная же задержка царем Феофана Иерусалимского в столице государства с явным намерением доверить ему патриаршую интронизацию собственного отца никак не могла быть вызвана юридической необходимостью и преследовала совсем иные цели[63].

В последние годы Л. Е. Морозова предложила гипотезу, объясняющую, на ее взгляд, причину рукоположения Филарета Никитича не местными епископами, а одним из «восточных» патриархов. По мнению исследовательницы, оттеснение митрополита Ионы на первосвятительской хиротонии государева родителя на второе место произошло из-за нежелания местных епископов видеть того во главе Московской патриархии[64]. В качестве главного и едва ли не единственного доказательства справедливости такого предположения Л. Е. Морозова использовала факт отсутствия на интронизации Филарета целого ряда архиереев и настоятелей монастырей. Так, она отметила неучастие в этой торжественной церемонии новгородского и ростовского митрополитов, тверского и нижегородского архиепископов, псковского епископа, а также владык ржевского, великоустюжского, белоозерского, брянского и дмитровского.

Попытаемся выяснить степень исторической достоверности подобной аргументации. К 24 июня 1619 г. митрополичьи престолы Великого Новгорода и Ростова пустовали из-за смерти тамошних предстоятелей, Исидора и Кирилла Завидова: первый из них скончался 10 марта того же 1619 г., а второй — еще в 1616 г.[65] Тверская архиепископия также была вакантной с 1616 г., когда Арсений Елассонский, переведенный туда из кремлевского Архангельского собора в 1613 г., покинул ее, заняв кафедру Суздальской и Тарусской епархии. Рукоположение же во архиепископа Тверского и Кашинского Пафнутия, непосредственного преемника владыки Арсения, состоялось лишь 17 февраля 1620 г.[66] Наконец, в 1619 г. вообще не существовали в качестве отдельных церковно-админист-

ративных образований ни нижегородское архиепископство, ни, тем более, ржевская, великоустюжская, белоозерская и дмитровская епископии. До 1672 г. Нижний Новгород входил в патриаршую область, причем при открытии епархии там учреждается не архиепископский, а митрополичий престол[67]. В первой половине XVII в. Ржева Володимирова и Дмитров находились в юрисдикции московского патриарха[68], а ростовские и ярославские митрополиты, в свою очередь, управляли Великим Устюгом и Белоозером[69]. На рубеже XVI—XVII столетий Брянск территориально относился к Смоленской архиепископии, которая по взятии польско-литовскими войсками главного города епархии, в 1611 г., формально прекратила свое существование. После аннексии Сигизмундом III Смоленска брянские земли были включены в патриарший диоцез, при этом самостоятельная церковная кафедра появилась в самом Брянске только в 1921 г.[70] Таким образом, вряд ли можно говорить об организованном сопротивлении избранию митрополита Филарета Никитича новым всероссийским первоиерархом со стороны его коллег-архиереев. В действительности на его поставлении в патриархи отсутствовали лишь двое священноначальников — архиепископы Онуфрий Астраханский (†23 июля 1628 г.) и Иоаким Псковский (†24 апреля 1623 г.)[71]. Судя по тому что каждый из них пребывал в сущем сане на своих кафедрах до последнего дня жизни, «великие государи» отнюдь не рассматривали их неучастие в торжествах 24 июня 1619 г. как проявление личной нелояльности.

Столь же спорными кажутся рассуждения Л. Е. Морозовой о неприятии кандидатуры Филарета насельниками крупнейших монастырей. Общеизвестно, что на патриаршей хиротонии настоятели иноческих обителей имели лишь возможность сослужить епископам, не играя при этом никакой канонически значимой роли. Поэтому отсутствие на интронизации кого-либо из отечественных архимандритов или игуменов вряд ли можно рассматривать как некое «знаковое» событие. Исключением из этого правила, пожалуй,

явилось бы неучастие в ней архимандрита Троице-Сергиевского монастыря, который с 1561 г. первенствовал в иерархическом списке настоятелей русских монашеских обителей. Однако 24 июня 1619 г. Дионисий Зобниновский, что игуменствовал на Маковце с 1611 г., еще находился под формальным церковным запрещением, наложенным по приговору суда, отчего его присутствие на официальной церемонии интронизации выглядело бы не совсем уместным[72]. При этом на поставлении Филарета Никитича присутствовали архимандриты владимирского Рождественского, московских Чудова, Новоспасского и Симонова, а также костромского Ипатьева, нижегородского Вознесенского и Псково-Печерского монастырей, занимавшие среди настоятелей сорока шести русских обителей, упомянутых в «Лествице властем» патриарха Иоасафа I (составлена между 1635—1637 гг.), соответственно вторую, третью, четвертую, шестую, десятую, одиннадцатую и двадцать четвертую ступени. Кроме того, на первосвятительской хиротонии 24 июня 1619 г. им сослужили игумены столичного Богоявленского, «что за Ветошным Рядом», и вологодского Спасо-Прилуцкого монастырей, которым в Иоасафовой «Лествице властем» отводились восемнадцатая и тридцать пятая ступени[73]. Вопреки убеждению Л. Е. Морозовой, в начале XVII в. ни архимандрит Кирилло-Белозерской, ни игумены Пафнутьево-Боровской, Иосифо-Волоколамской, Соловецкой и Саввино-Сторожевской обителей, отсутствовавшие на этой торжественной церемонии, не могли претендовать на сколько-нибудь иерархически видное положение среди настоятелей других отечественных монастырей. Даже во второй половине 1630-х гг. они занимали в «Лествице властем» всего лишь тринадцатую, двадцатую, двадцать первую, двадцать пятую и тридцать девятую ступени[74]. Вполне вероятно, они просто не получили приглашения приехать на рукоположение нового главы российского патриархата в столицу, где собрались только члены избирательного «синода». Подводя итог сказанному выше, необходимо признать полную научную несостоятель-

ность гипотезы о существовании некоей внутрицерковной оппозиции избранию Филарета Никитича на патриаршество в июне 1619 г.

Возведение на первосвятительский престол Филарета не местными епископами, а самим предстоятелем Иерусалимской церкви, по-видимому, могло быть вызвано исключительной заботой «великих государей» о правомочности этой процедуры, совершаемой еще при жизни его предместника, вот уже почти восемь лет скрывавшегося в Литве. Более того, и церковный народ, и, возможно, сам новопоставленный архипастырь воспринимали непосредственное участие в ней святителя Феофана в качестве официального признания законности его инвеституры всем Православным Востоком — обстоятельство, заметно укреплявшее позиции Филарета Никитича в заочном противостоянии с Игнатием Греком. Между тем явная случайность приезда Феофана в Россию по такому прозаическому делу, как сбор милостыни, мало соответствовала уготованной ему высокой роли гаранта легитимности вступления отца московского самодержца на первосвященническую кафедру. Неудивительно поэтому стремление отдельных русских книжников представить палестинского иерарха полномочным посланцем четырех «восточных» патриархов, специально прибывшим в Московию для хиротонии нового законного главы Российской церкви[75].

Ставленая грамота, полученная Филаретом 5 июля 1619 г., погибла в огне чудовищного пожара, уничтожившего русскую столицу в мае 1626 г. Это был *совместный* акт, подписанный не только иерусалимским патриархом, но и местными архиереями, которым по церковному законодательству как раз и надлежало избирать и рукополагать московского первосвятителя. На эту особенность документа ясно указали епископы, собравшиеся в разрушенном после майской катастрофы городе: «та настольная <грамота.— *А. Б.*> за патриарховою Феофановою рукою и з а п е ч а т ь ю и з а н а ш и м и р у к а м и и з а п е ч а т ь м и <разрядка наша.— *А. Б.*> в то время сгорела в кельи на

Патриарше Дворе». Взамен утраченной они написали новую ставленую грамоту, подтверждавшую согласие русских иерархов — членов избирательного «синода» — на интронизацию Филарета Никитича, скрепив ее лишь собственными подписями и печатями[76]. В 1629 г. четвертый российский патриарх получил аналогичный по содержанию акт и от Феофана Иерусалимского[77]. Иными словами, столь необычным способом Филарет попытался полностью восстановить сгоревшую настольную грамоту 1619 г. — главное юридическое доказательство легитимности своего возведения на высшую церковную кафедру страны.

Такую трепетную заботу первосвятителя о сохранении документальных свидетельств законности собственной хиротонии спустя семь лет после ее совершения вполне логично объяснить наличием у него серьезных опасений за незыблемость своей власти. Однако во второй половине 20-х гг. XVII в. правомочность его инвеституры не подвергалась сомнению ни царственным сыном Михаилом Федоровичем, ни, тем более, священноначалием Русской церкви. Единственная реальная угроза правлению Филарета Никитича (и всей династии Романовых в целом) могла исходить от эмигрировавшего в Речь Посполитую Игнатия, чьи судьба и планы по-прежнему оставались неведомы московским «великим государям», при том что на скипетр Российской державы продолжал претендовать польский королевич Владислав Ваза. В этой ситуации пребывание в Литве опального, но так по-настоящему и не осужденного предшественника Филарета становилось весьма естественным поводом для беспокойства Кремля. Причем даже крайне суровый приговор Игнатию Греку, вынесенный заочным церковным судом на Соборе 1620 г., не избавил Филарета Никитича от тревоги из-за возможного покушения на его патриаршество далекого соперника[78].

Формально Освященный собор, созванный 16 октября 1620 г., должен был рассмотреть дело Ионы, митрополита Сарского и Подонского, который в бытность свою место-

блюстителем патриаршего престола повелел присоединить двух западных христиан — «ляхов» к православию через миропомазание, а не через перекрещивание[79]. В действительности же в течение двух месяцев его участники дважды собирались для обсуждения важнейших духовных проблем: о границах Церкви и способах приема новообращенных из инославия и об условиях евхаристического общения с единоверцами из Украины и Белоруссии, где в сентябре 1620 — феврале 1621 г. иерусалимский патриарх Феофан, рукоположив новых епархиальных архиереев, восстановил Киевскую православную митрополию[80]. Кроме того, на первой сессии им пришлось специально заниматься разбирательством деятельности Игнатия в сане патриарха, по результатам которого тот был соборно осужден и извержен из первосвятительского достоинства[81].

Расследование реальных и мнимых проступков Игнатия Грека на соборном заседании 16 октября 1620 г. представляло собой, по сути, завуалированный церковный суд над опальным архипастырем. Обвинив его в сознательном совершении в искаженном виде трех церковных таинств: присоединении Марины Мнишек к православию через одно только помазание святым миром, браковенчании «некрещеной» иноземки с Расстригой и, наконец, в том, что он преподал недостойным молодоженам «Пречистое Тело Христово ясти и Святую и Честную Кровь Христову пити», отцы Собора постановили лишить Игнатия патриаршего сана и предать публичному проклятию[82]. Между тем заявление Филарета о вторичности октябрьского приговора, якобы только подтвердившего определение избирательного «синода» 1606 г., где злосчастного иерарха «за таковую вину священноначалницы великия святыя Церкви Российския… от престола и от святительства по правилам святым изринуша», явно противоречит показаниям актовых и других письменных источников 1610—1650-х гг.[83] По-видимому, патриарх Филарет не мог не осознавать каноническую неправомочность соборного вердикта об осуждении Игнатия Грека, принятого на

основании весьма спорных аргументов при очевидной профанации процедуры церковного судопроизводства. Именно поэтому он был вынужден прибегнуть к банальной юридической уловке, дабы скрыть *первичный* характер запоздалого судебного слушания, заочная форма которого по определению внушала серьезные сомнения в его законности. Однако, несмотря на правовую уязвимость грозных «прещений» участников Освященного собора 1620 г. по адресу Игнатия, современники, и прежде всего сам Филарет Никитич, организовавший подобие епископского суда над своим предшественником, придавали им чрезвычайно важное значение. Не случайно в наиболее полной пространной редакции соборных деяний, помещенной в рукописном «Чиновнике» XVII в. из библиотеки Троице-Сергиева монастыря, текст с обличением московского первосвятителя — сотрудника Самозванца оказался снабжен специальным киноварным подзаголовком: «О извержении Игнатия патриарха»[84]. Воспоминание о преемнике Иова на первой сессии Собора 1620 г. должно было выглядеть вполне естественной ссылкой на исторический прецедент, позволявшей вынести решение по существу дела крутицкого митрополита Ионы. Между тем складывается впечатление, что именно соборное осуждение Ионы послужило подходящим юридическим обоснованием для судебного преследования скрывавшегося в Речи Посполитой второго русского патриарха. Иначе говоря, истинной целью заседания 16 октября 1620 г. явилось низложение Игнатия из первосвященнического достоинства по предъявлении ему обвинений *в совершении догматических преступлений*, а не сомнительных рассуждений по поводу ущербности его интронизации по греческому чину. Разбирательство же провинности митрополита Ионы Архангельского лишь камуфлировало заочный характер процесса, устроенного над Игнатием, одновременно создавая столь необходимый для успешного окончания последнего юридический прецедент.

Неразборчивость в средствах обвинителей Игнатия, полагавших для себя вполне допустимым инкриминировать ему

даже те проступки, которых он не совершал, придало судебному приговору 1620 г. не свойственный правовому документу публицистический оттенок[85]. Трудно представить, чтобы Филарет вместе с другим очевидцем одиннадцатимесячного правления второго всероссийского патриарха, Арсением Елассонским, не ведали о скандальном отказе Лжедмитрия I и Марины Мнишек от таинства Причастия после завершения церемонии браковенчания 8 мая 1605 г. По свидетельству присутствовавшего на Соборе 1620 г. суздальского архиепископа Арсения Грека, это происшествие получило тогда весьма широкую огласку: оно «сильно опечалило всех, не только патриарха <Игнатия.— *А. Б.*> и архиереев <разрядка наша.— *А. Б.*>, но и всех видевших и слышавших»[86]. Предстоятель Русской церкви, безусловно, собирался преподать Святые Дары августейшей чете, однако ему этого делать не пришлось. Точно так же Игнатий не возражал против брачного союза Самозванца и «девки из Польши», но венчал жениха и невесту не он, а царский духовник, благовещенский протопоп Федор Терентьев. Привлечение для официального соборного приговора Игнатию Греку собрания «ходячих убеждений» уличной толпы вместо достоверных, юридически бесспорных фактов нельзя объяснить отсутствием обвинительного материала. Участие в заседании Собора 16 октября таких «самовидцев», как патриарх Филарет и владыка Арсений, позволяло организовать полноценный судебный процесс, вменив опальному архипастырю в вину, например, церковную татьбу[87].

Отмена отцами Большого Московского «синода» 1666—1667 гг. целого ряда постановлений, принятых осенью 1620 г., отнюдь не привела ни к полной кассации, ни к смягчению соборного вердикта, вынесенного Игнатию: его осуждение и извержение из патриаршего сана остались в силе и впредь. Негативное отношение к памяти «злокозненного собеседника» Гришки Отрепьева, распространившееся в российском обществе после Собора 1620 г., отразили «лицевые» изображения русских первоиерархов, созданные для «Боль-

шой государевой книги, или Корня российских государей» 1672 г. Более известный как «Царский Титулярник», этот памятник, предназначавшийся исключительно для использования в монаршем и посольском обиходе, отразил сугубо официальный взгляд на личности верховных светских и духовных правителей Московии (до царя Алексея Михайловича и патриарха Питирима включительно)[88]. Его составители поместили среди прочих и портреты двух низложенных к тому времени первосвященников — Игнатия (ил. 1) и Никона (ил. 3), которые были изображены на них в полном архипастырском облачении, однако без обязательных в средневековой иконографии нимбов вокруг головы, символизирующих высоту патриаршего служения[89]. «Персону» последнего сопровождала легенда: «Преждебывший патриарх Никон», дополненная пространным пояснением по нижнему свободному краю листа: «В прошлом во 175-м году святейшими патриархи Дионисием Констянтинопольским, и Паисием Александрийским, и Макарием Антиохийским, и Нектарием Иерусалимским, и преосвященными митрополиты, и архиепископы, и епископы и всем Освященным собором извержен». Надпись на портрете другого опального патриарха лишь лаконически сообщала его имя: «Игнатей»[90]. Очевидно, авторы Титулярника 1672 г. ограничились столь краткой легендой для представления предшественника Филарета Никитича по нескольким причинам. Они вполне могли опустить титул Игнатия Грека под впечатлением ежегодного его анафематствования в Первую Неделю Великого поста, воспоследовавшего вслед за соборным приговором октября 1620 г., а от каких-либо разъяснений по поводу обстоятельств потери Игнатием патриаршества их удерживала явная политическая неактуальность подобных комментариев.

Со смертью патриарха Филарета 1 октября 1633 г. отношение правящей элиты Московского царства к попыткам заключения нового конкордата между восточными христианами и грекокатоликами Литвы изменилось кардинальным образом. Несмотря на появление в 1636—1638 и 1643—1646 гг.

очередных проектов учреждения особого униатско-православного патриархата в Речи Посполитой, российские власти отныне воздерживались от повторения политики запрета свободного распространения памятников единоверной кириллической книжности, ввозимых на территорию страны из Великого княжества Литовского. Возврата к ней не последовало даже после того, как весной 1638 г. до царя Михаила Федоровича и патриарха Иоасафа I дошли слухи об уклонении в греко-католичество самого киевского митрополита Петра Могилы, распускаемые среди насельников северских монастырей его свергнутым предшественником Исаией Копинским[91]. Напротив, украинско-белорусские печатные и рукописные книги последней трети XVI — первой четверти XVII столетия, о чем уже говорилось выше, начали активно использоваться столичными типографами в качестве протографов изданий, выпущенных по благословению святителя Иоасафа, в том числе и для идеологической дискредитации намечавшегося русско-датского династического союза[92]. Проблема образования на землях Польско-Литовской державы автономной патриархии под эгидой Рима, призванной объединить всех украинцев и белорусов — приверженцев «вяры грецкей» вне зависимости от их конфессиональной принадлежности, по-видимому, всерьез беспокоила лишь Филарета Никитича: для патриархов Иоасафа I и Иосифа ее просто не существовало. Точно так же Филарет был последним из московских первосвященников, кто питал неподдельный живой интерес к личности и судьбе Игнатия Грека, скончавшегося в вынужденной эмиграции то ли около 1620-го, то ли около 1640 г.

Примечания

[1] Подробнее о пребывании патриарха Игнатия Грека в Польско-Литовской державе см.: *Ульяновский В. И.* Патриарх Игнатий в Греции, России и Речи Посполитой // Славяне и их соседи: Католицизм и православие в Средние века: Сб. тезисов. М., 1991. С. 57. Пространное изложение

содержания настоящих тезисов В. И. Ульяновский предложил в работах «Патриарх Игнатий: страницы биографии» (*Ульяновский В. И.* Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории и источниковедения. Ч. 1. Киев, 1993. С. 328—368) и «Московський патріарх Ігнатій у лоні уніатскоі церкви» (Analecta Ordinis S. Basilii Magni. Romae, 1996. Vol. 15, fasc. 1—4).

[2] См.: *Жуковський А.* Петро Могила й питання єдности церков... С. 121. Ср.: *Ульяновский В. И.* Патриарх Игнатий в Греции, России и Речи Посполитой... С. 58.

[3] Обвинение в униатстве могло стать весьма сильным аргументом в пользу осуждения Игнатия на Освященном соборе 1620 г. Однако на заседании, где российские архиереи заочно разбирали его действительные и мнимые проступки, оно так и не было предъявлено (подробнее см. ниже).

[4] Ныне в историографии существуют две взаимоисключающие даты смерти патриарха Игнатия Грека в Литве: по одной версии он умер около 1619—1620 гг., а по другой — лишь около 1640 г. (*Ульяновский В. И.* Патриарх Игнатий в Греции, России и Речи Посполитой... С. 57. Ср.: *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской церкви... Кн. 6. С. 105).

[5] См.: *Арсений Елассонский.* Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 184. Ср.: *Ульяновский В. И.* Патриарх Игнатий в Греции, России и Речи Посполитой... С. 56.

[6] Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени / Изд. С. Ф. Платонов, П. Г. Васенко // РИБ. 2-е изд., доп. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 1296. Ср.: Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 86, 88.

[7] Ср., например: *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви... Т. 2. С. 56. Столь любопытная особенность интронизации преемника патриарха Иова, к сожалению, осталась неизвестной Я. Г. Солодкину, недоумевающему по поводу возможности его поставления «без священных рукоположений». Впрочем, современный украинский исследователь В. И. Ульяновский полагает, что первосвятительская хиротония Игнатия Грека происходила по местному русскому чину 1589 г. (*Солодкин Я. Г.* История позднего русского летописания. М., 1997. С. 44. Ср.: *Ульяновский В. И.* Патриарх Игнатий в Греции, России и Речи Посполитой... С. 55).

[8] РГБ. Троицкое собр. № 741. Л. 49. Ср.: *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви... Т. 2. С. 63.

[9] См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 23. М., 1996. С. 55, 208.

[10] О датировке Краткой редакции этого произведения см.: *Кулакова И. П.* Комплексный подход к изучению одного из ранних публицистических памятников Смуты // Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней. М., 1984. С. 130—132; *Морозо-*

ва Л. Е. Смута начала XVII в. глазами современников. М., 2000. С. 97—98.

[11] Вступать православным христианам в межконфессиональные браки воспрещалось 72-м каноном VI Вселенского Константинопольского собора, «иже бе в Трулле царских палат». Богословские обоснования необходимости повторного крещения католиков при присоединении их к православию представил выдающийся русский экклесиолог XX в. святитель Иларион (В. А. Троицкий) в работе «Единство Церкви и Всемирная конференция христианства» (Правила святых Апостол, святых соборов, Вселенских и Поместных, и святых Отец с толкованиями... С. 675—678; *Иларион (Троицкий), архимандрит.* Христианства нет без Церкви. М., 1992. С. 59—98).

[12] Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени... Стб. 740.

[13] О датировке т. н. «Рукописи Филарета» см.: *Морозова Л. Е.* К вопросу об идентификации филиграней Рукописи Филарета // Филигранологические исследования: Теория, методика, практика. Л., 1990. С. 97—105; *Она же.* Смута начала XVII в. ... С. 282—284.

[14] Сборник Муханова. 2-е изд., доп. СПб., 1866. № 195. С. 266. В тексте подлинника ошибочно написано: «Игнатия».

[15] О времени создания Второй редакции этого памятника см.: *Енин Г. П.* Сказание о поставлении на патриаршество Филарета Никитича // Словарь книжников и книжности Древней Руси: XVII в. Вып. 3. Ч. 3. СПб., 1998. С. 434.

[16] ДАИ. СПб., 1846. Т. 2. № 76. С. 195. Показательно, что в Первой редакции «Сказания известна», появившейся в 1653 г., имя Игнатия вообще не упоминалось (Кормчая. М., 1653. Л. 25 об.—37 об. (1-й фолиации).

[17] См.: *Николай (Ярушевич), иеромонах.* Церковный суд в России до издания Соборного уложения Алексея Михайловича (1649 г.): (Опыт изучения вселенских и местных начал и их взаимоотношений в древнерусском церковном суде): Историко-каноническое исследование. Пг., 1917. С. 280, 281. Ср.: *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской церкви... Кн. 6. С. 317.

[18] См.: Новый летописец // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. С. 69—70. О датировке и возможных авторах «Нового летописца» первоначальной редакции см.: *Солодкин Я. Г.* История позднего русского летописания... С. 68—72.

[19] См.: *Мейендорф И. Ф., протоиерей.* Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Париж, 1990. С. 270, 276. Ср.: *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 121—122. В 1378 г. великий князь Дмитрий Иванович, на короткое время посадив в узилище

киевского митрополита Киприана, также приказал надеть на него одежду рядового калугера (*Мейендорф И. Ф., протоиерей*. Византия и Московская Русь... С. 254).

[20] См.: Новый летописец... С. 65—66. По-видимому, облачение опальных архипастырей в простое монашеское одеяние, наряду с перевозкой их к месту ссылки в обычных телегах, преследовало лишь одну цель — публично умалить «внешнюю честь» епископского достоинства, сохраняемого за ними в большинстве случаев после наложения наказания. Ср.: 1-й канон Антиохийского Поместного собора // Правила св. Поместных соборов с толкованиями. 2-е изд. Вып. 1. М., 1912. С. 110—113.

[21] См.: *Арсений Елассонский*. Мемуары из русской истории... С. 178.

[22] Подробнее о жизненном пути Нектария Грека см.: *Снегаров И*. История на Охридската архиепископия-патриаршия. 2 фототип. изд. Т. 2. София, 1995. С. 194—196.

[23] Ср. титулование константинопольским патриархом Антонием IV покойного суздальского архиепископа Дионисия, скончавшегося в монастырской тюрьме Киево-Печерской обители осенью 1385 г., в грамоте, что была направлена его преемнику по кафедре Евфросину в 1393 г. С одной стороны, к имени Дионисия там прибавлялось этикетное обращение «*κύρ*», указывавшее на епископское достоинство, а с другой, его сан обозначался термином «*καλόγηρος*», никогда не использовавшимся в отношении архиерея. Аналогичным образом Антоний писал о первом суздальском архиепископе и в Наказе своим апокрисариям, вифлиемскому владыке Михаилу и императорскому чиновнику Алексею Аарону, посланным на Русь разбирать тяжбу митрополита Киприана и Евфросина Суздальского из-за юрисдикции Нижнего Новгорода и Городца, 29 октября того же 1393 г. (Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 / Сост., пер. с греч. А. С. Павлова // РИБ. 2-е изд. Т. 6. СПб., 1908. Приложение. № 41, 42. Стб. 277, 287 (2-я паг.). Ср.: *Lampe G. W. H*. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961. P. 698; Κριαρᾶς ʼΕμμ. *Λεξικον τής μεγαιωνικής έλληνικής δημώδους γραμματείας*. 1100—1669. *Θεσσαλονίκη*, 1980. Τ. 7. Σ. 276. Искренне благодарю Б. Л. Фонкича за любезное предоставление сведений о значении термина «*καλόγηρος*» из лексикографических изданий, оказавшихся недоступными для автора этих строк).

[24] См.: *Макарий (Булгаков), митрополит*. История Русской церкви... Кн. 6. С. 113—114, 294—295. Ср.: *Николай (Ярушевич), иеромонах*. Церковный суд в России... С. 283.

[25] См.: *Каптерев Н. Ф*. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 2. Сергиев Посад, 1912. С. 256—267. Ср. аналогичные затруднения византийского императора Иоанна Цимисхия с детронизацией неугодного ему константинопольского патриарха Василия I Скамандрина весной 974 г. Как известно, святитель, оклеветанный перед василевсом подчиненными ему епископами, потребовал созыва для суда над собой

нового Вселенского собора. Любопытно, что Лев Диакон, поведавший историю низложения Василия, считал это требование опального первоиерарха вполне справедливым, а его исполнение необходимым условием *законного* извержения из патриаршего достоинства с соблюдением всех юридических формальностей (*Лев Диакон*. История. М., 1988. С. 85).

[26] Церковное право (74-й канон апостольских правил и 28-й канон Карфагенского Поместного собора) категорически запрещало судить архиерея в его отсутствие. Заочное судебное разбирательство могло состояться лишь после троекратного отказа обвиняемого явиться на собор епископов для личного участия в слушании своего дела (Правила святых Апостол, святых соборов, Вселенских и Поместных, и святых Отец с толкованиями... С. 135—138; Правила св. Поместных соборов с толкованиями. Вып. 2. М., 1881. С. 441—447).

[27] См.: ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 44, 67. С. 100—101, 148—160; *Бутурлин Д. П*. История Смутного времени в России в начале XVII века. СПб., 1839. Ч. 1. Приложения. № 16. С. 111—113, и др.

[28] См.: Там же. С. 111; ААЭ. Т. 2. № 67. С. 155. В «прощальной» грамоте Собора 1607 г. М. Мнишек отчего-то именовалась «*люторския* веры девкой», а не католичкой. Между тем еще раньше, в мае — самом начале июня 1606 г., точно такую же ошибку в определении ее конфессиональной принадлежности допустил автор Краткой редакции «Сказания и повести» о Гришке Отрепьеве. Не исключено, что слух о протестантизме М. Мнишек появился в воспоминание былого лютеранства ее отца, Ю. Мнишка (Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени... Стб. 736, 741. Ср., например: *Морозова Л. Е*. Смута начала XVII в. ... С. 100. На принадлежность Ю. Мнишка к протестантам любезно указано А. А. Туриловым).

[29] О дате низведения Игнатия Грека с патриаршего престола см.: *Ульяновский В. И*. Патриарх Игнатий в Греции, России и Речи Посполитой... С. 56. В православной историографии это событие обычно датируется 18 мая 1606 г. (Основные события церковной и государственной истории // *Макарий* (*Булгаков*), *митрополит*. История Русской церкви... Кн. 6. С. 766).

[30] Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени... Стб. 732—733, 736, 739. В последнем обвинял Лжедмитрия и Игнатия автор знаменитого «Временника», усвояемого книжной традицией дьяку И. Т. Семенову (Временник Ивана Тимофеева... С. 87—88).

[31] Даже московский патриарх Филарет, которого было трудно заподозрить в симпатии к преемнику святителя Иова, сознавал всю эфемерность такого обвинения. На Освященном соборе 1620 г., где состоялся завуалированный заочный суд над Игнатием, он ни словом не обмолвился о

будто бы неправильной его интронизации (РГБ. Троицкое собр. № 741. Л. 48 об.—49 об.).

[32] Ср.: *Папулидис К. К.* Из истории русско-греческих связей конца XVI — начала XVII в.: (О происхождении московского патриарха Игнатия) // ВВ. М., 1977. Т. 38. С. 155. Самое свое второе патриаршество, начавшееся после снятия опалы, Игнатий, грек по рождению и воспитанию, явно воспринимал как весьма ординарное событие (в свете многочисленности примеров подобного рода в истории восточных патриархатов).

[33] См.: Правила св. Поместных соборов с толкованиями... Вып. 2. С. 855—861.

[34] См.: *Арсений Елассонский.* Мемуары из русской истории... С. 193; ААЭ. Т. 3. СПб., 1836. № 330. С. 483—484; Новый летописец... С. 109 и др. Ср.: *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви... Т. 2. С. 79.

[35] См.: *Арсений Елассонский.* Мемуары из русской истории... С. 195—196 (пунктуация в тексте наша.— *А. Б.*); *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской церкви... Кн. 6. С. 104. Подробнее о патриаршей домовой казне см.: *Писарев Н.* Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904. С. 114—115.

[36] СГГД. М., 1819. Ч. 2. № 272. С. 572.

[37] См.: *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской церкви... Кн. 6. С. 104—105.

[38] См.: *Любомиров П. Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939. С. 81, примеч. 1; 89, примеч. 4.

[39] См., например: *Ульяновский В. И.* Патриарх Игнатий в Греции, России и Речи Посполитой... С. 56—57; *Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии... С. 34.

[40] См.: Новый летописец... С. 115; *Любомиров П. Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения... С. 69. Подробнее о местоположении с. Рогачево см.: *Семенов П. П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 4. СПб., 1873. С. 302.

[41] См.: *Арсений Елассонский.* Мемуары из русской истории... С. 196. Ср.: *Ульяновский В. И.* Патриарх Игнатий в Греции, России и Речи Посполитой... С. 57.

[42] См., например: *Писарев Н.* Домашний быт русских патриархов... С. 244—245.

[43] Ср.: *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской церкви... Кн. 6. С. 105; *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви... Т. 2. С. 79.

[44] Ср. резко негативную реакцию Сигизмунда III на сам факт восстановления православной иерархии в Литве в 1620 г. Король не только не признал за новопоставленными архиереями епископского достоинства, но даже объявил их врагами государства, подлежащими немедленному

аресту (Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов... Т. 1. № 458. С. 178—179).

[45] В униатской и католической историографии заслуга обращения Игнатия в грекокатоличество целиком приписывается Иосифу Рутскому, который будто бы называл себя «апостолом», просветившим патриарха-схизматика (*Ульяновский В. И.* Патриарх Игнатий в Греции, России и Речи Посполитой... С. 57).

[46] Ср.: *Хинчевська-Геннель Т.* Берестейська унія в XVII столітті з польскої точки зору // Держава, суспільство і Церква в Україні у XVII столітті: (Матеріали Других «Берестейських читань» Львів, Дніпропетровськ, Київ, 1 — 6 лютого 1995 р.). Львів, 1996. С. 88—108.

[47] См.: АЗР. Т. 4. № 109, 114. С. 148, 157. Ср.: *Зноско К., протоиерей.* Исторический очерк церковной унии, ее происхождение и характер. М., 1993. С. 126—127.

[48] См.: АЗР. Т. 4. № 150. С. 236—237.

[49] Подробное богословское определение понятия «самочинное сборище» предложено Василием Великим в «Первом каноническом послании к Амфилохию, епископу Иконийскому» (1-е правило св. Василия Великого // Правила святых Отец с толкованиями... С. 149, 156—160).

[50] См.: *Ульяновский В. И.* Патриарх Игнатий в Греции, России и Речи Посполитой... С. 57.

[51] См.: Новый летописец... С. 106. Ср.: *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви... Т. 2. С. 75.

[52] См.: *Ульяновский В. И.* Патриарх Игнатий в Греции, России и Речи Посполитой... С. 57. Затевая этот поход, Сигизмунд не подозревал о полной капитуляции польского гарнизона в Москве 27 октября 1612 г. (по юлианскому календарю), последовавшей вскоре после взятия русскими ратниками и казаками Китай-города (*Любомиров П. Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения... С. 153—156).

[53] См.: АИ. СПб., 1841. Т. 3. № 72. С. 68.

[54] Бельский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 243. Ср.: *Солодкин Я. Г.* О происхождении Бельского летописца // ВИД. Т. 19. Л., 1987. С. 122—125; *Он же.* История позднего русского летописания... С. 139.

[55] Ср.: *Ульяновский В. И.* Патриарх Игнатий в Греции, России и Речи Посполитой... С. 56. См. примеч. 160.

[56] ААЭ. Т. 3. № 330. С. 483.

[57] Ср.: Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 23. С. 206.

[58] Ср. записи о браковенчании Лжедмитрия I и М. Мнишек вторым московским патриархом (!) 8 мая 1605 г. в III и V разрядах (по С. А. Белокурову: Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 80, 136).

[59] См.: *Смирнов А. П.* Святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всея России. М., 1874. С. 118—120 (1-й паг.); *Макарий*

(*Булгаков*), *митрополит*. История Русской церкви… Кн. 6. С. 276—278 и др. Ср.: *Карташев А. В*. Очерки по истории Русской церкви… Т. 2. С. 94—95.

[60] На существование в православии практики обязательной передачи в подобных случаях патриаршим местоблюстителем своих полномочий предстоятелю другой автокефальной церкви, занимающему в «пентархии» старшую кафедру, нам любезно указал протодиакон московского кафедрального собора Христа Спасителя о. А. Агейкин.

[61] Правила святых Апостол, святых соборов, Вселенских и Поместных, и святых Отец с толкованиями… С. 294—300.

[62] См.: *Карташев А. В*. Очерки по истории Русской церкви… Т. 2. С. 95.

[63] Ср.: *Соловьев С. М*. Сочинения… Кн. 5. С. 116.

[64] См.: *Морозова Л. Е*. Смута в России начала XVII в. в сочинениях ее современников // Культура средневековой Москвы: XVII век. М., 1999. С. 271; *Она же*. Смута начала XVII в. … С. 428.

[65] См.: *Макарий* (*Булгаков*), *митрополит*. История Русской церкви… Кн. 6. С. 127. Ср.: Архиереи Русской православной церкви // Там же. С. 738; *Булгаков С. В*. Настольная книга для священно-церковнослужителей: (Сб. сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). [Т. 2]. М., 1993. С. 1406, 1418 (*репринт*) и др.

[66] См., например: Житие архиепископа Арсения Суздальского (Хроники Смутного времени… С. 208—209. Ср.: Архиереи Русской православной церкви… С. 741).

[67] Решение об образовании архиепископии в Нижнем Новгороде приняли отцы Большого Московского собора в июне 1667 г., однако реализовано оно было лишь в 1672 г. (*Макарий* (*Булгаков*), *митрополит*. История Русской церкви. М., 1996. Кн. 7. С. 385; *Покровский И. М*. Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы: Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. 1. Казань, 1897. С. 173, 234, 288. О территории Патриаршей области в 1625 г. см., например: ААЭ. Т. 3. № 109. С. 231—232).

[68] Постановление об учреждении епископий во Ржеве Володимировой и Дмитрове также было принято на июньской сессии Большого Московского собора в 1667 г. (в отношении Ржевы Володимировой подтверждено в проекте увеличения числа русских епархий от 27 ноября 1681 г.). Однако до 1742 г. оба города входили в Патриаршую (Синодальную) область; в 1742—1744 гг.— были приписаны к Московской епархии, созданной на территории бывшего диоцеза Св. Синода. В 1744 г. Ржева Володимирова отошла к Тверской епархии, а Дмитров — к новообразованной Переяславль-Залесской епископии, просуществовавшей до 1787 г. (тамошние владыки титуловались также «дмитровскими»). Если отдельная

ржевская кафедра на правах викариатства Тверской епархии впервые открылась только в 1930 г. (упразднена в 1936 г.), то дмитровское викарное епископство при Московской архиепископии (митрополии) возникло много раньше, в 1788 г. (*Макарий* [*Булгаков*], *митрополит*. История Русской церкви... Кн. 7. С. 385; *Покровский И. М.* Русские епархии... Т. 1. С. 170, 173, 234, 236, 334, 361; *Он же*. Русские епархии... Т. 2. Казань, 1913. С. 358, 370, 373, 428, 429, 566, 870. Ср.: Епархии Русской православной церкви // *Цыпин В., протоиерей*. История Русской церкви: 1917—1997. М., 1997. С. 711; *Булгаков С. В.* Настольная книга... С. 1405).

[69] Распоряжение об основании епископий на Белоозере и в Великом Устюге содержалось в деяниях Большого Московского собора июня 1667 г. Впрочем, как и в случае с Дмитровом и Ржевой Володимировой, образование в этих городах отдельных кафедр весьма затянулось во времени: великоустюжская архиепископия появилась лишь в 1682 г., а белоозерская совсем не была создана (хотя решение об открытии епархии на Белоозере подтвердили отцы Церковного собора, созванного 8 февраля 1682 г.). При этом оба топонима встречаются в титуле вологодских архиепископов (с 1716 г.— епископов) XVII—XIX столетий: в 1796—1888 гг. они именовались еще и великоустюжскими, а до того, в 1658—1796 гг.,— белоозерскими (*Макарий* [*Булгаков*], *митрополит*. История Русской церкви... Кн. 7. С. 385; *Покровский И. М.* Русские епархии... Т. 1. С. 107, 124, 173, 334, 361—362, 365; *Он же*. Русские епархии... Т. 2. С. 431. Ср.: *Булгаков С. В.* Настольная книга... С. 1396—1397).

[70] До 1742 г. Брянск принадлежал к Патриаршей (Синодальной) области. В 1742 г. город был приписан к новообразованной Московской и Севской епархии, в которой в 1764 г. открылась викарная Севская и Брянская епископия с кафедрой в Севске. В 1799 г. Брянск территориально входил в состав Орловской и Севской епархии (*Покровский И. М.* Русские епархии... Т. 1. С. 171, 173, 236, 334, 361—362, 365; *Он же*. Русские епархии... Т. 2. С. 358, 425, 435, 436, 847. Ср.: Епархии Русской православной церкви // *Цыпин В., протоиерей*. История Русской церкви... С. 706).

[71] Судя по известной «Лествице властем», составленной при патриархе Иоасафе I, их кафедры занимали соответственно пятую и седьмую (с 1620 г. шестое место отводилось в ней сибирской и тобольской кафедре) ступени среди семи русских архиепископий. Иными словами, иерархическое положение обоих архиереев было более чем скромным, и, следовательно, их отсутствие на патриаршей интронизации не могло повлечь за собой необратимых, фатальных, последствий (*Макарий* [*Булгаков*], *митрополит*. История Русской церкви... Кн. 6. С. 320 [подсчет наш.— *А. Б.*]. О датах смерти Онуфрия Астраханского и Иоакима Псковского см., например: Архиереи Русской православной церкви // Там же. С. 739, 741).

[72] Как известно, поводом для осуждения архимандрита Дионисия послужила редакторская «справа» печатного Требника, проведенная им вместе с Арсением Глухим и Иваном Наседкой. Удаление справщиками в чине водосвятия прилога «и огнем» вызвало гнев патриаршего местоблюстителя Ионы Крутицкого, который повелел предать их церковному суду. Дионисий был освобожден из заключения лишь 14 июня 1619 г., однако официальный оправдательный приговор по своему делу он услышал на Освященном соборе, открывшемся спустя неделю *после* интронизации Филарета Никитича (*Скворцов Д.* Дионисий Зобниновский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря [ныне лавры]: Историческое исследование. Тверь, 1890. С. 294).

[73] См.: СГГД. Ч. 3. № 45. С. 187.

[74] См.: *Макарий* (*Булгаков*), *митрополит*. История Русской церкви... Кн. 6. С. 320 (подсчет наш.— *А. Б.*).

[75] Подробнее об этом см.: *Каптерев Н. Ф.* Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия. СПб., 1895. С. 27—29.

[76] СГГД. Ч. 3. № 74. С. 293.

[77] Греческий текст грамоты Феофана Иерусалимского о поставлении Филарета Никитича на патриаршество и ее русский перевод, выполненный «толмачами» Посольского приказа либо в 1619-м, либо в 1629 г., опубликован Б. Л. Фонкичем (*Фонкич Б. Л.* Греческие грамоты российских хранилищ: 5. Грамота иерусалимского патриарха Феофана об утверждении московским патриархом Филарета Никитича // Cyrillomethodianum. Thessalonique, 1989—1990. Vol. 13—14. P. 50—57. Подробнее о времени первого перевода этого акта на русский язык и об истории отправки палестинским владыкой повторной настольной грамоты в Москву в конце лета — начале осени 1629 г. см.: Ibid. P. 47—49).

[78] Ср. примеч. 152 и 159.

[79] См.: *Макарий* (*Булгаков*), *митрополит*. История Русской церкви... Кн. 6. С. 285—286. Подробнее о безукоризненной канонической обоснованности соборных постановлений 1620 г. см.: *Иларион* (*Троицкий*), *архимандрит*. Единство Церкви и Всемирная конференция христианства... С. 94—96.

[80] См.: *Макарий* (*Булгаков*), *митрополит*. История Русской церкви... Кн. 6. С. 286—290. Ср., например: *Кралюк П. М.* Духовні пошуки Мелетія Смотрицького... С. 102—104, и др.

[81] См.: *Папулидис К. К.* Из истории русско-греческих связей... С. 155; [*Шульгин В. С.*] Комментарии // *Макарий* (*Булгаков*), *митрополит*. История Русской церкви... Кн. 6. С. 693. Коммент. 314.

[82] Об анафематствовании Игнатия Грека в Неделю Торжества Православия по завершении работы Освященного собора 1620 г. см.: *Макарий*

(*Булгаков*), *митрополит*. История Русской церкви... Кн. 6. С. 589. Примеч. 109; РИБ. Т. 2. СПб., 1875. Стб. 552—553.

[83] Подробнее об этом см. выше.

[84] РГБ. Троицкое собр. № 741. Л. 48 об. Подробнее о распространении разных редакций текста приговоров Собора 1620 г. в русской книжности XVII в. см.: *Булычев А. А.* О публикации постановлений Церковного собора 1620 г. ... С. 37.

[85] Авторы оригинальных историко-публицистических сочинений о Смуте, составленных в 20—50-х гг. XVII в. под впечатлением осуждения и низвержения Игнатия Грека из патриаршего достоинства отцами Московского собора 1620 г., прямо обвиняли опального первоиерарха в еретичестве. См., например, такие широко известные памятники, как «Словеса дней и царей и святителей Московских, еже есть в России» кн. И. А. Хворостинина, «Повесть книги сея от прежних лет», приписываемая кн. И. М. Катыреву-Ростовскому, «Повесть о некоем мнисе, како послася от Бога на царя Бориса во отмщение крове праведнаго царевича Димитрия» кн. С. И. Шаховского, «История о первом Иове, патриархе Московском и всея России» и др. (Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени... Стб. 539—540, 578, 652, 865, 937—938).

[86] *Арсений Елассонский*. Мемуары из русской истории... С. 182. Подробнее о браковенчании Расстриги с М. Мнишек см.: *Успенский Б. А.* Свадьба Лжедмитрия // ТОДР Л. Т. 50. СПб., 1996. С. 404—425.

[87] *Арсений Елассонский*. Мемуары из русской истории... С. 182, 196. Ср.: *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви... Т. 2. С. 63. Отцы архиерейского «синода» 1620 г. могли лишить патриарха Игнатия первосвятительского достоинства и на основании 16 канона Двукратного Константинопольского собора, по которому епископ «аще... нерадит о своем стаде, ни болезнию, ни церковным повелением, ни патриарховым одержим, вящше шести месяц время от своея Церкви отшед сотворит, епископьскаго сана и чести, да будет чюждь». Но в этом случае они должны были быть точно уверены, что укрывшийся в Литве архипастырь не находился там в качестве пленника или лица с ограниченной свободой передвижения и поступков, а также не пребывал в состоянии тяжкого недуга (Правила св. Поместных соборов с толкованиями... Вып. 2. С. 861).

[88] Подробнее о количестве изготовленных экземпляров Царского Титулярника, внешнем оформлении кодексов и рассылке их по владельцам см., например: Опись архива Посольского приказа 1673 года / Подгот. к печ. *В. И. Гальцов*. Ч. 1. М., 1990. С. 39.

[89] В средневековой православной иконографии с нимбами вокруг головы изображались, помимо высших церковных иерархов, еще и верховные светские правители: византийские императоры, болгарские цари,

сербские деспоты и русские самодержцы. Причем нимб наряду с ритуальными облачениями и атрибутами составлял неотъемлемую часть официального портрета архипастыря или монарха, указывая не только на духовную высоту их сана, но и на законность инвеституры (*Филимонов Г. Д.* Иконные портреты русских царей // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1875. № 6—10. С. 44—56. Ср.: *Грабар А.* Император в византийском искусстве. М., 2000. С. 29—31, 44 и сл.).

[90] РГАДА. Ф. 135. Отд. 5. Рубр. 3. Д. 7. Л. 90, 95. Ср. «лицевое» изображение патриарха Иосифа (ил. 2) в полном первосвятительском облачении и с нимбом вокруг головы (Там же. Л. 94).

[91] Подробнее о попытках введения в Литве «универсальной унии» в 1636—1638 и 1643—1646 гг. см.: *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. Сергиев Посад, 1909. С. 221—222; *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние… С. 48 и сл.; *Плохий С. Н.* Папство и Украина… С. 139—157; *Жуковський А.* Петро Могила й питання єдности Церков… С. 124—152 и др. Ср.: *Флоря Б. Н.* Вопрос о «новой унии»… С. 132—137.

[92] См.: *Булычев А. А.* О публикации постановлений Церковного собора 1620 г. … С. 46—49, 60—61; *Опарина Т. А.* Иван Наседка… С. 214—243. Подробнее об идеологической и политической борьбе вокруг предполагавшейся свадьбы царевны Ирины Михайловны и сына датского короля Кристиана IV от морганатического брака, графа Вальдемара Шлезвиг-Гольштейнского, см.: *Голубцов А. П.* Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891; *Филина Е. И.* «Придворные партии» в политической борьбе в России в 30—50-е гг. XVII в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1995 и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, кампания по законодательному запрещению свободного распространения «литовских» изданий и рукописей в России, тщательно организованная и весьма успешно проведенная правительством во второй половине 20-х — начале 30-х гг. XVII в., преследовала не столько вероохранительные, сколько политические цели. Отсутствие в первых двух монарших указах, что запрещали ввоз украинских и белорусских книг на территорию Московии, какого-либо идеологического обоснования вводимых карательных санкций, с одной стороны, и их выпуск еще до времени освидетельствования местными начетчиками Учительного Евангелия Кирилла Ставровецкого в октябре-ноябре 1627 г., с другой, свидетельствуют о независимости этих актов от результатов цензуры сочинения украинского теолога. Более того, именно гонения на «литовскую» православную книжность, начавшиеся в стране по воле царя и патриарха, во многом определили характер и тональность обвинений, выдвинутых против Транквиллиона и его произведения. Поэтому провозглашение в указах «великих государей» конца осени 1627 г. Кирилла Ставровецкого единственным виновником «порчи» всех без исключения украинско-белорусских печатных изданий и «письменных» кодексов выглядит незамысловатой пропагандистской уловкой, при помощи которой августейшие

соправители пытались скрыть истинные причины затеянной ими акции. Повсеместное публичное сожжение рукой палача писаний Транквиллиона на кострах должно было оказать сильнейшее психологическое воздействие на москвитян и поколебать их традиционное доверие к хорошо известным памятникам единоверной книжности Речи Посполитой.

Неожиданное начало «антилитовской» кампании в сентябре 1626 г. и столь же внезапное свертывание ее в начале следующего десятилетия хронологически совпадали с наиболее серьезной попыткой учредить автономный униатско-православный патриархат в Литве в 20-х гг. XVII в. При этом пауза между сентябрьскими указами 1626 и 1627 гг. и, напротив, оживление законотворческой деятельности в октябре 1627 — феврале 1628 г. весьма точно соответствовали по времени двум раундам переговоров греко-католических эмиссаров со священноначалием Киевской православной митрополии о перспективах заключения «новой унии» и создании объединенного патриаршества. Жесткая и оперативная реакция российского правительства на сомнительные экклесиологические маневры авторитетных западнорусских иерархов была вызвана не только ожиданием нежелательных геополитических последствий от образования отдельной украинско-белорусской патриархии, но и заочным соперничеством Филарета Никитича с его предшественником Игнатием Греком, эмигрировавшим из России в Речь Посполитую осенью 1611 г. Проблема состояла в том, что отец Михаила Федоровича вступил на патриарший престол, как он полагал, при еще живом Игнатии, который сохранял формальное право оспорить собственное низложение лета 1606 г. из-за совершенных тогда серьезных нарушений церковного законодательства и самой процедуры судопроизводства. В случае захвата скипетра Московского царства королевичем Владиславом Вазой второй всероссийский патриарх мог беспрепятственно увенчать его шапкой Мономаха, придав правлению польского принца внешне легитимный характер. Полная неосведомленность Филарета о реальном

положении и судьбе Игнатия в Великом княжестве Литовском превращала его фигуру в грозный политический «призрак», беспокоивший государева родителя до последнего дня жизни.

В приложении к настоящей работе публикуются десять документов из архивов Оружейной палаты и Разрядного приказа, позволяющие лучше представить содержание семи указов царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета, выпущенных в ходе «антилитовской» кампании. Текст документальных памятников передан гражданским алфавитом с заменой вышедших из употребления букв современными. Буквы, отсутствовавшие в словах под титлами, а также выносные вносятся в строку без специального выделения. Твердый и мягкий знак ставятся по правилам современного правописания. Буква «ъ» сохраняется лишь в середине слов для передачи особенностей произношения и правописания XVII столетия. Числа, обозначенные буквами, передаются арабскими цифрами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

[1627 г., сентябрь].— Преамбула к указной грамоте из Разрядного приказа в Вязьму воеводам, стольнику князю В. П. Ахамашукову-Черкасскому и Д. А. Замыцкому, и дьяку М. Сомову с упоминанием царского указа сентября 1626 г. о высылке из страны киевских книготорговцев М. Григорьева и С. Селиванова со всем товаром.

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Вязьму стольнику нашему и воеводам князю Василью [Пе]тровичю Ахамашукову-Черкаскому д[а Да]нилу Ондреевичю Замытцкому, да дьяку нашему Матвею Сомову.

В прошлом во 135-м году в сентябре писали к нам ис Путивля стольник наш и воеводы Богдан Нагово да Петр Бунаков, что приехали в Путивль из-за рубежа киевляне Матюшка Григорьев, Сенка Селиванов, а с собою привезли на продажу книги литовские печати: Апостальские беседы, Евангилья учительные[1], Апостольские деянья, Трефолои, Максима Грека, Акафисты. И оне, Богдан и Петр, тех[2] киевлян и с ними книги, которые оне привезли с собою на продажу прислали к нам к Москве. И по нашему указу киявляня Матюшка Григорьев и Сенка Селиванов и книги, которые оне привезли были к Москве, отпущены в Путивль, а ис

Путивля тех киевлян, Матюшку и Сенку, и с книгами велено Богдану Нагово и Петру Бунакову отпустить за рубеж.

А на Москве и в городех тех литовских книг, по нашему указу, покупать // [не велено][3]...

РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 589. Л. 279. Беловой отпуск.

Примечания: [1]Исправлено из: учитительные. [2]Исправлено из: с сих. [3]Восстановлено по смыслу, далее текст указной грамоты не сохранился.

№ 2

[1627 г., до 27 ноября].— Отписка великолуцкого воеводы стольника В. А. Третьякова-Головина в Разрядный приказ о получении указной грамоты с изложением царского указа о запрещении населению покупать «литовские» печатные и рукописные книги у иноземных «торговых людей».

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твой, Васка Третьяков, челом бьет.

В нынешнем во 136-м году октября в 23 день прислана твоя, государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, грамота из Разряду за приписью дьяка Михаила Данилова на Луки Великие ко мне, холопу твоему. А в твоей государеве грамоте писано: А велено мне, холопу твоему, на Луках Великих о литовских о печатных и о писменых книгах заказ крепкой учинити, чтоб торговые и иные никакие люди в Киеве и в ыных в порубежных городех никаких книг литовские печати, также и писменых литовских книг, не покупати и на Луки Великие и в ыные ни в которые городы не привозили. А будет которые литовские торговые люди приедут на Луки с продажными с литовскими книгами и мне б, холопу твоему, у тех у литовских у торговых людей книг по тому ж покупати никаким людем не велеть. И велети бы литовских людей с книгами ворочать за рубеж, и велети им и приказывати накрепко, чтоб оне вперед

на Луки Великие и в ыные ни в которые городы с продажными книгами не приезжали для того, что в твоем, // государеве, Московском государстве всяких книг много московские печати. А как я, холоп твой, о литовских книгах заказ учиню и о том мне, холопу твоему, велено к тебе, государю, отписать.

И на Луки, государь, Великие со 134 году июня с 4 числа по нынешней по 136 год ноября по 11 день при мне, холопе твоем, из литовских городов и из волостей литовские торговые и луцкие люди никаких книг печатных и писменых на продажу не приваживали. А в нынешнем во 136-м году октября с 23 числа, по твоему государеву указу, я, холоп твой, на Луках Великих и в Луцких уездех о литовских о печатных и о писменых книгах заказ крепкой учинил, чтоб отнюд никаков человек у литовских у торговых и у всяких людей из литовских городов печатных и писменых книг не покупали. А будет у литовских у торговых у торговых людей какие книги в привозе объявятца и, по твоему государеву указу, я, холоп твой, с теми литовскими книгами учну тех литовских людей ворочать назад.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 9. Столпик 4. Л. 92—93. Подлинник. На л. 92 об. адрес: Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии. В Разряд; делопроизводственные пометы: 136-го ноября в 27 день с лучениным Семеном Костюриным; Взять к отпуску.

№ 3

1627 г., 25 ноября.— Память из Разрядного приказа дьяку Г. Золотареву во Владимирскую и Галицкую четверти о рассылке в подведомственные города указных грамот с изложением совместного указа царя и патриарха о конфискации у населения и публичном сожжении сочинений Кирилла Транквиллиона Ставровецкого и запрещении продажи «литовских» печатных и рукописных книг, ввезенных из Речи Посполитой.

Лета 7136-го ноября в 25 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память диаку Гуляю Золотареву.

Государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии и отец ево, государев, великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии, велели сыскать и досмотрети литовские печати в книгах в Учительных Евангильях архимандрита[1] Кирила Транквилиона Ставровецково ево слогу. И в тех книгах в Учительных Евангильях сыскано и досматривано, и приправлено к древним святых отец книгам — к Евангильем Учительным и к иным божественным книгам. И в те кириловых книгах в ево слоге сыскались многие ереси и супротивства древним Учительным Евангильям и иных святых // отец божественным книгам.

И государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии и отец ево, государев, великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии, указали на Москве и во [2]всех[2] городех литовские печати Учительные Евангилья архимандрита[1] Кирила Транквилиона Ставровецково и иные книги ево, Кирилова, слогу собрати и на пожарех зжечи, чтоб та ересь и смута в мире не была.

И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу диаку Гуляю Золотареву велети в городы, которые ведают в Володимерской и в Галитцкой чети, послати государевы грамоты к воеводам и к приказным людем. А велети в городех по торгом кликати биричем по многие дни: у которых людей такие литовские Учительные Евангилья или иные книги ево, Кирилова, слогу есть и те б люди тотъчас несли безпенно к воеводам и к приказным людем в съезжие избы. А воеводам и приказным людем велети тех людей имена, и хто какие книги литовские печати Кирилова слогу Транквилиона Ставроветцково принесет, писати на роспись // имянно. А собрав в городех те литовские печатные Учительные Евангилья и иные книги Кирилова слогу велети на пожарех зжечь, чтоб та ересь и смута однолично в мире не была.

Да о том о всем велети из городов воеводам писати и росписи таким книгам подлинные прислати к государю и к великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Русии к Москве тотчас, чтоб про то было ведомо. А отписки и росписи на государеве на Патриарше дворе велети отдавати боярину князю Ондрею Васильевичю Хилкову да дьяком Федору Рагозину да Гаврилу Левонтьеву.

А то в городех велети всяким людем сказати имянно и заказ крепкой учинити, чтоб однолично литовские печати никаких книг Кирилова слогу нихто у себя не держали и вперед нихто никаких книг литовские печати и писменых литовских книг не покупали. А хто ныне такие книги литовские печати Кирилову слогу у себя утаит или хто вперед учнет литовские книги какие ни буди покупати, а сыщетца то после мимо их, и тем людем от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии быти в великом в градцком наказанье, а от великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии быти в великом в духовном наказанье и в проклятье.

РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1468. Л. 1—3. Подлинник. Скрепа по ставам и на последнем л.: Диак Михайло Данилов.

Примечания: [1] В ркп.: архимарита. [2] Написано над строкой.

№ 4

1627 г., 30 ноября. — Указная грамота из Владимирской четверти во Владимир воеводе К. Н. Волкову и подьячему С. Дохтурову с изложением первого совместного указа царя и патриарха о конфискации и публичном сожжении сочинений Кирилла Транквиллиона Ставровецкого и о всеобщем запрещении продажи «литовских» печатных и рукописных книг в России.

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Володимерь воеводе нашему Карпу Нероновичю Волкову да подьячему Семену Дохтурову.

По нашему и отца нашего, великого государя святейшего патрияρха Филарета Никитича Московскаго и всеа Ρусии, указу велено на Москве и во всех городех литовские печати Учительные[1] Евангелия архимандрита[2] Кирила Транквилиона Ставровецкаго и иные книги ево, Кирилова, слогу собрати и на пожарех зжечи, для того что те книги[3] Учительные Евангелия архимандрита[2] Кирила Транквилиона Ставровецкаго ево[4] слогу досматриваны и правлены к древним святых отец книгам к Евангельем Учительным и к иным божественым книгам. И в тех кириловых книгах в ево слоге сыскались многие ереси и супротивства древним Учительным Евангельям и иным святых отец божественым книгам.

И как[5] к вам ся наша грамота придет, и вы б в Володимере[6] по торгом велели[7] кликать биричем по многие[8] дни: у которых // людей[9] литовские печати Учительные Евангелия архимандрита[2] Кирила Транквилиона Ставровецкого или иные книги ево, Кирилова, слогу есть[10], и те б люди[11] такие книги [12]тотчас[12] несли[13] безпенно к вам в съезжую избу. А как учнут приносити, и вы б велели тех людей имена и хто какие книги литовские печати Кирилова слогу Транквилиона Ставровецкаво принесет писати на роспись имянно. А собрав в Володимере те литовские печатные Учительные Евангелья и иные книги Кирилова слогу[14], велети на пожарех зжечь, чтоб та ересь и смута в мире не была.

Да о том бы [15]есте[15] отписали и роспись[16] таким книгам подлиную[17] прислали к нам и [12]х отцу нашему[12], к великому государю святейшему патрияρху Филарету Никитичю Московскому и всеа Ρусии, к Москве тотчас, чтоб про то было ведомо. А отписки и росписи велели[18] отдати[19] у отца нашего, великого государя святейшего патрияρха Филарета Никитича Московскаго и всеа Ρусии, [20]на[20] дворе боярину [12]нашему[12] князю Андрею Васильевичю Хилкову, да дьяком Федору Ρагозину да Гаврилу Левонтьеву.

А то бы есте в Володимере велели всяким людем сказати имянно и заказ крепкой учинити, чтоб однолично литовские печати никаких книг Кирилова слогу нихто[21] у себя не дер-

жали, и впредь нихто никаких книг литовские печати и писменых литов//ских книг не покупали. А хто ныне такие[22] книги литовские печати Кирилова слогу у себя утаит или хто вперед учнет литовские книги какие ни буди покупати, а сыщетца то после мимо их, и тем людем от нас быти в великом в градцком наказанье[23], а от отца нашего, великого государя святейшего патриярха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русии, быти в великом в духовном наказанье и в проклятие.

Писан на Москве в лета 7136-го ноября в 30 день.

РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 1468. Л. 4—6. Черновой отпуск. На л. 6 делопроизводственная помета: Таковы ж грамоты посланы: во Тверь, в Торжок, на Тулу, в Переславль, в Зараской, в Торусу[24], в Путив[ль][25], в Рылеск, Воротынеск, в Колугу, на Волуйки, в Боровеск.

Примечания: [1] Далее зачеркнуто: кн[иги]. [2] В ркп.: архимарита. [3] Далее зачеркнуто: литовские печати. [4] Далее зачеркнуто: Кири[лова]. [5] Далее зачеркнуто: к тебе. [6] Далее зачеркнуто: на посаде. [7] Далее зачеркнуто: про. [8] Далее зачеркнуто: торги. [9] Далее написано над строкой, а затем зачеркнуто: какие книги. [10] Далее зачеркнуто: и тем людем тотчас. [11] Далее зачеркнуто: тотчас. [12] Написано над строкой. [13] Далее зачеркнуто: к в[ам]. [14] Переправлено из: слову. [15] Написано над строкой, взамен зачеркнутого: еси. [16] Исправлено из: росписи. [17] Исправлено над строкой из: подлиные. [18] Исправлено над строкой из: велети. [19] Исправлено над строкой из: отдавати. [20] Написано над строкой, далее зачеркнуто: на ево Патриарше. [21] Исправлено из: нехто. [22] Далее зачеркнуто: литовские. [23] Далее зачеркнуто: а от велик[ого]. [24] В ркп. зачеркнуто. [25] Выносная читается нечетко, возможен вариант: Путим[ль].

№ 5

1627 г., 9 декабря.— Память из Разрядного приказа дьяку М. Смывалову в Устюжскую четверть о выдаче денег, предназначенных для компенсации «торговым людям» финансовых потерь из-за изъятия у них украинских и белорусских книг.

Лета 7136-го декабря в 9 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память дияку Михаилу Смывалову.

Прислати ему в Розряд к дияком думному Федору Лихачову да к Михаилу Данилову сто шестьдесят восем[1] рублев [2]десеть денег[2]. А по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии и отца его, государева, великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии указу из Розряду[3] те деньги [2]отнести[2]на его государев Патриархов двор к боярину ко князю Ондрею Васильевичю Хилкову, [4]да[4] к дьяком[5] к Федору Рагозину да к Гаврилу Левонтьеву. А им[5]те деньги [2]дати[2] за[6] книги литовские печати, которые взяты у торговых людей[7] по росписи, что переписываны з Земского двора[7].

РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 80. Л. 23. Черновой отпуск.

Примечания: [1] Исправлено над строкой из: пять. [2] Написано над строкой. [3] Далее зачеркнуто: послати. [4] Написано над строкой, взамен зачеркнутого: и. [5] Написано над строкой, взамен зачеркнутого: а дати. [6] Далее зачеркнуто: разные. [7] Приписано к тексту документа почерком, которым выполнена остальная правка.

№ 6

[1628 г., до 9 февраля].— Отписка торопецкого воеводы стольника князя В. Г. Ромодановского и подьячего Д. Алексеева в Разрядный приказ о получении указной грамоты с изложением второго совместного указа о проведении конфискации у населения и духовных корпораций всех без исключения книг «литовской печати», а также о публичном сожжении писаний Кирилла Ставровецкого и о запрещении впредь любых торговых операций с украинско-белорусскими изданиями и рукописями.

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои, Васка Ромодановский да Девятко Олексеев, челом бьют.

В нынешнем, государь, во 136-м году декабря в 17 день прислана к нам, холопем твоим, в Торопец твоя государева грамота из Розряду за приписью дияка Михаила Данилова с торопченином сыном боярским с Третьяком Гафидовым. А в твоей государевой грамоте писано: В нынешнем во 136-м году в октябре писано от тебя, государя, к нам, холопем твоим, что ведомо тебе, государю, учинилось, что за рубежом черниговской архимандрит[1] Кирил пристал к латынской вере и впал во многие латынские ереси, и в литовские в печатные книги, и в Учительныя Евангилья, и в ыные книги литовские печати, и многие латынские ереси вводит тайно. И те книги из Киева и из иных литовских городов мимо твой государев указ торговые люди привозят в Путивль и в ыные городы и продают для смуты всяким людем.

И о тех о литовских о печатных и о писменых книгах велено нам, холопем твоим, заказ крепкой учинить, чтоб торговые и иные никакие люди в Киеве // [и в ы]ных в порубежных городех никаких книг литовские печати, також и писменых литовских книг, не покупали и в Торопец и в ыные ни в которые городы не привозили. А будет которые литовские торговые люди преедут в Торопец с продажными книгами и у тех у литовских у торговых людей в Торопце книг потому ж покупати никаким людем не велено. И велено тех литовских людей с книгами ворочать за рубеж и им приказывати накрепко, чтоб они и вперед в Торопец и в ыные ни в которые городы с продажными книгами не приезжали для того, что в твоем, государеве, в Московском государстве всяких книг много московские печати.

И в нынешнем же во 136-м году ты, великий государь царь и великий князь Михайла Федорович всеа Русии, и отец твой, государев, великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии, велели сыскати и досмотрети литовские печати в книгах в Учительных Евангильях Кирилова слогу Транквелиона[2] Ставровецкого. И в тех Учительных Евангильях сыскано и досмотрено, и приправлено к древним святых отец книгам к Евангильям

Учительным и к иным божественым книгам. И в тех Кириловых книгах в его слоге сыскались многие ереси и супротивства древним Учительным // Евангильям и иным святых отець божественым книгам. И для тое ереси указал ты, государь царь и великий князь Михайла Федорович всеа Русии, и отець твой, великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии, на Москве и во всех городех литовские печати Учительные Евангилья архимандрита[1] Кирила Транквелиона Ставровецкого и иные книги ево, Кирилова, слогу собрати и на пожарех зжечь, чтоб та ересь и смута в мире не была.

И по твоей государевой грамоте велети бы нам, холопем твоим, в Торопце собрати всяких торопецких служилых и жилецких людей к съезжей избе и твою государеву грамоту велети им прочести всем вслух; и по торгом велети биричю кликати по многие дни, чтоб всякие люди, у которых всякие литовские Учительные Евангилья или иные книги ево, Кирилова, слогу есть, и те б люди тотчас несли безпенно к нам, холопем твоим, в съезжую избу. И велети б тех людей имена, и хто какие книги литовские печати Кирилова слогу Транквелиона Ставровецкого принесет, писати на роспись имянно. А собрав в Торопце литовские печатные Учительные Евангиль[я] и иные книги Кирилова слогу, велети на пожаре зжечь, чтоб та ересь и смута // однолично в мире не была. Да о том о всем отписати и росписи таким книгам подлинные у ково сколько возмем прислати к тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, и к отцу твоему, государеву, к великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Русии, чтоб вам, государем, про то было ведомо.

А то бы нам, холопем твоим, в Торопце всяким людем сказати имянно и заказ крепкой учинити, чтоб однолично литовские печати никаких книг Кирилова слогу нихто у себя не держал, опричь московские печати. И в литовских городех никаких книг литовские печати, также и писменых книг, торговые и иные никакие люди не покупали и в Торопец и в

ыные ни в которые твои, государевы, городы не привозили. А хто ныне такие книги литовские печати Кирилова слогу у себя таит и к нам, холопем твоим, в съезжую избу не принесет, или торговые или иные какие люди в литовских городех какие книги нибудь литовские печати, так ж и писменые литовские ж, учнут покупати и в Торопец или в ыные в твои, государевы, городы привозити тайно, а сыщетца то после мимо их. И тем // людем от тебя, государя, быти в великом градцком наказанье, а от отца твоего, государева, великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии, быти в великом в духовном наказанье.

И по твоей, государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, грамоте велели мы, холопи твои, собрати игуменов и попов, и дьяконов и всяких торопецких и служилых и жилецких людей к съезжей избе, и твою государеву грамоту велели им прочести всем вслух. И выслушав, государь, твоей государевы грамоты, игумены и попы, и дьяконовы и всякие служилые и жилецкие люди сказали нам, холопем твоим, что у них в Торопце литовские печати Учительных Евангилей и иных книг ево, Кирилова, слогу Транквелиона Ставровецкого никаких нет.

И мы, холопи твои, велели по торгом биричю кликати по многие дни, чтоб всякие люди, у которых такие литовские Учительные Евангилья или иные книги ево, Кирилова, слогу есть, и они б несли к нам, холопам твоим, тотчас безпенно. И генваря, государь, по 29 [3] число литовских Учительных Евангилей и никаких книг нихто не принашивал и у литовских // торговых людей в привозе при нас, холопе[х] твоих, таких книг в Торопец не бывало.

А то мы, холопи твои, в Торопце всяким людем сказали имянно и заказ крепкой учинили, чтоб однолично литовские печати никаких книг Кирилова слогу нихто у себя не держали, опричь московские печати. И в литовских городех никаких книг литовские печати, также и писменых книг, торговые и иные никакие люди не покупали и в Торопец и в ыные ни в которые твои, государевы, городы не привозили. А хто ныне

такие книги литовские печати Кирилова слогу у себя утаит и нам, холопем твоим, в съезжую не принесет, или торговые или иные какие люди в литовских городех какие книги нибудь литовские печати, так ж и писменые литовские ж, учнут покупати и в Торопец или в ыные твои, государевы, городы привозити тайно, а сыщетца то после мимо их. И тем людем от тебя, государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, быти в великом градцком наказанье, а от отца твоего, государева, великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии, быти в великом в духовном наказанье.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 38. Л. 126—131. Подлинник. На л. 126 об. адрес: Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии. [В Разряд] [4] (?); делопроизводственные пометы: 136-го февраля 9 [день.— *А. Б.*] с Петром Башеевым; Взять к отпуску.

Примечания: [1] В ркп.: архимарит. [2] Исправлено из: Транквевиона. [3] В ркп. «9» написана другими чернилами. [4] Текст уничтожен при реставрации, сохранились лишь верхние окончания отдельных букв.

№ 7

1628 г., 26 февраля.— Указная грамота из Разрядного приказа путивльским воеводам князю С. В. Прозоровскому и А. И. Толбузину с изложением четвертого совместного указа царя и патриарха, уточнявшим процедуру конфискации у населения и духовных корпораций памятников единоверной «литовской» книжности.

Список с грамоты слово в слово.

От царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии в Путимль воеводам нашим князь Семену Васильевичю Прозоровскому да Андрею Ильичю Толбузину.

Писано от нас к вам напперед сего, а велено вам литовские книги не Кирилова слогу Транквилина Ставровецкаго у всяких людей переписать: у какого человека и у кого именем

какая книга, и у церкве, или кто у себя во дворе держал, да о том о всем велено вам к нам отписать и роспись книгам подлинную прислать.

И как к вам ся наша грамота придет, и вы б по прежнему нашему указу и по сей нашей грамоте в Путимле в соборной церкве и в монастырех, и у мирских церквей на посаде и в уезде каких книг московские печати и писменных, и что у которой церкви книг литовских печатных и писменных; и сколь давно те литовские печатные и писменные книги у церквей, и без тех книг в церквах без пенья не будет ли? А то бы есте в монастырех игуменом и черным попом, и соборные и посадских церквей и уездных попом сказали, что мы, великий государь, и отец наш, великий государь святейший патриарх Филарет Никитичь Московский и всеа Русии, указали в Путимль ко всем церквам, в литовских книг место, послать с Москвы с Печатного двора московские печати книги: Апостолы, Псалтири, Часовники. И они б книги литовские печати держали у церквей покаместо в тех книг место в Путимль к церквам книги московские печати пришлют для того, чтоб в церквах без пения не было.

А которые люди держать у себя во дворех литовские печатные и писменные книги, и вы б те все книги литовские печатные и писменные тотчас собрали, и те книги пересмотрели и велели написать имянно у какого человека и у кого именем какая книга. Да о том о всем к нам тотчас отписали и роспись книгам всем подлинную прислали, а то бы есте в росписи велели расписать именно: которые книги были у церквей и которые были во дворех, а не у церквей. И мы о тех о литовских книгах велим наш указ учинить.

Писан на Москве лета 7136 году февраля в 26 день. А подлинная грамота за приписью розряднаго дьяка Михайла Данилова.

Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II Отделением собственной Е. И. В. Канцелярии. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 980—982. (Текст документа реконструирован издателями по трем спискам т. н. «дворцовых разрядов» XVII в.)

№ 8

1630 г., декабрь.— Указная грамота из Разрядного приказа рыльскому воеводе князю О. И. Щербатому о высылке в столицу двух «литовских» изданий: Учительного Евангелия Кирилла Ставровецкого (Рохманово, 1619 г.) и «Маргарита» Иоанна Златоуста (Острог, 1595 г.), добровольно выданных местным кабацким головой К. Савостьяновым.

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Рылеск стольнику нашему и воеводе князю Осипу Ивановичю Щербатому.

Писал еси к нам: В нынешнем в 139 [1]-м году сентября в 21 день принес к тебе в съезжую избу рыльской кабатцкой голова путивлец посадцкой человек Кирилко Савостьянов две книги 2 литовские печати: [3]одна книга[3] — Евангилье Учительное Кирилова слогу Ставроветцкого[4], [3]а другая книга[3] — Маргарит. А в роспросе тебе тот Кирилко сказал: В прошлом[5] в 136-м году привез он из-за рубежа в Путивль литовские печати многие [3]розные [3]книги. И те книги, по нашему указу, отвез он [3]назад [3]за рубеж и отдал в Новгородцком уезде литовскому торговому человеку Софронку Киенину[6]. И в прошлом[7] в 138-м году тот литовской торговый человек // Софронко Киенин приезжал в Путивль с торгом, и те две книги литовские печати: [3]книгу [3]Евангилье Учительное[4] [3]да другую книгу [3] Маргарит, в Путивле прислал на ево, кирилков, двор без нево, Кирилка[8]. И нам бы [9] о том велети указ учинить.

И как к тебе ся наша грамота придет и ты б книги литовские печати: [3]книгу [3]Евангилье Учительное[4] [3]да другую книгу[3] Маргарит[10] прислал к нам к Москве и велеть[11] отдати в Розряде диаком [3]нашим[3]думному Ивану Гавреневу да Михаилу Данилову.

Писан на Москве лета 7139-го декабря в[12] день.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 325. Л. 527—528. Черновой отпуск.

Примечания: [1] Исправлено из: 138. [2] Далее написано над строкой, а затем зачеркнуто: одна. [3] Написано над строкой. [4] Далее зачеркнуто: да. [5] Далее написано над строкой, а затем зачеркнуто: де. [6] Далее зачеркнуто: а велел ему те книги продати в Литовской земле. [7] Далее зачеркнуто: де. [8] Далее зачеркнуто: А сказал, что он тех дву[х] книг за рубежом не продал. И ты те две книги велел держати в съезжей избе. [9] Далее зачеркнуто: тебе. [10] Далее зачеркнуто: что принес к тебе прислал, запечатав своею печатью. [11] Исправлено из: велел. [12] Число в ркп. не проставлено.

№ 9

1638 г., сентябрь.— Память из Разрядного приказа боярину князю А. М. Львову и дьякам Г. Нечаеву и М. Чиркову в Приказ Большого дворца о конфискации «литовских» изданий из библиотеки путивльского Молчанского монастыря в декабре 1627 г.

Лета 7147-го сентября в[1] день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, боярину князю Олексею Михайловичю Лвову да дияком Григорью Нечаеву да Максиму Чиръкову, в Розряд к[2] дьяком к думному к Ивану Гавреневу да к Григорью Ларионову. В памяти за твоею, Максимовою, приписью написано: Велено выписать из книг и из отпусков, по указу блаженные памяти великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии, ис Путивля из Молчевского монастыря киевские печати Трефолой во весь год да Минея общая взяты ли? И будет они взяты, где те книги отданы, или в Розряде? Да та выпись велено прислати в Приказ Большого Дворца к тебе, боярину, ко князю Олексею Михайловичю, и к диаком.

И в Розряде сыскано: в прошлом во 136-м году генваря в 9 день по отписке и по росписи ис Путивля воевод князя Семена[3] Прозоровского да Ондрея Толбузина сыскано в Путивле в церквах и у всяких людей [4]книги[4] Евангилье[5] Учительные[6] Кирилова слогу Транквилиона Ставроветцкого. И те Учительные Евангилье Кирилова слогу Ставроветцкого,

по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии и отца ево, государева, блаженные памяти великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии, указу, в Путивле на пожаре позжены[7], [8]а ис[8] Путивля прислано[9] книг литовские ж печати, а сысканы в церквах Евангильев напрестольных и толковых и иные книги.

И в той росписи написано: Взято и прислано к Москве Молченского монастыря Евангилье напрестольное виленской печати в десть, Евангилье толковое старой литовской печати, два // Апостола печатные ветхие в десть, Трефолой во весь год в десть киевской печати, два Часослова киевской печати, Псалтырь в десть виленской печати, книги Иванна Златоустого[10] виленской печати в тетратех, Служебник старой печати в полдесть, Псалтырь киевской печати в полдесть. А Минеи общей[11] в той росписи не написано.

И те книги, по указу блаженные памяти великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии, из Розряду [12]взяты[12]на Патриарш Двор[13]. [14]А в то место, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии и отца ево, [госу]дарева, блаженные памяти великого [госу]даря святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии, [указу.— *А. Б.*], пожалованы в Молчанской монастырь[14] с книжново с Печатново Двора[15]: Евангилье напрестольное, Евангилье толковое, два Апостола, Псалтырь, Служебник. А в Трефолоя место книги в Молчанской монастырь не послано, потому что [16]в то лето[16] на книжном на Печатном Дворе Трефолуев не было.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Д. 460. Л. 21—22. Черновой отпуск. На л. 22 об. делопроизводственная помета: Справил Степашко Лавров.

Примечания: [1] Число в ркп. не проставлено. [2] Написано по стертому. [3] Далее зачеркнуто: Васильевича. [4] Написано над строкой. [5] Исправлено из: Евангильев. [6] Исправлено из: Учительных. [7] Исправлено из: позжену; далее зачеркнуто: да. [8] Далее написано над строкой

поверх нечитаемого. [9] Далее написано над строкой, а затем зачеркнуто: к Москве. [10] Исправлено из: Златоуста. [11] В ркп.: общай. [12] Написано над строкой взамен: отосланы. [13] Далее зачеркнуто: а в Молченской монастырь послано с Москвы. [14] Вставной текст написан на л. 22 об. [15] Далее зачеркнуто: книг. [16] Написано над строкой взамен: те поры.

№ 10

[1642 г., до 31 января].— Отписка усердского воеводы стольника Е. И. Соплина-Бутурлина в Разрядный приказ об обстоятельствах приобретения двух книг «литовской печати», ранее якобы принадлежавших «белорусскому» попу Андрею.

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твой, Омелька Бутурлин, челом бьет.

В нынешнем, государь, во 150-м году декабря в 29 день прислана, государь, ко мне, холопу твоему, на Усерд твоя, государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, грамота из Разряду за приписью дьяка Григория Ларионова. А в твоем государеве указе написана будто[1] я, холоп твой, у белоруского попа у Ондрея, как их грамили, взял книгу Полуставье да книгу Евангелие Учительное[2]. И я, государь, у белорусца[3] у попа Ондрея книг не имавал, а дали, государь, мне те книги всем войском ратныя люди розных городов. И те, государь, я книги преж твоево государева указу сослал в галецкую свою деревнишку к церковному строенью.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Д. 152. Л. 432. Подлинник. На л. 432 об. адрес: Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии. В Розряд.; делопроизводственные пометы: 150-го генваря в 31 день усердъской сотник Осип Булавин; Послать [4]велит взять[4] и дать на порук[и] человека ево.

Примечания: [1] В ркп.: бутта. [2] В ркп.: Учительная. [3] В ркп.: белорусцо. [4] В ркп. читается неуверенно.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	—	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук
АИ	—	Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею
АЗР	—	Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею
АМГ	—	Акты Московского государства
АЮЗР	—	Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою экспедициею
ВВ	—	Византийский временник
вел.	—	великий
ВИД	—	Вспомогательные исторические дисциплины
ГПБ	—	Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне: Российская национальная библиотека) (Санкт-Петербург)
Е. И. В. Канцелярия	—	Его Императорского Величества Канцелярия
кн.	—	князь
преп.	—	преподобный
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей
РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ	—	Российская государственная библиотека (Москва)
РИБ	—	Русская историческая библиотека
РПЦ	—	Русская Православная Церковь
с.	—	село
св.	—	святой
СГГД	—	Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел
ЧОЛДП	—	Чтения в Обществе любителей духовного просвещения

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН [1]

[1] Имена исследователей и археографов выделены курсивом.

Ил. 1. Московский патриарх Игнатий. Царский Титулярник. 1672 г. РГАДА

Ил. 2. Московский патриарх Иосиф. Царский Титулярник. 1672 г. РГАДА

Ил. 3. Московский патриарх Никон.
Царский Титулярник. 1672 г. РГАДА

Андрей Алексеевич Булычев

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАМПАНИИ XVII ВЕКА

Законодательные акты второй половины 1620-х годов о запрете свободного распространения «литовских» печатных и рукописных книг в России

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление обложки
Натальи Прокуратовой и Сергея Жигалкина

Корректор М. Григорян

Художественный консультант Л. М. Панфилова

Подписано в печать 09.07.2004. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная.
Усл. п. л. 3,65. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».
ЛР № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: Lrc@comtv.ru

*

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ»
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ

Г. А. Гуковский. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. 352 с. 2001.

Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. 816 с. 2000.

В. М. Живов. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. 760 с. 2002.

В. А. Жуковский. Полное собрание сочинений: В 20 т.

Т. I. Стихотворения 1797–1814 годов. 760 с. 1999.

Т. II. Стихотворения 1815–1852 годов. 840 с. 2000.

Т. XIII. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833. 608 с. 2004.

А. А. Зализняк. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. 2002. – I–VIII, 752 с. 2002.

А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект – 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995—2003 гг. 872 с. 2004.

Вяч. Вс. Иванов. Избранные труды по семиотике и истории культуры.

Т. I. 912 с. 1998.

Т. II. 880 с. 2000.

Т. III. 880 с. 2004.

С. А. Иванов. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» миссионера? 376 с. 2003.

Из истории русской культуры.

Т. I. Древняя Русь. 760 с. 2000.

Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. 944 с. 2002.

Т. III. XVII век. 768 с. 1995.

Т. IV. XVIII – начало XIX века. 832 с. 1996.

Т. V. XIX век. 848 с. 1996.

А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Части 1–2, 880 с. 2003.

Т. Леннгрен. Соборник Нила Сорского.

Ч. 1. 472 с. 2000.

Ч. 2. 512 с. 2002.

Ч. 3. 584 с. 2003.

П. Е. Лукин. Письмена и православие. 376 с. 2001.

Н. А. Любимов. Неувядаемый цвет: Книга воспоминаний. В 3 т.

Т. I. 416 с. 2000.

Т. II. 416 с. 2004.

К. А. Максимович. Пандекты Никона Черногорца. 296 с. 1998.

Р. Пиккио. Древнерусская литература. 352 с. 2002.

Л. В. Пумпянский. Классическая традиция. 864 с. 2000.

А. С. Пушкин. Тень Баркова. 496 с. 2002.

Русский язык в научном освещении. № 2. 2001. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).

Русский язык в научном освещении. № 1(3). 2002. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).

Русский язык в научном освещении. № 2(3). 2002. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).

Русский язык в научном освещении. № 1(5). 2003. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).

Русский язык в научном освещении. № 2(6). 2003. (Языки славянской культуры: ИРЯ РАН).

Русский язык конца XX столетия (1985–1995): Сб. ст. 480 с. 2000.

В. В. Седов. Славяне: Историко-археологическое исследование. 624 с. 2002.

А. М. Селищев. Труды по русскому языку. Т. I. 632 с. 2003.

А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка.

Т. 1. 712 с. 2004.

Ж. Старобинский. Поэзия и знание: История литературы и культры.

Т. I. 528 с. 2002.

Т. II. 600 с. 2002.

В. Н. Топоров. Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие.

Кн. I. 912 с. 2001.

Кн. II. 928 с. 2003.

В. Н. Топоров. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения. 816 с. 2004.

Я. Ульфельдт. Путешествие в Россию. 616 с. 2002.

Ф. Б. Успенский. Имя и власть. 144 с. 2001.

Ф. Б. Успенский. Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. 456 с. 2002.

А. А. Формозов. Пушкин и древности: Записки археолога. 144 с. 2000.

М. О. Чудакова. Литература советского прошлого. Т. 1. 472 с. 2001.

М. И. Шапир. UNIVERSUM VERSUS: ЯЗЫК–СТИХ–СМЫСЛ в русской поэзии XVIII–XX веков. Кн. 1. 544 с. 2000.

А. Д. Шмелев. Русская языковая модель мира. 224 с. 2002.

Д. Н. Шмелев. Избранные труды по русскому языку. 888 с. 2002.

Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. 144 с. 2002.

Дж. Т. Шоу. Конкорданс к стихам А. С. Пушкина. Т. 1–2.

Т. 1. 672 с. 2000.

Т. 2. 640 с. 2000.

Дж. Т. Шоу. Поэтика неожиданного у Пушкина. 456 с. 2002.

Е. М. Юхименко. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература.

Т. I. 544 с. 2002.

Т. II. 480 с. 2002.

Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю. С. Степанова. 600 с. 2001.

Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. 496 с. 2001.